

**НОВЫЙ
ИСТОРИЧЕСКИЙ
ВЪСТНИКЪ**

THE NEW HISTORICAL BULLETIN

№ 3 (53)

2017

Москва 2017

**РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ**

ИСТОРИКО-АРХИВНЫЙ ИНСТИТУТ

Журнал основан в 2000 г.

ОСНОВАТЕЛИ И ГЛАВНЫЕ РЕДАКТОРЫ

**Сергей Сергеевич Ипполитов
Сергей Владимирович Карпенко**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

**О.Г. Буховец, В. Голдман, Н.Т. Ерегина, В.П. Зиновьев,
В.Г. Корнелиук, А.В. Костров, Н.Г. Кулинич, А.М. Пашков,
А.А. Симонов, В.Л. Успенский, Д. Фильцер, В.Ж. Цветков, Л. Чех**

**Ответственный секретарь М.Ю. Черниченко
Переводчики О.Н. Судакова, К.Дж. Сторэлла
Обложка А. Надточенко**

Выходит 4 раза в год

Адрес редакции:
121433, Москва, Б. Филевская, 69-2-67
Эл. почта: nivestnik@yandex.ru
Сайт: www.nivestnik.ru

Подписной индекс по каталогу «Урал-Пресс»: ВН002537

- © Новый исторический вестник, 2017
- © Редакция «Нового исторического вестника»
ООО «Смелый дизайн», 2017
- © Издательство Ипполитова, 2017

**RUSSIAN STATE UNIVERSITY
FOR THE HUMANITIES**

INSTITUTE FOR HISTORY AND ARCHIVES

Journal founded in 2000

FOUNDERS AND EDITORS-IN-CHIEF

**Sergey S. Ippolitov
Sergey V. Karpenko**

EDITORIAL BOARD

**O. Bukhovets, L. Čech, N. Eregina, D. Filtzer, W. Goldman,
V. Karnialiuk, A. Kostrov, N. Kulinich, A. Pashkov,
A. Simonov, V. Tsvetkov, V. Uspensky, V. Zinoviev**

**Executive Secretary M. Chernichenko
Translators O. Sudakova, C.J. Storella
Cover Designer A. Nadtochenko**

Quarterly Journal

Address:
69-2-67, Bolshaya Filevskaya St., Moscow, Russia, 121433
E-mail: nivestnik@yandex.ru
Web-site: www.nivestnik.ru

«Ural-Press» Catalogue Subscription Index: ВН002537

- © Novyy Istoricheskiy Vestnik, 2017
- © Novyy Istoricheskiy Vestnik Editorial Staff
LLC “Smelyi Dizayn”, 2017
- © Ippolitov Publishing House, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Российская государственность

<i>Тепкеев В.Т.</i> Участие калмыков в подавлении Булавинского восстания	6
<i>Щавелёва М.Б.</i> Формирование органов управления и самоуправления в Арзамасском уезде Нижегородской губернии (1779 – 1796 годы)	20
<i>Краснов С.Ю.</i> «Казачий присуд» у донских казаков во второй половине XIX века	36
<i>Корнеева Ю.В.</i> Из истории развития торговли в городах Среднего Поволжья во второй половине XIX века	53
<i>Алфёрова И.В., Блохин В.Ф.</i> «Гасильник народного духа»: Цензурные ограничения в освещении героизма фронтовиков во время Первой мировой войны	63
<i>Лиджиева И.В.</i> Калмыцкое самоуправление и развитие кумысолечения в Калмыкии во время Первой мировой войны	85
<i>Бакулин В.И.</i> «Аппарат разладился и разлагается»: Ход и итоги борьбы левой оппозиции за внутрипартийную демократию в Вятской губернии (осень 1923 – весна 1924 годов)	96
<i>Бадмаева Е.Н.</i> Ускоренное «решение религиозного вопроса» партийно-государственным аппаратом в Калмыкии (1917 – 1924 годы)	116
<i>Хаминов Д.В.</i> Томские историки в горниле послевоенных идеологических кампаний	128
<i>Сабирова З.Р.</i> Библиотеки и библиотечное обслуживание населения Башкирии в XX веке	145

Россия и мир

<i>Осипов Е.А.</i> Экономическая реформа 1965 года как фактор сближения между Москвой и Парижем	158
---	-----

События и судьбы

<i>Джунджузов С.В., Любичанковский С.В.</i> Миссионерская деятельность Никодима Ленкеевича в Калмыцком ханстве (1725 – 1734 годы)	172
---	-----

CONTENTS

Russian Statehood

<i>Tepkeev V.</i> Kalmyk Participation in the Suppression of the Bulavin Rebellion	6
<i>Shchavelova M.</i> The Formation of Government and Self-Government Bodies in Arzamas District, Nizhny Novgorod Province (1779 – 1796)	20
<i>Krasnov S.</i> <i>Kazachii prisud</i> : Cossack Customary Law under the Don Cossacks in the Second-Half of the Nineteenth Century	36
<i>Korneeva Yu.</i> From the History of the Development of Trade in the Towns of the Middle-Volga Region in the Second Half of the Nineteenth Century	53
<i>Alferova I., Blokhin V.</i> “The Extinguisher of the National Spirit”: Censorship Limitations on Reporting on the Heroism of Front-Line Fighters during the First World War	63
<i>Lidzhieva I.</i> Kalmyk Self-Government and the Development of the Koumiss Treatment in Kalmykia during the First World War	85
<i>Bakulin V.</i> “The Party Apparatus has Broken Down and is Deteriorating”: The Development and Results of the Struggle of the Left Opposition for Intra-Party Democracy in Vyatka Province (Fall 1923 – Spring 1924)	96
<i>Badmaeva E.</i> The Accelerated “Settlement of the Religious Question” by the Bolshevik Party and Soviet State Apparatus in Kalmykia (1917 – 1924)	116
<i>Khaminov D.</i> The Tomsk Historians in the Crucible of the Post-War Ideological Campaigns	128
<i>Sabirova Z.</i> Libraries and Library Services for the Population of Bashkiria in the Twentieth Century	145

Russia and the World

<i>Osipov E.</i> The 1965 Soviet Economic Reform as a Factor in the Rapprochement between Moscow and Paris	158
--	-----

Landmarks in Human History

<i>Dzhundzhuzov S., Lyubichankovskiy S.</i> The Missionary Activity of Nicodemus Lenkeevich in the Kalmyk Khanate (1725 – 1734)	172
---	-----

РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ

Russian Statehood

* * *

В.Т. Тепкеев

УЧАСТИЕ КАЛМЫКОВ В ПОДАВЛЕНИИ БУЛАВИНСКОГО ВОССТАНИЯ

V. Tepkeev

Kalmyk Participation in the Suppression of the Bulavin Rebellion

Несмотря на всестороннее исследование в отечественной историографии истории Булавинского восстания, роль калмыков в этом событии полностью не изучена. Документы того периода буквально пестрят разрозненными сведениями о ближайших кочевых соседях донского казачества, но исследователи обходили вниманием эту тему. Возможно, это было связано и с наследием советского прошлого, когда требовалось показать вклад калмыцкого народа в войнах России или народных движениях против царизма. При этом особо старались не акцентировать внимание на участии калмыков непосредственно в подавлении антиправительственных выступлений народных масс. Особенно это видно на примере восстаний на юге России второй половины XVII – начала XVIII вв.

В данной работе автор не планирует рассмотреть всю историю взаимоотношений казачества и калмыков, которая в течение второй половины XVII в. носила весьма сложный характер. Совместные военные походы калмыков и донских казаков против общего неприятеля часто сменялись жестокими взаимными столкновениями, сопровождавшимися убийствами, захватом пленных и угоном скота. Учитывая, какая на юге России была сложная, чреватая конфликтами, обстановка, московское правительство в столкновениях калмыков и казаков всегда выступало в роли миротворца. Взаимные набеги, сопровождавшиеся погромами калмыцких улусов или казачьих городков, как правило, всегда заканчивались мирными переговорами и обменом пленных.

В начале XVIII в. отношения между калмыками и донскими казаками продолжали оставаться напряженными, и конфликты имели место еще до начала восстания.

Так, в августе 1707 г. дербетский тайша (калмыцкий князь) Мунко-Темир сообщал в Приказ Казанского дворца, в чем введении находились «Калмыцкие дела», что после отправки своего сына Четеря с войском на русскую службу в Польшу, на его улус, кочевавший по Волге, совершили нападение многочисленные казаки и отогнали два табуна лошадей. Тайша весьма серьезно воспринял эту угрозу со стороны казаков, так как имел сведения о готовящемся их новом выступлении на калмыков. Именно этот случай и стал поводом в отзыве им калмыцкого войска Четеря и Чимета, которое, повернув с пути в Тульском уезде, двинулось в обратном направлении, подвергнув разорению повстречавшиеся казачьи городки¹.

На запрос из Посольского приказа о разъяснении, на каком основании казаки выступили против калмыков, и на требование вернуть отогнанные калмыцкие табуны, в Войске Донском ответили, что их казаки не имеют отношения к этим нападениям. По их мнению, в этом участвовали «астараканские изменники, а называются те воры их донскими казаками». В Войске подтвердили факт жестоких нападений калмыков Четеря и Чимета на их территорию: «Многие их городки разорили и казаков мужеска полу в смерть били т кололи, а женску полу и девок в неволю брали и многое разорение починили, а на них де затевают напрасно». Атаманы и казаки обратились с официальной жалобой в Москву на нападения калмыков Аюки и Мунко-Темира².

Булавинское восстание началось в ночь на 9 октября 1707 г. с нападения отряда Кондратия Булавина на царский карательный отряд возле Шульгинского городка и убийства князя Юрия Владимировича Долгорукого. Однако восстание не сразу получило широкое развитие, так как уже в конце октября Донской войсковой атаман Лукьян Максимович Максимов, в том числе и при поддержке донских калмыков, на реке Айдар разгромил повстанцев³.

Судя по списку участников, в том походе с калмыцкой стороны участвовал только Батыр Тайджи, который не входил во владение Аюки-хана и кочевал от него отдельно, но в составе Войска Донского. За свои заслуги в разгроме булавинцев он получил отдельно из царской казны 200 руб.⁴

Возникшей сумятицей на Дону воспользовались некоторые калмыцкие тайши. Как сообщали в Москву из Войска, 3 ноября 1707 г. из-за Волги тайши Четерь и Чимет во главе 5-тысячной конницы перешли Дон в районе между Раздорским городком и Мелеховым и недалеко от Черкаска, на реке Тузлов, совершили нападение на донских кочевых калмыков, захватив примерно 400 кибиток, в основном женщин и детей, и, отогнав весь скот, «многих в смерть побили». Все это сопровождалось разорением казачьих городков по Дону, Донцу, Хопру, Бузулуку и Медведице. Атаман Лукьян Максимов пытался организовать преследование напавших калмыков, но из-за очередной угрозы со стороны булавинцев был вынужден вернуться. По словам казаков, они не смели без государева указа совершить ответные военные действия против калмыцких улусов⁵.

Во многом разорению и захвату донских калмыков способствовало и то, что в это время многие их служилые люди еще летом этого года отправились на службу в Польшу⁶. В работе П.П. Ламбина приводится коллективная просьба походных донских калмыков на имя светлейшего князя Александра Даниловича Меншикова, командовавшего русскими войсками в Польше: «Которые калмыки кочуют за Волгою, и они забрали на Дону наших жен и детей в полон и дома наши разорили и что было пожитков, то все забрали, и мы о том просим вашего светлейшего и милостивейшего указа, чтоб нас, сирот своих, отпустить домой на Дон и отыскать бы нам у тех [калмыков] жен своих и детей, хотя на окуп выкупить и чтоб они, калмыки, не запродали наших жен и детей в дальние страны»⁷.

В числе пострадавших от действий Четеря и Чимета был и кочевавший на Дону Батыр Тайджи. В своих письмах к государю Петру Алексеевичу он сообщал, что в результате их нападения были взяты в плен две его жены, два сына и дочь, а также 1 100 человек, захвачены 160 панцирей и 10 200 голов скота. Батыр Тайджи клялся в верности государю и ставил себе в заслугу участие в недавнем сражении с булавинцами, в ходе которого он лично в бою из пищали убил двух повстанцев. Оставшись без снаряжения и лошадей, он и его сын Джумба просили власти оказать им материальную поддержку⁸.

Однако российские власти не спешили ответить карательными мерами против Четеря и Чимета, поскольку были заняты подавлением казачьего восстания. В то же время не исключалось и возможное использование военной помощи этих тайшей против булавинцев. Войсковому атаману напрямую указывалось как можно

быстрее связаться с указанными тайшами и привлечь в свою пользу их военные силы. В противном случае, если калмыки войдут в согласие с Кондратием Булавиным и далее будут разорять казачьи городки, – провести против них ответные карательные действия⁹.

Потерпев поражение, Булавин и его сподвижники, перезимовав в Запорожье, с началом весны 1708 г. постарались поднять восстание на новый уровень. В марте повстанцы захватили Пристанской городок, который стал центром восстания и куда стекались многочисленные повстанцы, избежавшие в течение зимы разгрома царскими войсками. В это же время возобновились столкновения донских повстанцев с калмыками.

12 марта 1708 г. 2 тыс. повстанцев во главе с Игнатом Некрасовым на лодках и конными внезапно атаковали улус Аюки в урочище Сасыколь, ниже Черного Яра. Нападение было настолько неожиданным для калмыков, что казаки их «повоевали людей, посекали и в полон поймали». Аюка, имея при себе небольшое количество людей, не смог организовать какого-либо сопротивления и отошел вглубь степи. Он срочно отправил ведомость о нападении в Астрахань, к царскому посланнику – стольнику Ивану Бахметеву. Незадолго до этого стольник приезжал к Аюке с царским указом выставить 20-тысячное войско против башкирских повстанцев и направился в Астрахань за военными припасами для будущего калмыцкого похода в Башкирию.

Иван Бахметев срочно выехал к Аюке, кочевавшему в 200 верстах от Волги. Последнее событие настолько потрясло калмыцкого хана, что он стал высказывать сомнения по поводу возможности выставить слишком большое количество войска против башкирских повстанцев из-за сохранявшейся угрозы калмыцким кочевьям: «многое разорение от казаков, казахов, каракалпаков и башкир». По просьбе Аюки Иван Бахметев выехал к Волге, чтобы разыскать нападавших «воровских» казаков и забрать у них «калмыцкий полон», но не застал там булавинцев¹⁰.

Главной целью булавинцев в это время, конечно, были не калмыцкие улусы, а столица донского казачества – Черкасск. Войсковой атаман Лукьян Максимов также вокруг себя собирал силы, состоявшие из 8 тыс. человек, куда входили и калмыки.

7 апреля противоборствующие стороны сошлись на реке Лисковатка, между Паншинской и Голубинской станицами. Однако 9 апреля, когда начался бой, многие казаки из отряда Лукьяна Максимова перешли на сторону повстанцев, что в конечном итоге и решило исход битвы. Атаман бежал в Черкасск, а его войско было деморализовано, и Булавину ничего не оставалось делать,

как двинуться, не встречая какого-либо сопротивления, на столицу Донского казачества. 1 мая вспыхнуло восстание в самом Черкасске, и Булавин занял город. С этого времени власть полностью перешла в руки повстанческого предводителя, были казнены войсковой атаман и его помощники, произведена конфискация церковных денег и т.п. 9 мая новым войсковым атаманом на Круге был избран Кондратий Афанасьевич Булавин¹¹.

Есть сведения, что к моменту взятия Булавиным Черкаска под городом в это время кочевали 1 700 калмыков из улуса Аюки. Они оказали вооруженное сопротивление булавицам, но ввиду численного перевеса повстанцев вынуждены были отступить в степь и уйти в район Саратова¹².

В целом отношение Булавина к калмыкам было отрицательным. Это касалось не только донских калмыков, поддержавших атамана Максимова и участвовавших на его стороне во всех сражениях против булавицев, но и «аюкинских» калмыков, которые своими набегами разорили немало казачьих городков. Такой вывод можно сделать из нескольких документальных свидетельств того времени.

Во-первых, после взятия Черкаска Булавин отправил своего ближайшего сподвижника Игната Некрасова во главе 5-тысячного отряда на Волгу против калмыков Аюки¹³.

Во-вторых, в письмах к кубанским владельцам Хасан-паше и Сартлан-мирзе Булавин предлагал не только мир и сотрудничество, но совместное военное выступление против калмыков¹⁴.

Некоторые из донских калмыков, избежавших разгрома и пленения, нашли убежище в крепости Азов, откуда совершали нападения на повстанцев. Сохранилось письмо Кондратия Булавина, адресованное азовскому губернатору Ивану Андреевичу Толстому, где он жалуется на этих калмыков, отогнавших у булавицев из-под Черкаска табун лошадей. Булавин прямо угрожал им: дескать, в случае невозврата лошадей, он казнит всех их калмыцких женщин, детей и других родственников, находившихся у него в заложниках¹⁵. Это подтверждает и наличие у повстанцев «калмыцкого ясыря», который они активно продавали приезжавшим в Черкасск туркам и кубанцам¹⁶.

Не имея возможности снять значительные силы регулярной армии с фронтов Северной войны и кинуть на подавление восстания, за короткий период была сформирована 32-тысячная армия из дворян и служилых людей под командой гвардии майора князя Василия Владимировича Долгорукого. 28 апреля 1708 г. правительственные войска под командованием стольника Степана

Ивановича Бахметева на реке Курлак разбили повстанческий отряд Лукьяна Хохлача. Мобилизацию войск против повстанцев организовали изюмский полковник Федор Владимирович Шидловский и калмыцкий хан Аюка¹⁷.

Активизация правительственных сил заставила Булавина действовать более решительно и направить отряд Семена Драного в район Северского Донца, к Изюму, а отряд Игната Некрасова на Волгу. Готовился удар и по Азову, но, как сообщал азовский губернатор Толстой, в период подготовки «судовая сволочь <...> черкасские бурлаки и кабацкие ярыжки» под командой атамана Павлова и Некрасова, взяв пушки и другое оружие, двинулись «для добычи» на Волгу¹⁸.

Против калмыков Аюки должен был действовать отряд Некрасова. Также действия этого отряда должны были поднять на антиправительственное выступление все народы Поволжья и, возможно, соединиться с башкирскими повстанцами, которые в это время выступили в районе Уфы. Стольник Иван Бахметев лично общался с посланцем тайши Чакдорджаба, Загалдаем, который виделся с башкирами в Яицком городке и которому они по секрету сообщили о якобы имевшем место их общении с булавицами¹⁹. По мнению В.И. Лебедева, саратовское направление булавицами было выбрано не случайно, поскольку у Саратова они могли бы объединиться с восставшими башкирами, татарами, мари, вотяками²⁰.

13 мая повстанцы захватили крепость Дмитриевск на реке Камышинка, где им достались артиллерия и боеприпасы. Превратив его в базу своих дальнейших действий, булавицы направились в сторону Саратова.

Освещение действий восставших под Саратовом стоит отдельного внимания, поскольку в литературе сообщения об этом весьма размыты. По сведениям исследователя Булавинского движения Н.С. Чаева, первый приступ к Саратову, под руководством Хохлача, окончился неудачей. Второй, для участия в котором ожидался приход отряда Некрасова, не осуществился по причине неожиданного нападения калмыков, изменивших Булавину и шедших теперь к Аюке по направлению к Саратову. Калмыки разбили отряды Хохлача и Некрасова и заставили их отступить к Дмитриевску²¹.

Однако документы того времени дают более точную и развернутую картину тех событий, развернувшихся под Саратовом.

По показаниям участвовавших в саратовском походе пленных булавицев, первым к Саратову подошел отряд атамана Хохлача в количестве 700 человек. По Волге двигался отряд в 300 человек на стругах атамана Т. Трофимова, но который так и не успел

соединиться с основными силами и вернулся обратно на Камышинку. Потерпев неудачу в первом приступе к крепости, Хохлач отвел свой отряд и стал дожидаться подкрепления во главе с Некрасовым. В день объединения отрядов повстанцев, по словам пленных, к Саратову подошли «бузовые калмыки» с целью войти и укрыться в городе. Однако они не были пропущены за крепостные стены, и калмыки совершили нападение на повстанцев: «От Саратова били и бой де великой учинили, и казаков де они калмыки побили со 100 человек, и они де казаки атаман Лунька и Игнашко с конными казаками, не устояв против калмыков, побежали на Дон»²².

Под «бузовыми калмыками» здесь имеются в виду донские войсковые калмыки, которые так и не присоединились к восставшим и были на стороне войскового атамана Лукьяна Максимова. По всей видимости, после разгрома сторонников Максимова они искали безопасного места от преследований булавинцев и пытались скрыться в Саратове, куда их так и не пустили. Очевидно, что Н.С. Чаев ошибся в оценке их деятельности, посчитав их участниками восстания, которые изменили Булавину и перешли на сторону правительства. На самом деле войсковые калмыки сохранили верность правительству, но после поражения атамана Максимова были вынуждены скрываться от преследований булавинцев. Часть из них успела укрыться в Азове, другие бежали под защиту Аюки.

Однако в материалах «Калмыцких дел» отложились более подробные сведения о столкновении калмыков с булавинцами под Саратовом.

22 мая 1708 г. из Казани к Аюке прибыл саратовец Григорий Микулин с листом, где сообщалось, что булавинцы во главе с Некрасовым вошли в Дмитриевский и далее направляются на Саратов. На основании этого калмыцкий хан просил правительство отправить вооруженные силы против указанных повстанцев. Сложность выполнения этой просьбы заключалась в том, что по государеву указу Аюка должен был направить в Башкирию для подавления восстания 20-тысячную конницу, и свободных сил, чтобы двинуть их на Саратов, уже не имелось, поскольку охрана калмыцких улусов также требовала большого внимания. По этому вопросу у Аюки было совещание со стольником Иваном Бахметевым, который как раз и отвечал за организацию башкирской экспедиции калмыков. После совещания было принято решение, чтобы половину от 20-тысячного калмыцкого войска отправить под Саратов, а другую половину двинуть в Башкирию. Войско, направлявшееся под Саратов, возглавили тайши Четер и Яман. Иван Бахметев лично приказал Яману за четыре дня с войском добраться

до Саратова, переправиться через Волгу на правый берег и «над ворами промысел чинить»²³.

В документах имеются свидетельства и о действиях той самой группы «бузовых калмыков», подошедших к Саратову со стороны Дона. На самом деле это были не войсковые калмыки, а конный отряд из 800 ханских калмыков во главе с Даши-Батуром. Под Саратовом они объединились с войском Ямана и разгромили булавинцев. Далее они участвовали в погроме казачьих городков и преследовании остатков повстанцев в степи вплоть до Камышенки²⁴.

Из отписки стольника Ивана Бахметева от 2 июня 1708 г. известно, что, действительно, Даши-Батур со своими людьми в количестве 1 700 всадников были из владения хана Аюки и кочевали на Дону, где на стороне проправительственных сил вступили в борьбу с Булавиным. После захвата булавинцами Черкаска эти калмыки отступили к Саратову и приняли участие в разгроме полуторотысячного отряда Некрасова. По данным Ивана Бахметева, в столкновении с калмыками под Саратовом казаки потеряли 200 человек и много раненых, в качестве трофеев калмыкам достались 350 лошадей с седлами и вооружением. Разгромленные булавинцы – кто конным, а кто пешим – по правому берегу бежали вниз по Волге. Кроме отряда Даши-Батура в этом районе находились и другие калмыцкие отряды, направленные Аюкой. В 50-ти верстах выше Саратова они переправлялись на правобережье и двигались в сторону города²⁵.

Из письма казанского коменданта Никиты Алферовича Кудрявцева на имя светлейшего князя Александра Меншикова известно, что к тайшам для переговоров военной помощи против булавинцев был отправлен саратовский воевода Никифор Беклемишев. В письмах, адресованных к Аюке, Менке-Темиру и Чимету, указывалось, «чтоб они великому государю послужили и воровских казаков воровство искоренили, также как служили и усердие показали над астраханские бунтовщики». По сведениям Кудрявцева, Аюка и другие владельцы против булавинцев под Саратов выделили 4-тысячное войско под командованием Менке-Темира и Ямана²⁶.

Некоторые детали переговоров Беклемишева с калмыцкой стороной стали известны позже, уже из содержания письма хана Аюки, адресованного боярину Борису Алексеевичу Голицыну в январе 1709 г. На просьбу саратовского воеводы выделить ему часть калмыцкого войска для защиты города от булавинцев, и что якобы по этому делу имеется особый государевой указ, вызвали у Аюки большое сомнение. Он отправил, как ранее и планировал, 20-тысячную конницу во главе с пятью крупными владельцами

на подавление башкирского восстания, а под Саратов указал идти только тысячному отряду под командой Ямана и Муклай-Батура. Однако Беклемишев с этим не смирился и лично предпринял переговоры с отдельными калмыцкими тайшами. В частности, ему удалось уговорить прийти на помощь Саратову Чимета, Дондук-Омбо и Менке-Темира, который отправил вместо себя своего сына Четера²⁷.

В итоге Беклемишеву все-таки удалось сформировать сводное конное войско из отрядов различных калмыцких владельцев. Все они двинулись разными дорогами к Саратову и смогли там переломить ситуацию в пользу правительственных сил.

Действительно, в разгроме булавинцев на Волге большая заслуга принадлежит и другим калмыцким тайшам, в частности, Четеру и Чемету. Подробности этого мы находим из письма самого тайши Чимета к боярину Голицыну в августе 1708 г., из которого известны обстоятельства военных действий калмыков под Саратовом.

Первоначально, по государеву указу и по велению Аюки, калмыцкое войско готовилось выдвинуться в Башкирию для подавления восстания, но по просьбе саратовского представителя Алексея Шахматова Чимет выдвинулся под Саратов, куда уже подошли булавинцы. По мнению Чимета, если бы повстанцы захватили бы Саратов, то, вероятно, и «иным государевым городам зделают беду немалую». Чимет и Боясхулак во главе войска из 4,5 тыс. всадников подошли к городу, но до их прибытия основные силы булавинцев уже были разбиты²⁸. Как сообщалось ранее, под Саратовом повстанцы были разбиты отрядом тайши Даши-Батура.

В то же время, как сообщал Чимет, по другой дороге к Саратову двигался со своей конницей дербетский тайша Четер, которому удалось встретить и разгромить 3-тысячный отряд булавинцев, 500 человек из которых были убиты²⁹. Из отписки астраханского воеводы кн. Петра Ивановича Хованского в Приказ Казанского дворца в октябре 1708 г. известно, что войско калмыков-дербетов, помимо тайши Четера, сына Менке-Темира, также возглавляли владельцы Цюрюм-Батур и Соломан-Дарчи. Хованский, двигаясь из Казани, направил этих тайшей под Саратов и впоследствии их действиям дал высокую оценку: «великому государю службу свою показали верную, и стояли крепко и бились мужественно». Потери булавинцев после этого сражения, по данным Хованского, составили 300 человек убитыми и 200 ранеными, калмыки захватили у казаков 16 бунчуков: «и о той их храбрости значат взятые языки»³⁰.

От Саратова войско Четера двинулось вниз по реке Медведица к Дону. Это было крупное сводное формирование, насчитывав-

шее примерно 5 тыс. всадников, 1,5 тыс. из которых принадлежали конкретно Четеру. По пути следования к Дону им удалось разгромить один из отрядов булавинцев, уничтожив примерно 250 казаков и ранив 100 человек³¹. В качестве доказательства своей победы Четер привез стольнику Ивану Бахметеву 9 знамен, захваченных у казаков, и 250 правых ушей, срезанных у погибших булавинцев³².

Разбив и рассеяв по степи отряды Хохлача и Некрасова под Саратовом, калмыцкие войска, возглавляемые тайшами, совместно с сотней саратовцев под командой Алексея Шахматова двинулись на Камышенку, где в составе войска Хованского приняли участие в захвате перешедшего на сторону восставших жителей Дмитриевского (Камышина). 20 июля астраханские полки Апраксина захватили Царицын. С разгромом Дмитриевского заканчивается булавинское повстанческое движение на Волге, угрожавшее не только волжскому торговому пути, но и соединением с башкирскими повстанцами³³.

Отступив на Дон, повстанцы под началом атаманов Некрасова, Павлова и Федорова соединились в станице Голубых, где пытались организовать оборону против войск Хованского, наступавшего с Волги, и князя Василия Долгорукого, двигавшегося со стороны Черкаска. По приказу Хованского тайша Чимет с отрядом из 900 человек выдвинулся в район устья реки Иловля, где в ходе набега разбил и сжег три казачьих городка повстанцев. В следующем набеге в устье Иловли калмыки выжгли Перекопский городок, захватив в нем 3 пушки и уничтожив 150 повстанцев. После казни булавинцами около Паншиного городка посланника князя Хованского тайши Чимет, Дондук-Омбо и Боян-Хулан получили новое указание: выдвинуться в этот район с 1,5-тысячным войском, в состав которого уже входили 200 украинских казаков (черкасов) полковника Ф. Шидловского. Преследуя двое суток отступавших из Паншина булавинцев, передовой отряд калмыков сумел их настичь и навязать им бой. Но только с подходом основных сил Хованского калмыцким войскам удалось полностью разгромить 4-тысячный отряд повстанцев. Всего в этой операции по преследованию и разгрому булавинцев, по сведениям самого Чимета, участвовало 11 тыс. калмыков из владения хана Аюки³⁴.

Остатки восставших казаков в количестве 3 тыс. пытались собраться в Есауловом городке, но 22–23 августа он был взят в осаду войсками Долгорукого. После упорной обороны осажденные сдались и подверглись жестокому репрессиям. Не успев прийти в Есаулов, Некрасов со своим 2-тысячным отрядом ушел на Кубань, под защиту крымского хана³⁵.

Под Паншиным булавицы потерпели жесточайшее поражение. Почти все они были уничтожены, а их семьи и имущество достались победителям, в том числе и калмыкам. Войска Хованского и Долгорукого, следуя плану, предписанному из центра, приступили к систематическому уничтожению верховых городков по Хопру, Бузулуку, Медведице, Донцу, Айдару и другим рекам. Активное участие в этом приняли и калмыки.

* * *

Если бросить общий взгляд на отношение калмыков к Булавинскому восстанию, то вполне очевидно, что калмыцкие тайши во главе с Аюкой-ханом остались верны договоренностям, заключенными с российским правительством. Без колебаний они приняли его сторону и по мере сил помогли в организации и проведении карательных операций против донских повстанцев.

Присутствие и активные действия калмыцких конных отрядов на Средней Волге не позволили донскому казачьему восстанию перекинуться в соседние регионы и расширить район своих действий, в том числе не позволили булавицам объединиться с башкирскими повстанцами.

Остались верными царю Петру I и большинство донских калмыков, также принявших активное участие в подавлении восстания на начальном его этапе.

Очевидно и то, что в течение последних десятилетий XVII в. калмыцкие тайши вели долгую борьбу с донским казачеством по вопросу возвращения беглых калмыков, а участие в подавлении Булавинского восстания предоставило им возможность вернуть большинство донских калмыков на Волгу.

Примечания (Endnotes)

- 1 Булавинское восстание (1707 – 1708 гг.): Сборник документов. М., 1935. С. 124, 125.
- 2 Там же. С. 125.
- 3 *Проништейн А.П.* Земля Донская в XVIII веке. Ростов-н/Д., 1961. С. 258, 259.
- 4 Булавинское восстание (1707 – 1708 гг.). С. 145.
- 5 Там же. С. 149, 150.
- 6 Там же. С. 150.
- 7 *Ламбин П.П.* Булавинский бунт 1708 г. // Русская старина. 1870. Т. II. С. 13.
- 8 Булавинское восстание (1707 – 1708 гг.). С. 152.
- 9 Там же. С. 154.

- 10 Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 119. Оп. 1. 1708 г. Д. 9. Л. 51, 51об.
- 11 *Проништейн А.П.* Земля Донская в XVIII веке. Ростов-н/Д., 1961. С. 260, 261.
- 12 Булавинское восстание (1707 – 1708 гг.). С. 422.
- 13 Там же. С. 250.
- 14 Там же. С. 460, 461.
- 15 Новое о восстании К. Булавина // Исторический архив. 1960. № 6. С. 132.
- 16 Там же. С. 129.
- 17 *Проништейн А.П.* Земля Донская в XVIII веке. Ростов-н/Д., 1961. С. 262.
- 18 *Проништейн А.П.* Земля Донская в XVIII веке. Ростов-н/Д., 1961. С. 262, 263; Булавинское восстание (1707 – 1708 гг.). С. 422.
- 19 РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1708 г. Д. 9. Л. 40.
- 20 *Лебедев В.И.* Крестьянское движение в метрополии в годы Булавинского восстания // Булавинское восстание (1707 – 1708 гг.): Сборник документов. М., 1935. С. 60.
- 21 *Чаев Н.С.* Булавинское восстание (1707 – 1708 гг.) // Булавинское восстание (1707 – 1708 гг.): Сборник документов. М., 1935. С. 53, 54.
- 22 Булавинское восстание (1707 – 1708 гг.). С. 440.
- 23 РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1708 г. Д. 9. Л. 52.
- 24 Там же. Л. 52.
- 25 Булавинское восстание (1707 – 1708 гг.). С. 422.
- 26 Там же. С. 425, 426.
- 27 РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1709 г. Д. 4. Л. 1, 2.
- 28 Булавинское восстание (1707 – 1708 гг.). С. 446, 447.
- 29 Там же. С. 446, 447.
- 30 Там же. С. 447, 448.
- 31 РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1708 г. Д. 11. Л. 9об., 10.
- 32 РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1708 г. Д. 9. Л. 53.
- 33 *Чаев Н.С.* Булавинское восстание (1707 – 1708 гг.) // Булавинское восстание (1707 – 1708 гг.): Сборник документов. М., 1935. С. 55.
- 34 РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1708 г. Д. 11. Л. 3об., 4; Булавинское восстание (1707 – 1708 гг.). С. 446, 447.
- 35 *Чаев Н.С.* Булавинское восстание (1707–1708 гг.) // Булавинское восстание (1707 – 1708 гг.): Сборник документов. М., 1935. С. 55.

Автор, аннотация, ключевые слова

Тепкеев Владимир Толтаевич – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Калмыцкого научного центра Российской академии наук (Элиста). tv75@mail.ru

Участие конных отрядов Калмыцкого ханства в подавлении восстания донских казаков под предводительством атамана Кондратия Булавина в 1707–

1708 гг. – страница истории известная, но далеко еще не изученная. Автору удалось обнаружить уникальные архивные документы, которые позволили впервые рассмотреть участие калмыков в подавлении Булавинского восстания конкретно и детально. Причем рассмотреть не только чисто военную сторону тех событий, но также понять их политическую подоплеку и мотивы, которые двигали калмыцкими правителями, решившими оказать помощь войскам русского царя Петра I. Особое внимание уделяется анализу противоречий между Калмыцким ханством и Войском Донским накануне Булавинского восстания. Эти противоречия разъединяли ближайших соседей на южных окраинах России и предопределили дальнейшие события. Волжские и донские калмыки резко отрицательно восприняли восстание донских казаков против Петра I и его правительства. По сути, это отрицательное восприятие явилось выражением и продолжением традиционной политики калмыцких правителей, направленной на укрепление отношений с московским правительством. Без колебаний они приняли сторону царя Петра I и помогли российским властям в организации и проведении карательных операций против донских повстанцев. В статье показаны действия калмыцких конных отрядов по разгрому булавинских казачьих отрядов под Саратовом, Царицыным и на Дону. Автор приходит к выводу, что именно успешные действия калмыцкой конницы против повстанцев под Саратовом не позволили Булавину поднять на борьбу с правительством Петра I население Среднего Поволжья и объединиться с восставшими башкирами под Уфой.

Калмыцкое ханство, калмыки, донские калмыки, Войско Донское, донские казаки, Булавинское восстание 1707–1708 гг., калмыцкая конница, Саратов, Царицын, хан Аюка, К. Булавин.

References

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

1. Chaev N.S. Bulavinskoe vosstanie (1707 – 1708 gg.) [The Bulavin Rebellion (1707 – 1708).]. *Bulavinskoe vosstanie (1707 – 1708 gg.): Sbornik dokumentov* [The Bulavin Rebellion (1707 – 1708): A Collection of Documents.]. Moscow, 1935, pp. 33–59. (In Russ.).
2. Lebedev V.I. Krestyanskoe dvizhenie v metropolii v gody Bulavinskogo vosstaniya [The Peasant Movement in the Muscovite Heartland during the Bulavin Rebellion.]. *Bulavinskoe vosstanie (1707 – 1708 gg.): Sbornik dokumentov* [The Bulavin Rebellion (1707 – 1708): A Collection of Documents.]. Moscow, 1935, pp. 60–67. (In Russ.).

(Monographs)

3. Pronshteyn A.P. Zemlya Donskaya v XVIII veke [The Don Lands in the 18th Century.]. Rostov-on-Don, 1961, pp. 258–263. (In Russ.).

Author, Abstract, Key words

Vladimir T. Tepkeev – Candidate of History, Senior Research Fellow, Kalmyk Scientific Center, Russian Academy of Sciences (Elista, Republic of Kalmykia, Russia). tvt75@mail.ru

The participation of the cavalry from the Kalmyk Khanate in crushing the Don Cossacks's uprising led by ataman Kondrat Bulavin in 1707–1708 is a familiar historical fact, however, it is not sufficiently studied. The unique archival data discovered by the author helped him present an original detailed depiction of the Kalmyks's role in defeating Bulavin's rebellion. As the author analyzed the military aspect of the events, he also commented on the political motivation which drove the Kalmyk rulers to render assistance to Russian Tsar Peter I. The author focuses on the analysis of conflicts between the Kalmyk Khanate and the Don Cossack Host arising on the eve of Bulavin's rebellion. These conflicts drove the close neighbours apart in Russia's southern provinces and predetermined the coming events. The Volga and the Don Kalmyks were extremely opposed to the Don Cossacks' revolt against Peter I and his government. In fact, their negative attitude was what was typical of the Kalmyks' rulers who aimed at strengthening the relations with the Moscow government. Without hesitation they took the side of Tsar Peter I and assisted the Russian authorities in punitive operations against the Don rebels. The article describes how the Kalmyk cavalry detachments acted to defeat Bulavin's cohorts near Saratov, Tsaritsyn and on the Don. The author concludes that the successful operations of the Kalmyk cavalry against the rebels near Saratov prevented Bulavin from instigating the population of the Mid Volga region to fight against the government of Peter I and to unite with the insurgent Bashkirs near Ufa.

Kalmyk Khanate, Kalmyks, Don Kalmyks, Don Cossack Host, Don Cossacks, Bulavin rebellion of 1707–1708, Kalmyk cavalry, Saratov (City of), Tsaritsyn (City of), Ayuka Khan, Kondrat Bulavin.

М.Б. Щавелёва

**ФОРМИРОВАНИЕ ОРГАНОВ УПРАВЛЕНИЯ
И САМОУПРАВЛЕНИЯ В АРЗАМАССКОМ УЕЗДЕ
НИЖЕГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ
(1779 – 1796 годы)**

M. Shchaveleva

**The Formation of Government and Self-Government Bodies
in Arzamas District, Nizhny Novgorod Province
(1779 – 1796)**

Грозные события Крестьянской войны под предводительством Е.И. Пугачева, потрясшие в 1773–1775 гг. всю Россию, потребовали от правительства Екатерины II спешной реорганизации административно-территориального деления страны – создания наместничеств (более крупных административно-территориальных образований) и расквартирования в них войск. В 1775 г. была проведена губернская реформа. Страна была разделена на 50 губерний и наместничеств, а те, в свою очередь, разделены на уезды с населением по 20-30 тыс. с приданными местным властям «инвалидными» командами и полицией¹.

5 сентября 1779 г. вышел указ Екатерины II «Об открытии Нижегородского наместничества и о составлении онаго из 13 уездов». В состав Нижегородского наместничества была включена Арзамасская провинция, ставшая уездом, а Арзамас приобрел статус уездного центра².

Административно-территориальное переустройство края совпало с генеральным размежеванием земель. Требовалось определить границы соседних губерний и уездов, проложить целую систему государственных столбовых дорог, нанести на планы все частновладельческие, монастырские и государственные земли³. С этой целью в Нижнем Новгороде была учреждена Межевая контора с ее начальником, 13-ю уездными землемерами, копейстами и чертежниками. Должность арзамасского уездного землемера с 1779 г. занимал секунд-майор Василий Погонин⁴.

«Высочайше утвержденный штат Нижегородской губернии», обнародованный 6 сентября 1779 г.⁵, устанавливал права и обязанности новых органов губернской и местной власти. Губернские должностные лица и учреждения состояли из трех групп: 1) административно-полицейские, 2) финансово-хозяйственные, 3) судебные.

28 декабря 1779 г. в Арзамасе были открыты уездные присутственные места. Уездный суд, состоящий из судьи и двух заседателей, разбирал споры по земельным вопросам, иски частных лиц дворянского происхождения и учреждений. Неразрешенные дела рассматривались высшей инстанцией – Верхним земским судом. В функции Нижнего земского суда, в который входили исправник и 2-3 заседателя, вменялись: «во-1-х, иметь бдение, дабы в уезде сохранены были благочиние, добронравие и порядок; 2-е, чтоб предписанное законами полезное в уезде исполняемо и сохраняемо было <...> и 3-е Нижний земский суд один в уезде право имеет приводить в действие повеления Правления, решения Палат, Верхних и Уездных Судов и чинить отказы»⁶.

Вместо прежних воевод в каждом уездном городе появились городничие капитан-исправники. Городничий имел право и был обязан «следить за сохранением в городе благочиния, добронравия и порядка, чтобы исполнялись законы, приводить в действие повеления высших властей, следить за правильностью мер и весов, чтобы не укрывали беглых людей в городе...»⁷.

В состав городского самоуправления входили: Городская дума, магистрат, мещанская управа. Арзамасская городская дума, как и Нижегородская городская дума в губернском центре⁸, играла среди органов городского самоуправления ведущую роль.

В ведении арзамасского магистрата находились уголовные дела. В его состав входили бургомистры и ратманы (старосты). Вынесенный магистратом приговор вручался для исполнения городничему, который, в свою очередь, посылал в магистрат сообщение об исполнении⁹.

При арзамасском магистрате существовал сиротский суд «для купеческих и мещанских вдов и малолетних сирот», в состав которого входили городской голова, избираемый на 3 года, несколько членов магистрата и староста. Н.М. Щегольков, известный исследователь истории Арзамаса, отмечает: «Должность городского головы считалась весьма почетной и в нее кого-нибудь не выбирали. Городскими головами были самые почетные и богатые купцы, но притом такие, которых и разумом господь не обделил»¹⁰. В городе сохранился и Словесный суд.

Делами посадского населения ведали старосты Городского магистрата. Старост и судей выбирали мещанское и купеческое общества в начале каждого года «по баллам» (от лат. слова ball – шар): в урну для голосования опускались белые («за») или черные («против») шары. Из среды арзамасского купечества избирались: городской голова, бургомистры, ратманы, квартирмейстеры,

старосты. Эти должности были обязательными, исполнялись на общественных началах и были сопряжены с ответственностью и расходами. Именно поэтому, считает Н.М. Щегольков, «все арзамасцы видели в них для себя тяжелое бремя и вступали в должности только после продолжительных отказов, а отслужив известный срок, с радостью слагали с себя общественные обязанности»¹¹.

В 1779 г. в Арзамасе образовались ремесленные цеха: сапожный, скорняжный, кожевенный, крашенинный и калачный, добровольно объединившиеся в целях правовой и социальной защиты труда мастеров в Ремесленную управу. Она способствовала заключению договоров, выполнению законов и сбыту продукции. Управа имела собственную казну и пользовалась правом составления призывного списка для Рекрутского присутствия. Высшим органом общества был сход, на котором избирали старшин, принимали новых членов (новичок уплачивал вступительный взнос), рассматривали прошения о выходе из общества. При несчастных случаях и похоронах членам общества оказывалась материальная помощь. Опытные мастера обучали новичков, которым по окончании учебы выдавалось свидетельство об успехах и характеристика поведения¹².

Следует согласиться с Н.М. Щегольковым, который считал, что почти все жители Арзамаса время от времени состояли на службе городского самоуправления. Для контроля за распределением должностей велись особые книги, в которых фиксировалось, кто, в какое время и какую должность исполнял¹³.

В составе Нижегородского наместничества каждый уезд получил свой герб (до этого герб имел лишь Нижний Новгород). Арзамасский герб, утвержденный 16 августа 1781 г., был составлен по всем правилам российской геральдики: «пересеченный щит, в верхнем поле которого изображен золотой олень – символ Нижнего Новгорода, подчеркивающий принадлежность наместничеству, на нижнем – две пересеченные полосы, одна из которых красная, а другая зеленая». Арзамасский герб приписывается творчеству итальянского графа Франциска Санти¹⁴.

Н.М. Щегольков считает, что на гербе изображена тесьма, изготовлением которой занимались арзамасские женщины¹⁵. Автор настоящей статьи придерживается точки зрения Н.А. Соболевой, которая полагает, что пересеченные полосы – стропила, что очень подходило к тогдашнему городу, переживавшему пору большого строительства¹⁶.

21 апреля 1785 г., в день рождения императрицы, появился важнейший документ – «Грамота на права и выгоды городам

Российской империи», по которой все группы городского населения получили свою особую сословную организацию и соответствующие ей органы самоуправления.

В результате выборов на общественные должности на 1789 г. из состоящих в купечестве 613-ти человек было избрано 59, из 1 912-ти мещан и цеховых – 146¹⁷. На содержание магистратской канцелярии и служащих ежегодно выделялись денежные средства. В 1790 г. «на содержание арзамасского магистрата было выделено для сиротского и словесного судов 1 250 рублей»¹⁸.

Сбором окладных денег занимались выбираемые из мещан окладчики. В 1789 г. магистрат обратил внимание на злоупотребления в сборе денег: «Вместо того, чтобы каждая душа платила 1 рубль 20 копеек, делались раскладки, причем более зажиточные платили за 2-3 души». Ввиду этого магистрат принял решение: «Завести окладные книги, в которые вписывать всех, внесших деньги». В окладчики были избраны из мещан шесть человек, которых снабдили инструкцией о проведении сборов: 1) учитывать при обложении налогом число членов семьи и каждого в отдельности; 2) принимать в расчет доходы от промыслов и торговли; 3) проводить сбор при магистрате, внося все данные в окладные книги; 4) во время сбора окладных денег «мещанству обид, никаких напрасных волокит и отягощений не делать...»¹⁹.

Все собранные в Арзамасе в виде налогов, податей и штрафов денежные средства, хранились в уездной казне. Уездные казначеи, ежегодно сменявшиеся, подчинялись губернской Казенной палате и отчитывались перед ней. Они вели приходно-расходные книги. Каждый год уездный казначей составлял ведомость, в которой указывал: «1) все ли казенные доходы собраны; 2) зачем доход не собран; 3) куда доходы употреблены; 4) есть ли за штатным доходом остаток; 5) где те остатки; 6) все ли налицо и таковую ли монетою, каковою в приход поступили»²⁰.

В 1789 г. арзамасский городничий Я.А. Ананьин обратился к магистрату с просьбой о выборе 51-го человека для исправления в городской полиции разных должностей: двух сторожей, восьми сотских, 37-ми десятских, четырех трубочистов, а для пожарного дела – 20-ти драгун с людьми и лошадьми²¹.

Делами пересылки и доставки корреспонденции ведал почтмейстер. В 1789 г. почтмейстер Бриль ходатайствовал перед магистратом о выделении здания для размещения почтовой конторы и ее служителей²².

2 октября 1789 г. в Нижегородское наместническое правление из Арзамасского нижнего земского суда поступило следующее

доношение: «Оный суд имеет рассуждение, что оставшиеся бывшей арзамасской провинциальной канцелярии казенные деревянные покои, в коих при открытии наместничества помещены присутственные места, как то: уездный суд, дворянская опека и сей земский суд, весьма обветшали <...> и пришли в такую ветхость, что оные поправить и починить никак невозможно...». Доношение содержало просьбу о переводе присутственных мест «для производства, текущих дел да по случаю наступления зимнего времени в другое здание»²³. Дело было рассмотрено в Наместническом правлении и решено положительно.

Арзамас имел свою инвалидную команду, куда «за старостию и болезнями» зачислялись отставные солдаты и офицеры. В мае 1796 г. в инвалидную команду города были направлены отставные Смоленского артиллерийского гарнизона канониры Устин Улыбин и Корней Плотников²⁴.

25 июля 1796 г. в Арзамас поступил указ от Нижегородского генерал-губернатора А.И. Вяземского «О строительстве и исправлении больших дорог в Арзамасской округе», содержащий следующие предписания местным властям: «1) каналы по обеим сторонам большой дороги расчистить, а где нет – новые сделать; 2) исправление дорог начать с большой Московской дороги, от самой границы Владимирского наместничества идущей; 3) учредить оные на основании межевой инструкции: 30 сажень для дороги, а остальные 12 – по сторонам для порозжего места»²⁵. Особое внимание обращалось на дороги от Нижнего Новгорода в Арзамас, от Арзамаса к Пензе и другим уездным городами

В 1796 г. Нижегородское наместничество было ликвидировано. 31 декабря 1796 г. опубликован «Штат Нижегородской губернии», в состав которой вошел и Арзамасский уезд²⁶. В составе Нижегородской губернии Арзамас сохранил статус уездного центра.

1 сентября 1804 г. был издан штат арзамасской городской полиции, по которому на содержание полицейских чинов «назначено» выделять ежегодно по 300 руб. из городской казны²⁷.

21 сентября 1809 г. из Министерства военных сухопутных сил к нижегородскому губернатору А.М. Руновскому пришел указ о размещении в Арзамасе и ближних селениях Уфимского мушкетерского полка²⁸. Полк квартировал в городе в течение 3-х месяцев, после чего получил назначение следовать до города Рязска.

Летом 1812 г. в Арзамас пришла весть о вступлении армий Наполеона в пределы Российской империи. Мемуарист, участник движения декабристов М. Назимов, живший в то время в городе, вспоминает тревогу, возникшую среди горожан и жителей окрестных

сел и деревень: «Выездновцы ставили на мосту из барского дома пушки и приготовили для защиты охотничьи ружья»²⁹.

Ополчение формировалось по рескрипту Александра I от 18 июля 1812 г.: «...Государь император полагает за необходимо нужное собрать внутри страны новые силы для защиты противу неприятеля»³⁰. Вместе с губерниями Симбирской, Казанской, Вятской, Пензенской и Костромской Нижегородская губерния вошла в III округ ополчения. Командующим III округом был назначен генерал П.А. Толстой, а его штаб был размещен в Нижнем Новгороде.

В ополчение призывались 4 человека от каждых 100 душ (по последней ревизии). Снабжение ополченцев всем необходимым возлагалось на местных помещиков и купцов. Представители всех сословий приняли активное участие в сборе денежных средств на организацию Нижегородского ополчения. Сбор пожертвований контролировала в Арзамасском уезде Городская дума под руководством городского головы Ивана Алексеевича Попова. Для принятия и учета денежных средств в Арзамасе были специально «изготовлены на сие особые книги». Среди первых жертвователей оказались 16 купцов 3-й гильдии. Всего с 11 августа по 19 сентября 1812 г. купцы и мещане внесли на счет ополчения 33 534 руб. 85 коп.³¹ Все собранные средства и подробный отчет о деятельности Думы были отправлены в нижегородский комитет пожертвований, учрежденный 26 августа 1812 г.

В августе начался призыв ратников в ополчение. Арзамас выбрали местом формирования 3-го пехотного полка, командовать которым был назначен полковник Ф.И. Звенигородский, и конного полка, командиром которого был назначен действительный статский советник П.Ф. Козлов. Пехотный полк должен был состоять из 2 500 дворян и разночинцев, конный – из 660 всадников³².

Для обеспечения формирующихся в губернии воинских команд всем необходимым в Нижнем Новгороде и Арзамасе устраивались склады для провианта и «помещения для складки сена и овса в безопасных местах», чиновники по приему провианта и фуража снабжались мерами и весами³³.

Для осмотра воинов в Арзамас прибыл князь И.И. Лобанов-Ростовский, по распоряжению которого Арзамасский уезд стал местом расквартирования воинских команд. Выбор удобных для размещения мест и устройство солдат было поручено земскому суду во главе с исправником Зарембо-Рацевичем³⁴

В ополчение влились представители почти всех групп арзамасского городского общества: учителя, канцеляристы, чиновники, послушники монастырей, мещане и ремесленники. К середине

ноября 1812 г. ополчение было готово к походу. М. Назимов видел ратников «вполне обмундированных, стоявших на улицах в стройных рядах, в серых шинелях, с ранцами на спине, в киверах с крестом и пиками в руках»³⁵.

Горожане напряженно следили за событиями войны. Сообщения о них приносили «Московские ведомости» – единственная газета, получаемая в Арзамасе. О патриотизме и героизме арзамасцев было известно и в Москве: на Бородинском поле полк из Арзамаса пленил генерала Бонами.

После победы над французской армией в Арзамасском уезде стали появляться партии пленных. Здесь они получали одежду и все необходимое для дальнейшего следования. По данным Нижнего земского суда, на 1 января 1814 г. «в Арзамасской округе в селе Выездная слобода квартировало военнопленных французской армии нижних чинов 40 человек, все состоят налицо»³⁶.

По окончании военных событий жизнь в уезде постепенно вошла в мирное русло.

О структуре уездных и городских органов управления в первые послевоенные годы дает представление отчет, составленный в начале 1814 г. В 1813–1814 гг. в городе действовали: Уездный суд, Нижний земский суд (исправник Зарембо-Рацевич), городничий Юрлов, Магистрат и Дворянская опека, смотритель училищ титулярный советник Краскевич, уездный штаб-лекарь коллежский ассессор Гребницкий, винный пристав Дмитрий Флееров, контролирующий казенные винные магазины. Все они, по данным отчета, работали «благополучно»³⁷.

В 1813 г. в Арзамасскую городскую думу с просьбой о повышении жалованья обратились магистратские (Сиротского и Словесного судов) служители: секретарь, письмоводители, рассыльные и сторожа. Основанием своей просьбы они указывали повышение цен за два года, прошедших с 1811 г., а также затруднения в исполнении всех мещанских повинностей. В случае отказа чиновники были готовы пойти на крайние меры вплоть до прекращения работы. Обсудив прошение, Дума составила «Роспись об исчисленной сумме, назначенной в жалованье секретарю, письмоводителю, сторожам, рассыльным и на расходы арзамасского городского магистрата, сиротского и словесного судов и Градской думы». Общая сумма, отпущенная на эти нужды, а также на сочинение на трехлетие обывательской книги и «списание с нее трех копий» составила 4 631 руб. вместо 3 815 руб. в 1810 г.³⁸

Набором солдат на военную службу занималось Рекрутское присутствие. В 1815–1816 гг. в его состав входили: уездный

дворянский предводитель капитан Алексеев, городничий надворный советник Бабушкин, уездный судья коллежский ассессор Михайлов, казначей титулярный советник Сиротин. Осмотр рекрутов проводили арзамасский штаб-лекарь Кандауров и княгининский штаб-лекарь Лесницкий³⁹.

Военная служба была тяжела. Редко отслуживший свой срок инвалид возвращался к семье, в большинстве случаев взятый в рекруты покидал свой дом навсегда. Поэтому от «солдатчины» отбивались всеми способами. Очередность набора, отмечает Н.М. Щегольков, соблюдалась плохо, потому что нужно было «доставить определенное количество рекрутов». Если стоящего в первой очереди не было дома или он успевал скрыться, то по окончании набора «его уже и не тревожили», а брали другого. «Прятались от ловцов, где попало: и дома, и у родных, и у знакомых, убегали в поле и окрестные леса. Надежным убежищем для многих служила Выездная слобода: арзамасские ловцы не имели права туда ходить, а потому всего чаще туда и убегали»⁴⁰.

Ежегодно с первых чисел октября в помещении Уездной земской управы приступало к работе Рекрутское присутствие. Сюда стекалось много народа. Прошедшие медосмотр и признанные годными к несению службы объявляли своим родным, как тогда говорили: «лоб» (годным «брили лоб», то есть сбрасывали волосы спереди, а негодным обривали затылок). Все сведения о вновь набранных Рекрутское присутствие заносило в формулярные списки, составленные в соответствии с утвержденными образцами.

Городская казна Арзамаса пополнялась от сборов: «за рыбные ловли, отданные внаем, за мельницы, принадлежащие городу, за выключение выходящих из купеческого звания купцов 3-х-годичной подати; из Казенной палаты <...> от винной продажи». Основные статьи расхода составляли: «1) содержание полиции (жалованье, провиант, обмундирование команды, ремонт и фураж лошадям); 2) содержание магистрата, Городской думы, училищ; 3) содержание мер и весов; 4) починка городских строений»⁴¹. На 1 января 1829 г. в Арзамасском уездном казначействе числилось 21 682 руб. 90 3/4 коп.⁴²

29 мая 1836 г. «по недостаточности городских доходов» было «разрешено на содержание полиции в Арзамасе производить из казны по 2000 руб. в год»⁴³.

По правительственному указу от 1834 г. в Нижнем Новгороде стал действовать Губернский статистический комитет, превратившийся вскоре в общественный центр жизни губернии. «Во исполнение циркулярного предписания господина нижегородского

военного губернатора» Арзамасским земским судом были собраны «Статистические и этнографические сведения по Арзамасскому уезду за 1837 г.» По данным этого отчета, в уездной казне состояло в приходе 17 843 руб. 60 коп.⁴⁴

В 1837 г. на службе в городской полиции состояли: городничий (годовое жалование – 1 000 руб.), два квартальных надзирателя (по 150 руб.), пять канцелярских служителей, из которых письмоводитель получал 500 руб., а писцы – по 300 руб., а еще 200 руб. отпускалось Городской думой на канцелярские расходы. Содержание полиции ежегодно обходилось городу в 2 000 руб. В состав полицейской команды входили три унтер-офицера, получавшие по 11 руб. 76 коп. в год и 23 рядовых (по 7 руб. 47,5 коп. каждому)⁴⁵.

Пожарная часть Арзамаса комплектовалась из трех рядовых с жалованием 7 руб. 47,5 коп. в год, одного унтер-офицера (10 руб. в месяц), шести служителей, получавших по 8 руб. 33 коп. ассигнациями в месяц. Часть была оснащена 10-ю пожарными трубами и имела в своем распоряжении 10 лошадей⁴⁶.

В 1837 г. в городском тюремном замке «на кормовые деньги от казны и подавания от добровольных пожертвователей содержалось 87 человек»⁴⁷. Среди заключенных были убийцы, воры, поджигатели, беглые каторжники, фальшивомонетчики. Таблица 1 дает представление о количестве решенных судебных дел и их качественном составе.

Таблица 1. Состав и количество решенных дел Арзамасского уездного суда⁴⁸

Дела	Осталось к 1837 г.	Поступило к 1837 г.	Решено в 1837 г.	Осталось к 1838 г.
Следственные	20	85	86	19
Долговые	13	60	62	11
Прочие	24	710	723	11

Штатное расписание служащих присутственных мест, составленное уездным стряпчим в 1840 г. и представленное в таблице 2, дает наглядное представление об аппарате управления Арзамасским уездом.

Таблица 2. Аппарат управления Арзамасским уездом⁴⁹

Должность	Размер жалованья	Откуда получают жалование
1	2	3
Уездный суд Судья 2 дворянских заседателя 2 сельских заседателя Секретарь 2 повытчика Надсмотрщик Архивариус Журналист 5 писцов Сторож	336 руб. 24 коп. 224 руб. 10 коп. 16 руб. 98 коп. 168 руб. 15 коп. 10 руб. 20 коп. 5 руб. 8 коп.	«Должности и самое количество назначено по штатам... 1775 г. ноября 7 дня. Жалование получают из сумм, отпускаемых из уездного казначейства на основании выше означенных узаконений»
Дворянская опека Уездный предводитель Протоколист	Без жалованья 199 руб. 71 коп.	«Жалование получают из сумм, отпускаемых из уездного казначейства»
Магистрат 2 бургомистров 4 ратмана Секретарь Повытчик Архивариус Журналист 2 писца Сторож Рассыльный	Без жалованья Без жалованья 165 руб. 135 руб. 214 руб. 28 коп. 68 руб. 57 коп.	«Жалование получают из сумм, отпускаемых Городской думой по смете, ежегодно утверждаемой правлением»
Сиротский суд Городской голова 2 ратмана Городской староста Протоколист Писец Рассыльный	Без жалованья Без жалованья Без жалованья 102 руб. 86 коп. 128 руб. 57 коп. 34 руб. 29 коп.	«Жалование получают из сумм, отпускаемых Городской думой по смете губернского правления»

1	2	3
Словесный суд 2 словесных судьи Сторож Рассылный	Без жалованья 57 руб. 14 коп.	«Жалованье – из сумм Городской думы»
Уездный землемер	196 руб.	Из сумм уездного казначейства
Уездный стряпчий Письмоводитель стряпчего	224 руб. 10 коп. 130 руб.	Из сумм уездного казначейства

В 1841 г. «на исправление разных повинностей в Арзамасе» из Городской думы отпускалось 532 руб. 20 коп.⁵⁰

По данным ведомости, составленной арзамасским окружным начальником государственных имуществ Молвиным, в 1846 г. в Арзамасском уезде числилось 7 волостей, 30 сельских обществ, 128 сел и деревень, 11 общественных и 10 210 крестьянских дворов. В состав инвалидной команды Арзамаса входили: 1 обер-офицер, 9 унтер-офицеров, 1 музыкант и 165 рядовых⁵¹. В уездной казне было 19 713 руб. 10 3/4 коп.⁵²

В результате прошедших в 1850 г. городских выборов на разные должности было избрано три купца (городской староста, депутат квартирной комиссии, словесный судья), 9 мещан (мещанский староста, его помощники, словесный судья, рядские старосты и разводчик по квартирной комиссии)⁵³. На содержание городского управленческого аппарата и основные хозяйственные нужды в 1850 г. было употреблено в 1850 г. 7 023 руб. 45 коп.⁵⁴

Попечительный о тюрьмах комитет, состоящий из 26-ти человек, контролировал работу тюремного замка. В 1850 г. в каменном 2-х-этажном тюремном замке содержалось 45 мужчин и 8 женщин⁵⁵. Арестанты размещались по роду преступлений: от 4-х до 21-го человека в каждой камере; больные «призревались в особой больничной комнате». В 1850 г. на приобретение 50-ти войлочных одеял и подушек для заключенных Попечительным о тюрьмах комитетом было израсходовано 143 руб. 50 коп. серебром⁵⁶.

Для управления городским хозяйством, ведения общественных дел и судопроизводства в 1856–1860 гг. в Арзамасском уезде действовали: Дума, квартирная комиссия, магистрат, сиротский

и словесный суды, уездный стряпчий, нижний земский суд, городничий, квартальные надзиратели, полицейская команда и пожарная часть, лесничий и тюремный замок. Городские доходы в 1858 г. составили 8 197 руб.⁵⁷

Таким образом, в последней четверти XIX в. Арзамас полностью сформировался как уездный город в составе Нижегородской губернии. Одной из сторон этого процесса и его результатом стало завершение формирования уездных и городских органов управления, надзора и судопроизводства, а также органов городского самоуправления.

Передача части полномочий аппарата государственного управления городскому самоуправлению по городской реформе 1785 г. неизбежно сопровождалось установлением жесткого государственного надзора за городским самоуправлением. Под особенно жестким надзором губернатора оказалась Арзамасская городская дума.

Примечания (Endnotes)

- ¹ Щавелёва М.Б. Арзамас в первой половине XIX века // Нижегородский край: факты, события, люди. Н. Новгород, 1997. С. 201, 202.
- ² Полное собрание законов Российской империи: Собрание 2-е (ПСЗРИ-2). Т. XX. № 14908.
- ³ Черненко Д., Голубинский А., Хитров Д. Градостроительная реформа Екатерины II в Нижегородской губернии // Родина. 2014. № 2. С. 29–32.
- ⁴ Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф. 829. Оп. 4. Д. 44. Л. 1.
- ⁵ ПСЗРИ-2. Т. XX. № 14908.
- ⁶ Там же. № 14392.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Селезнёв Ф.А. Создание Нижегородской городской думы (1785 – 1787) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2009. № 3. С. 177–183.
- ⁹ ЦАНО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 2. Л. 6.
- ¹⁰ Щегольков Н.М. Исторические сведения о городе Арзамасе. Арзамас, 1911. С. 127.
- ¹¹ Щегольков Н.М. Исторические сведения о городе Арзамасе. Арзамас, 1911. С. 127.
- ¹² Щегольков Н.М. Исторические сведения о городе Арзамасе. Арзамас, 1911. С. 126.
- ¹³ Щегольков Н.М. Исторические сведения о городе Арзамасе. Арзамас, 1911. С. 127.

- ¹⁴ Стан В. Герб Арзамаса // Арзамасская правда (Арзамас). 1976. 25 сент.
- ¹⁵ Щегольков Н.М. Исторические сведения о городе Арзамасе. Арзамас, 1911. С. 128.
- ¹⁶ Соболева Н.А. Российская областная и городская геральдика XVIII – XIX вв. М., 1981. С. 209.
- ¹⁷ Опись делам Арзамасского городского магистрата о выборах на общественные должности 1789 г. // Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии. Т. 4. Нижний Новгород, 1900. С. 148–154.
- ¹⁸ Там же. С. 150.
- ¹⁹ Там же. С. 148.
- ²⁰ Там же. С. 123.
- ²¹ Там же. С. 154.
- ²² Там же. С. 154.
- ²³ ЦАНО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2006. Л. 1.
- ²⁴ ЦАНО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2698. Л. 1–2.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Городские поселения в Российской империи. Т. 3. СПб., 1863. С. 288.
- ²⁷ Там же. С. 292.
- ²⁸ ЦАНО. Ф. 2. Оп. 4. Д. 116. Л. 1.
- ²⁹ Назимов М. В провинции и в Москве с 1812 по 1828 год // Русский вестник. 1876. Т. 124. С. 83.
- ³⁰ ЦАНО. Ф. 2. Оп. 4. Д. 116. Л. 1.
- ³¹ Там же. Л. 135.
- ³² ЦАНО. Ф. 2. Оп. 4. Д. 118. Л. 95.
- ³³ ЦАНО. Ф. 2. Оп. 4. Д. 117. Л. 32.
- ³⁴ Там же. Л. 35.
- ³⁵ Назимов М. Указ. соч. С. 83.
- ³⁶ ЦАНО. Ф. 2. Оп. 4. Д. 232. Л. 3.
- ³⁷ ЦАНО. Ф. 2. Оп. 4. Д. 155. Л. 1–12.
- ³⁸ ЦАНО. Ф. 2. Оп. 4. Д. 224. Л. 1–10.
- ³⁹ ЦАНО. Ф. 1607. Оп. 1687. Д. 1. Л. 9.
- ⁴⁰ Щегольков Н.М. Исторические сведения о городе Арзамасе. Арзамас, 1911. С. 127.
- ⁴¹ ЦАНО. Ф. 2. Оп. 4. Д. 68. Л. 164.
- ⁴² ЦАНО. Ф. 420. Оп. 853. Д. 4. Л. 1.
- ⁴³ Городские поселения в Российской империи. Т. 3. СПб., 1863. С. 293.
- ⁴⁴ ЦАНО. Ф. 61. Оп. 216. Д. 8. Л. 31–32.
- ⁴⁵ Там же. Л. 31об., 32.
- ⁴⁶ Там же. Л. 35, 35об.
- ⁴⁷ Там же. Л. 33, 33об.
- ⁴⁸ Там же. Л. 34об.
- ⁴⁹ ЦАНО. Ф. 101. Оп. 2. Д. 389. Л. 1–7.

- ⁵⁰ ЦАНО. Ф. 2. Оп. 4. Д. 897. Л. 8об.–10.
- ⁵¹ ЦАНО. Ф. 2. Оп. 4. Д. 1456. Л. 104–113.
- ⁵² Там же. Л. 112.
- ⁵³ ЦАНО. Ф. 1418. Оп. 1. Д. 3. Л. 1об.
- ⁵⁴ Там же. Л. 2.
- ⁵⁵ ЦАНО. Ф. 2376. Оп. 1748. Д. 1. Л. 4.
- ⁵⁶ ЦАНО. Ф. 2376. Оп. 1748. Д. 2. Л. 2–3.
- ⁵⁷ ЦАНО. Ф. 1418. Оп. 1. Д. 4. Л. 1об.

Автор, аннотация, ключевые слова

Щавелёва Марина Борисовна – канд. ист. наук, доцент Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. for-shaveleva@yandex.ru

Город Арзамас как уездный город Нижегородской губернии обязан своим рождением губернской реформе Екатерины II. Городская реформа Екатерины II способствовала созданию системы органов Арзамасского городского управления и самоуправления. Несмотря на относительно долгую историю Арзамаса, становление этого города как административно-территориальной единицы, а также управление городом и городским хозяйством в последней четверти XVIII в. до сих пор слабо изучены в российской историографии. Для изучения этих вопросов в статье использованы ранее неизвестные архивные документы и опубликованные материалы органов городского управления и самоуправления Арзамаса. В статье основное внимание уделено созданию и деятельности органов управления, надзора и судопроизводства. Кроме того, рассмотрены создание и деятельность органов городского самоуправления. Наконец, рассмотрены состав и материальное положение арзамасского чиновничества. Делается вывод, что в последней четверти XIX в. Арзамас полностью сформировался как уездный город в составе Нижегородской губернии. Одной из сторон этого процесса и его результата стало завершение формирования уездных и городских органов управления, надзора и судопроизводства, а также органов городского самоуправления. Это оказало благотворное влияние на развитие всех сторон жизни города Арзамаса и Арзамасского уезда. Передача части полномочий аппарата государственного управления городскому самоуправлению по городской реформе 1785 г. неизбежно сопровождалось установлением жесткого государственного надзора за городским самоуправлением. Под особенно жестким надзором Нижегородского губернатора оказалась Арзамасская городская дума.

Екатерина II, губернская реформа 1775 г., городская реформа 1785 г., Нижегородское наместничество, Нижегородская губерния, Арзамас, Арзамасский уезд, административно-территориальное деление, уездный город, уездное управление, городское управление, городское самоуправление, орган городского управления, орган городского самоуправления, чиновничество, жалованье чиновников.

References (Articles from Scientific Journals)

1. Chernenko D., Golubinskiy A., Khitrov D. Gradostroitel'naya reforma Ekateriny II v Nizhegorodskoy gubernii [The Town Planning Reform of Catherine II in Nizhny Novgorod Province.]. *Rodina*, 2014, no. 2, pp. 29–32. (In Russ.).
2. Seleznev F.A. Sozdanie Nizhegorodskoy gorodskoy dumy (1785 – 1787) [The Creation of the Nizhny Novgorod City Duma (1785 – 1787).]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*, 2009, no. 3, pp. 177–183. (In Russ.).

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

3. Shchhaveleva M.B. Arzamas v pervoy polovine XIX veka [Arzamas in the First-Half of the 19th Century.]. *Nizhegorodskiy kray: fakty, sobytiya, lyudi* [Nizhny Novgorod Region: Facts, Events, People.]. Nizhny Novgorod, 1997, pp. 201–204. (In Russ.).

(Monographs)

4. Shchegolkov N.M. Istoricheskie svedeniya o gorode Arzamase [Historical Data about the City of Arzamas.]. Arzamas, 1911, pp. 126–128. (In Russ.).
5. Soboleva N.A. Rossiyskaya oblastnaya i gorodskaya geraldika XVIII – XIX vv. [Russian City and Regional Heraldry of 18th and 19th Centuries.]. Moscow, 1981, p. 209. (In Russ.).

Author, Abstract, Key words

Marina B. Shchhaveleva – Candidate of History, Senior Lecturer, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Lobachevsky University) (Nizhny Novgorod, Russia) for-shchhaveleva@yandex.ru

The city of Arzamas as an *uyezd* (district) town in the province of Nizhny Novgorod owes its appearance to a provincial reform implemented by Catherine II. Following her urban reform the system of city government and self-government was shaped. Despite its relatively long history little research was done in Russian historiography concerning the development in the last quarter of the 18th century and government of Arzamas as an administrative-territorial system in the last quarter of the 18th century. Studying these issues the author of the article refers to previously unknown archive materials as well as published documents of the city government and self-government. The emphasis is made on the creation and the work of the city government, control, and judiciary bodies as well as the city self-government bodies. Finally, the author analyses the social composition and financial situation of the city's bureaucracy. It is concluded that in the latter quarter of the 18th century Arzamas was fully shaped as an *uyezd* city of the Nizhny Novgorod province. One of the facets of this process being finalized was the complete formation of the *uyezd* and municipal government, control, and judiciary bodies as well

as city self-government bodies. This was beneficial for all aspects of life of the city and *uyezd* communities. The delegation of some authority from the state government to the municipal self-government under the urban reform of 1785 was inevitably accompanied by tight state control over the city self-government, with the city Duma of Arzamas being subject to the tightest control.

Catherine II, Provincial reform of 1775, Urban reform of 1785, Nizhny Novgorod governor-generalship, Nizhny Novgorod region, Arzamas (City of), Arzamas (Arzamas) *uyezd* (district), administrative-territorial system, *uyezd* (district) city, *uyezd* (district) government, city government, city self-government, city government body, city self-government body, bureaucracy, salaries of officials.

С.Ю. Краснов

**«КАЗАЧИЙ ПРИСУД» У ДОНСКИХ КАЗАКОВ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА***

S. Krasnov

Kazachii prisud:

**Cossack Customary Law under the Don Cossacks
in the Second-Half of the Nineteenth Century**

Все основные особенности наказания виновных (не только членов своих казачьих общин, но и других иностранчиков, иногородних и прочих подобных лиц) являлись во второй половине XIX в. проявлением выработанного донскими казачьими общинами механизма действия норм обычного права, регулировавшего те или иные общественные отношения внутри общин. Это позволяет говорить как о реальном существовании, так и о постоянном совершенствовании норм отдельных правовых обычаев, об их развитии и о распространении их регулирующего воздействия в виде уже новых норм на те общественные отношения, которые ранее ими не регулировались, при одновременном запрещении действия прежних норм обычного права.

Все это свидетельствует о том, что обычное право донских казаков во второй половине XIX в., как мы уже писали в других работах, действовало как самостоятельная система позитивного права, развивавшаяся параллельно с нормами официального законодательства Российской империи¹.

Все изменения норм обычного права, связанных с наказанием виновных, проходили в каждой конкретной донской казачьей общине не одновременно, одномоментно и равномерно как по конкретному виду наказания, так и по отдельным их видам и условиям их применения, а в разные периоды времени и неравномерно по отдельным видам наказаний, что являлось одной из особенностей проявления механизма действия норм обычного права. Это было обусловлено конкретными жизненными потребностями, которые в тот или иной момент в каждой конкретной донской казачьей

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного гуманитарного фонда и Администрации Волгоградской области в рамках научно исследовательского проекта «Обычное право донских казаков во второй половине XIX века» (проект № 11-12-34009а/В).

общине донские казаки считали самыми важными и требовавшими немедленного реагирования всей общины, в целях выработки мер защиты общественных или частных интересов каждого члена общины.

Современникам (корреспондентам газет, путешественникам, священникам, знатокам донского казачьего быта) в станицах и хуторах Области войска Донского во второй половине XIX в., наблюдавшим большую вариативность наказаний виновных, очень трудно было понять истинную сущность и значение каждого наказания. Тем более трудно было обобщить, правильно оценить и вывести из них основные особенности наказания виновных.

Сведений об обычном праве донских казаков в периодической печати Дона во второй половине XIX в. было предостаточно. Но, кроме представлявшей действительную научную ценность фактической информации, они зачастую не отличаются достоверностью в плане интерпретации, данной как источником этих сведений (священником, путешественником и т.д.), так и самим автором публикации или заметки.

Например, вот что писал об ответственности донских казаков за правонарушения в 1869 г. священник Раздорской на Дону станицы 1-го Донского округа Области войска Донского Иван Попов.

«1) Взгляд казаков на преступления и проступки вообще, а также и на преступников, очень легкий. И за преступление считают ответ только пред законом гражданским, а за грех ответ перед Богом, как будто то или другое преступление не есть грех. Напр. воровать не считают за грех, а боятся только преследования закона гражданского.

2) В преступлении одном и том же полагается большое различие; напр. воровство днем со взломом и из под караула преступление почитается более важным, нежели тоже самое, совершенное ночью или без взлома или с открытого поля.

3) Казаки на убийство смотрят как на большое преступление, а грабежи, разбои и особливо воровство, считают за маловажное взаимное преступление. Главной причиной таких преступлений – казачье удалство, которое считает достоинством украсть или ограбить, попить и поджиться чужим добром [Комментарий редакции газеты «Донской вестник»: «Это можно относить не ко всему обществу, а к отдельным только личностям, составляющим как и везде исключение». – С.К.]

4) Самоубийства намеренного не бывает и считается величайшим грехом, а от пьянства бывают случаи внезапной смертности.

5) Пьянство, чрез изобилие своего вина, развито до высшей степени; а от пьянства похоть плоти возбуждается, чрез что бывает много преступных связей, но рождают незаконно считают для себя бесчестьем, почему детоубийство и изгнание детей в ходу и не считается слишком тяжким преступлением. Изгнание плода составляет ремесло для некоторых лиц.

6) Некоторые важные преступления совершаются чрез непонимание важности оных, и причиною таковых бывает большей частью изобилие вина и не слишком строгое семейное распоряжение старших. Изнасилование и растление, а также противуестественное совокупление и снохачество встречаются очень редко, и то в предающихся пьянству, и считаются гнусными; а блуд и прелюбодеяние по расположению сердечному не считают слишком большим преступлением; впрочем, на подобные лица смотрят с пренебрежением.

7) Из преступлений против частной и общественной собственности особенно развито воровство как наследственный казачий порок и на него смотрят не совсем строго. Украсть сена, соломы, плодов каких либо из сада, даже с насилием хозяину, какую либо домашнюю птицу, срубить дерево, даже плодое, украсть из общественного леса, – считают не большим преступлением и очень слабо преследуют; а убить свинью, гуся, утку, курицу, собаку в виноградном саду своем, украсть не одно, а несколько деревьев из общественного леса – не считают даже преступлением.

8) Завладение чужой собственностью преследуется местным судом, иногда даже с штрафом или уплатою в пользу хозяина. Закон о ловле птиц до известного времени строго исполняется; а производить лов в откупленных озерах или реках бывают иногда случаи, но строго преследуются.

9) Причина конокрадства и лесных порубок заключается в слабом преследовании этих преступлений.

10) Конокрадство обыкновенно имеет большое влияние на благосостояние жителей. Здесь обыкновенно имеют одну или более двух лошадей, без коих в хозяйстве и на службе нельзя обойтись. Казак, лишившись строевой лошади, принужден бывает продать последнюю пару волов или корову, чтобы быть готовым к службе, а жена с детьми остаются без средств иметь себе насущный хлеб. К поддержанию конокрадства много способствует близкое жительство калмык, с которыми конокрады имеют тесное сношение, почему редко бывают случаи отыскания пропавшей лошади или волов. Много помогают в конокрадстве бывшие временно-обязанные крестьяне, живя при станицах без всякой домовности;

к воровству они хорошо наломали руки еще у своих бывших владельцев. Надо же иметь средства жить с семейством, не имея ничего собственного.

11) Порубки леса общественного и частного заключаются в недостатке леса для домашних мелких поделок. Украсть у частного лица дерево – считается преступлением и в случае поимки порубчик разделяется недешево за порубку. Украсть из общественного леса на нужную по домашности поделку, не считается преступлением и слабо преследуется местными властями. Порубки совершаются одним лицом и большей частью ночью и срубленное дерево стараются скорее обратить в поделку, или получше спрятать дома. Если вор не застигнут на месте преступления, то признания никогда не добьешься из боязни денежного взыскания. Хотя для хранения обществ. леса и определяются лесничие, но они только носят название лесничих, а не исполняют строго этой обязанности, так как они бывают за службу, а не за плату.

12) Продажа зараженного мяса считается большим преступлением; прогон же больного скота чрез места здоровые слабо преследуется, а продажа и провоз кож с зараженного скота остается вовсе без внимания. Отравления рыбы в озерах и реках даже не знают и не употребляют никогда.

13) Есть, хотя и очень мало, пристанодержательство разное, для легкого приобретения средств к жизни, напр. принять безбилетного и сделаться знахарем или лекарем, но нищенство презирается.

14) На совершение разных преступлений имеет большое влияние суеверие; напр. чтобы развести какую-нибудь птицу, а равно виноград, непременно нужно украсть, – тогда только и птица пойдут в руку и виноград примется и будет скоро расти [Комментарий редакции газеты «Донской вестник»: «Сколько украсть? Действительно не считается за преступление набрать мимоездом в дороге из чужого стога сена или соломы при ночлеге в степи или сорвать на бакше арбуз. Но это считается как бы взаимным одолжением. Это так установилось в обычае; надобно различать подобные присвоения от действительной кражи». – С.К.]. Следует сказать, что те сведения о преступлениях, которые приводил священник И. Попов являлись не только наглядным свидетельством искажения реальной действительности, но и не содержали никаких сведений о наказаниях виновных и их конкретных видах, применявшихся донскими казаками в указанный период времени»².

В другой корреспонденции, но уже поступившей из Усть-Медведицкого округа Области войска Донского, сообщались только

некоторые отрывочные сведения, касавшиеся вопросов ответственности виновных лиц за совершенные ими правонарушения.

«Наше хуторское население до сих пор держится того мнения, что всякое преступление, как бы ни было оно важно и серьезно, может быть прекращено примирением. Благодаря этому обстоятельству, много преступлений остается нераскрытыми, а проживающие в хуторах воры, грабители – безнаказанными.

Мало этого: весьма не редко ускользают от правосудия даже такие преступники, как убийцы, и единственно лишь потому, что хуторское население не желает их обнаруживать. Исходит оно из того положения, что мертвого не воскресишь, а лишь убытка наделаешь: станут целых полхутора таскать по судам и отрывать от работы, а это казаку убыток.

Естественно, что при наличности таких условий, для полицейских и судебных властей иногда не представляется возможности не только расследовать преступление и наказать преступника, но даже и узнать о существовании самого преступления. Если же порой такое преступление и обнаруживается, то есть делается известным полиции или следователю, то лишь благодаря каким-нибудь случайным обстоятельствам»³.

В силу этих обстоятельств рассмотрение основных особенностей наказания виновных у донских казаков следует начать с такой особенности механизма действия норм обычного права у донских казаков как латентный (скрытый) характер самого их обычного права.

Соккрытие донскими казаками сведений от всех посторонних лиц о большинстве совершавшихся в станицах и хуторах Области Войска Донского во второй половине XIX в. правонарушениях и применявшихся для их устранения видах наказания виновных, о причинах, целях и задачах, которые донские казачьи общины при этом преследовали, об изменении отдельных видов наказаний было умелым и весьма действенным. В результате не только войсковое начальство, но и члены других казачьих общин, знатоки донского казачьего быта, бытописатели, священники и другие представители станичной и хуторской интеллигенции, проживавшие в станицах и хуторах, не говоря уже о профессиональных корреспондентах донских газет и путешественников, посещавших станицы и хутора на короткое время, имели или искаженные и недостоверные или очень смутные представления о правонарушениях и ответственности правонарушителей, весьма далекие от реальной действительности.

В большинстве случаев соккрытие таких сведений носило характер противодействия применению норм писаного имперско-

го законодательства. Оно являлось способом пассивного противостояния внедрению норм официального законодательства ради сохранения своего самобытного и суверенного «казачьего присуда» на станичном и хуторском уровнях.

Сюда можно отнести: несообщение окружному и войсковому начальству об имевших место правонарушениях, создание препятствий и запрет на обращение некоторых членов донской казачьей общины в официальные суды (мировые, окружные и общегражданские), почти полное отсутствие письменных приговоров станичных сходов о наказании виновных, даже когда они имели право на осуществление правосудия по нормам официального законодательства (до 1870 г.), краткое изложение решений станичными судами (после 1870 г.), из которых невозможно было понять, как они были разрешены и на основании каких норм права.

На хуторском уровне также наблюдалось соккрытие сведений о многих правонарушениях от станичных властей и станичных судов, о действительных причинах которого почти ничего не было известно в связи с отсутствием письменных записей приговоров хуторских сходов. Можно предположить, что в основном речь шла о делегировании судебных полномочий отдельным или одновременно всем отдаленным хуторским сходам со стороны донской казачьей общины (она состояла из станицы в целом и приписанным к ней хуторов) по самостоятельному рассмотрению и разрешению, периодически возникавших между хуторами различных споров.

Только в очень редких случаях, когда, например, речь шла о соккрытии сведений некоторыми хуторянами от своих хуторских сходов, или когда налицо был конфликт интересов между станицей и хутором, или в других случаях нарушения норм обычного права, выработанных станичным сходом, донская казачья община немедленно реагировала на эти факты и принимала самые решительные меры для их устранения и недопущения в будущем.

В качестве примера приведем тексты документов.

«1860 года июня <...> дня войска Донского в Гниловском станичном правлении дошло до сведения станичного правления, что граждане сей станицы хуторов Хоперския и Недвиговского под видом секретных отдали целинную землю под посев хлеба иному ведомству на которой произрастает теперь разного рода хлеб, то в отвращение на будущее время беспорядка сего вредного для общества, положили: за вольную засеянную десятину хлебом иными лицами Армянами и другими взыскать в пользу ста-

ничного дохода по три рубля серебром и кроме того с содержанием виновных под арестом три дня при станичном правлении на хлебе и воде»⁴.

В своем «объявлении» от 1887 года в Усть-Белокалитвенское станичное правление жители хутора Титова заявили, что «...жители разных хуторов собравшись толпою для раздела произраставшего по реке Калитве талы, решились без дозволения станичного правления сделать по дворам обыск порубленной до отказа [Запрет, установленный донской казачьей общиной на вырубку. – С.К.] талы, и в каких домах находили оную требовали деньги, а где не было хозяев оставались женки, а где одни малолетние дети, там ограбляли вещи, брали из домов шубы, полсти и в сундуках прочие вещи <...> и отправились будто бы в хутор Дубовой и где все эти вещи подели неизвестно. Объявляя о том станичному правлению покорнейше просим сделать свое распоряжение исследовать сколько и коих именно произведено самовольного поруба талы и у кого именно и сколько ограблено вещей и с виновными за противу законный грабеж не оставить учинить надлежащее поступление без малейшего послабления»⁵.

Из текста документа явствует, что хуторяне жалуются только потому, что в число пострадавших от «обдирания» попали лица, не являвшиеся порубщиками. Само «обдирание» виновных являлось одним из видов наказаний, применявшихся в станицах и хуторах донскими казаками, в соответствии с санкционированными донскими казачьими общинами к действию нормами обычного права.

Почти все приговоры хуторских судов существовали в устной форме и, только в очень редких случаях, они могли быть изложены на бумаге, чтобы доказать невиновность своих граждан, которых судили по нормам официального законодательства Российской империи.

Результатом длительного пассивного противостояния официальным властям разного уровня стало сознательное формирование донскими казаками для внешнего мира искаженных, не соответствующих действительности представлений о преступлениях и наказаниях правонарушителей в соответствии с нормами официального законодательства, а не согласно нормам обычного права.

Существовала еще одна причина, которая вольно или невольно приводила исследователей донского казачьего быта к искажению сведений о системе наказаний виновных у донских казаков и способствовала еще большему закреплению неверных представлений. Такой причиной являлось подведение самостоятельной системы

наказаний по обычному праву у донских казаков под систему наказаний и условий привлечения к ним, которые были предусмотрены официальным законодательством Российской империи.

На самом же деле, перечень правонарушений, за которые донские «казачьи присуды» присуждали виновных к тем или иным видам наказаний не просто далеко выходил за рамки официального законодательства, а был совершенной противоположностью последнему. Он состоял из целого ряда особенностей, которые полностью противоречили нормам официального гражданского, административного и уголовного права.

Приговоры станичных и хуторских сходов как раз и являлись наглядным подтверждением этих особенностей, но они были недоступны для большинства посторонних лиц. Одновременно содержащиеся в данных приговорах сведения во многих случаях опровергали интерпретацию отдельных фактов, которые сообщали в своих заметках исследователи донского казачьего быта.

Вторая особенность обычного права у донских казаков заключалась в том, что оно никогда не выделяло гражданского, уголовного и административного обычного права, поэтому во второй половине XIX в. при назначении и исполнении тех или иных видов наказаний донские казачьи общины не разграничивали конкретные правонарушения на уголовно-наказуемые преступления, гражданско-правовые правонарушения и административные проступки.

Это видно из следующих документов.

«1842 года Августа 16 дня Войска Донского в Гниловском станичном правлении общественное собрание имело суждение о покраже казаком сей станицы Ильею Кальяновым с пашней у крестьянина Ковалева разного жатого хлеба, а именно пшеницы две с половиною копны и жита одну копну сорок четыре снопа положили: за воровство казака Кальянова <...> наказать при сборе сем телесно 30-ю ударами розгами затем ему Кальянову приказать крестьянина Ковалева удовлетворить возвратом такового количества хлеба натурою»⁶.

«1872 года ноября 5 дня Вешенской станицы граждане слушали доклад станичных правителей об удалении из общества нашего некоторых лиц из подозрительных в воровстве, законопротивных поступках <...> и что дурная их нравственность много влияет на молодых людей: а потому положили: согласно приговора сего ходатайствовать куда следует по усмотрению начальства с приложением к приговору этому справки из штрафного журнала подсудности их и других известных для станичного правления законопротивных причин и пороков»⁷.

Защищаясь от подобных лиц, донская казачья община пыталась выработать новые нормы обычного права. Так было в той же самой станице Вешенской, о чем говорит следующий документ.

«1872 года мая 14 дня Мы по единодушному нашему желанию с настоящего времени приговорили постановить для устранения воровства и мошенничества, выходящих через меру и подозрительное приобретение животных в среде нашего общества, следующий порядок: в случае кто-либо из среды нас или иногородних особенно подозрительных людей, купит или выменяет какое-либо животное как то: лошадь, корову и волов и не доставит фактического доказательства о способе приобретения животного, то таковое животное зараз же отбирать и продавать с публичного торга на станичном сходе, вырученные же деньги, впредь до отыскания действительного хозяина проданного животного хранить в станичном правлении, с тем однако, чтобы проданное животное, в случае явки хозяина могло беспрепятственно возвращаться хозяину, если того пожелает он, или же вырученные деньги обращать в пользу действительного хозяина в установленный для того законом срок (на правилах поступления с пригульным скотом).

За действием покупки и мены животных обязывается следить каждый домохозяин: в особенности же поселковые атаманы. А как обнаружится, что выше прописанное зло, производится более иногородними проживающими в станице и хуторах из коих многие ведут жизнь праздную, развратную и занимаются пьянством, то воспретить гражданам пущать на квартиры в дома свои жить подобных людей. Если же кто согласится держать такового квартиранта обязан дать ручательную за поведение его подписку, а кто сие допустит без ведома станичного правления взыскивать штраф по восьми рублей серебром за каждую неделю, а явно нерадивых иногородцев высылать из станицы с учинением на паспорте о бурной их жизни надписей, и сообщать в их места жительства о не увольнении таковых на сторону, а исправляли бы таковых мерами местной полиции. О своих жителях ведущих подобную иногородним жизнь, составлять приговоры об удалении их из родины, по мере вины на время и на всегда, а до получения утверждения употреблять их на станичные нужды по усмотрению станичных правителей»⁸.

Подтверждением служит и приговор казаков станицы Гниловской.

«1853 года июля 19 дня в Гниловском станичном правлении

станичные правители и депутаты имели суждение, что некоторые из жителей сей станицы в непомерном количестве складывают во дворе свое сено, даже и солому, что угрожает большою опасностью в несчастном случае от пожара. На против же сего есть для безопасности в окопах за станицею особое место. А потому положили: объявить жителям сей станицы чтобы они отнюдь не имели во дворах своих никакого сена, а вывезли бы в окопы: Если же кто не выполнит сего и не вывезет из дворов сено, то кроме распоряжения на вывоз, будет оштрафован арестом и тремя рублями серебром в пользу станичной суммы»⁹.

Третьей особенностью наказания виновных у донских казаков было отсутствие деления всех правонарушений в зависимости от степени их общественной опасности на самые опасные, важные преступления, средние преступления и шалости или маловажные административные проступки. Наказание за самые незначительные шалости могло быть столь же или же не менее суровым, как и за самые серьезные правонарушения.

Об этом свидетельствуют следующие документы.

«1843 года января 31 дня в Вешенском станичном правлении на станичном сборе положили: выростка Ефима Грузинова за порубку одной яблони взыскать 3 рубля серебром в штраф, причем внушить ему, чтобы он на будущее время такового преступления не делал»¹⁰.

«1843 года марта 7 дня в Вешенском станичном собрании на полном станичном сборе выслушав доклад станичных правителей о том, что казачья жена Пелагея Бирюкова всегда подозревается в развратной жизни, принимает к себе сомнительных и развратной жизни людей положили: так как Бирюкова в 1838 году за варение воровских 15 кур по приговору общества была наказана 25-ю ударами розгами, то и ныне в прекращение качеств Бирюковой и в страх другим наказать при настоящем собрании ее 25-ю ударами палками»¹¹.

«1843 года июля 18 дня, Войска Донского Вешенской станицы общество на полном сборе, по объявлению станичных правителей, что казаки: Михайла Сидоров и Ефим Лосев есть бедного состояния, что исправиться к службе не могут, имело суждение, и приговор сей утвердило <...> все то купить им на станичную сумму с возвратом из ремонтной их дачи; причем по известности нашей присовокупляем, что они бедные от нижеследующих случаев: Сидоров по нерадению о домашности и преданности к пьянству, и Лосев живши из малолетства в сиротстве. Причем Сидорова за нерадение и пьянство наказать 40 ударами палками»¹².

«1843 года октября 24 в Воскресенье на полном станичном сборе Вешенской станицы слушали мнение станичного правления по делу о воровстве в хуторе Антиповом у цыгана Ивана Марьенка кобылы в воровстве этом оказался виновным того же хутора казак Захар Лашакин общество полагает: наказать его на сборе по казачьему обыкновению 25-ю ударами плетьюми, прибавив 10 в почувствование распутного его поведения»¹³.

Четвертая особенность наказания виновных у донских казаков заключалась в том, что их обычное право вообще не придавало особого значения объекту правонарушения и четко сформулированным условиям, только при наличии которых было возможно привлечь виновное лицо к обычно-правовой ответственности. А ведь именно по объекту правонарушений в официальном законодательстве Российской империи традиционно выделяли виды применяемых к виновным конкретным наказаний, присущих только одной, конкретной отрасли права. Донские же казачьи общины не видели большой разницы между правонарушениями против личности или против имущества потерпевшего, о чем говорят следующие документы.

«1843 года июня 3 дня в Вешенском станичном собрании слушали доклад станичных правителей, о воровстве с мельницы казака Феоктиста Карева железного веретена и пятерни и самые обстоятельства дела, по коему оказался виновным в воровстве этом жительствующий сосед к мельнице казак Симон Кочитов 32-х лет по службе отличий не имеющий, воровство сделано на страстной неделе и Кочитов в поведении своем не одабривается и потому положили: взыскать с казака Кочитова за сворованное веретено и пятерню по показанию хозяина 18 рублей. Если не представит наличных из имения и сверх того наказать его на сборе 20-ю ударами розгами <...> и переменить его с должности отарщика [Пастуха овец. – С.К.] другим более надежным именно казаком»¹⁴.

Для обычного права донских казаков такое деление правового регулирования было исключено, поскольку противоречило механизму действия норм обычного права. Одни и те же виды наказаний могли применяться в станицах и хуторах Области войска Донского к совершенно противоположным видам общественных отношений, что позволяет сделать вывод о большой гибкости обычного права у донских казаков.

В своем объявлении от 12 сентября 1860 г., поданом в Мигулинское станичное правление, казак Дмитрий Земляков указал, что

«одного со мной хутора Верхнековского казак Александр Насонов, имея с давнего времени на меня вражду и как видно за то, что я живя с ним в недалеком расстоянии по соседству, не терпя какие-либо вредные для своего семейства и меня его слова, которые нередко случаются, и он уже несколько лет употребляя все средства, чтобы малейшие и как бы было возможно запятнать мою и моего семейства честность <...> несколько раз заводил со мною брань, и упрекнул меня такими словами, что якобы он меня назад тому другой год застал на деле прелюбодействия с женою вскормленника моего казака Гордея Землякова при свидетелях бывших в то время казака Никифора Кравцова, Максима Гуревичина. И как поступок этот нетерпимый мною, которому я никогда не виновен, донося о нем станичному правлению прошу приказать казаку Александру Насонову меня за порок неправильный удовлетворить»¹⁵.

То же самое можно сказать и об объективной стороне правонарушений: совершено ли правонарушение тайно или открыто, утром, днем, вечером или ночью, со взломом или без, против личности или имущества, против частных интересов или коллективных интересов всей донской казачьей общины.

Об этом свидетельствует приговор от 7 октября 1862 г., в котором общество Мигулинской станицы слушало «объявление жителей здешней станицы хутора Ольховского о том, что казак того хутора Григорий Степанов Бочаров ведет жизнь весьма развратную и занимается мелкими воровствами, по выслушивании всего этого общество Положило: казака Григория Бочарова за дурную жизнь его в виде наказания и для исправления его в нравственности командировать без очереди в Грузию на 3 перемены или на 9 их то сряду. Порок же сей Бочарова записать в станичную штрафную книгу надлежащим порядком»¹⁶.

В 1845 г. общество Еланской станицы за попытку кражи строевого коня у казака этой же станицы Гавриила Щетникова указало, что «как злонамеренный человек, а как он Исаев и прежде вел себя худо, делал кражи и другие законоупротивные поступки, за что был командирован без очереди на 2-е перемены на Кавказ, а потому казака Исаева в почувствование а в пример другим наказать на станичном сборе розгами»¹⁷.

Высшей мерой наказания для донских казаков было изгнание из общины. Так, общество Акишевской станицы в 1843 г. по делу о краже казачкой Климовой одной овцы у казачки Митиной «положило»: «...Так как казачка Меланья Климова давно уже ведет развратную жизнь и была суждена в Хоперском Сыскном Начальстве в 1833 году за кражу у казачки Агрипены Луныкиной и казака

Тимофея Сергеева вещей и денег на 80 рублей и по указу онаго начальства от 27 июля того года по решению дела была отдана на зарабатывание цены покраденного на 90 дней в частные работы и за любодееяние Климовой и рождение от того младенца была предана церковному покаянию в 1840 году по приговору сего общества и определять наказание согласилось просить высшее Правительство казачью жену Меланью Климову жительство из станицы сей удалить и тем предоставить обществу сему спокойствие для общего блага»¹⁸.

Приведенные примеры назначения конкретного наказания виновному ясно свидетельствовали о том, что донские казачьи общины первостепенное внимание уделяли не объекту, а субъекту правонарушения. На наш взгляд, это являлось одним из слабых мест обычного права донских казаков, ибо оно не дает никаких оснований считать его справедливым для всех членов казачьей общины. Игнорирование объектов правоотношений создавало порой трудно разрешавшиеся препятствия, а также порождало всевозможные коллизии при рассмотрении и разрешении споров между членами одной общины и или членами других общин, иногородними и другими в традиционных обычных народных и станичных судах.

Например, в объявлении, поданном 10 декабря 1860 г. в Мигулинское станичное правление вдовой хутора Чиганацкого Евдокией Чайкиной, она указывает: «В июле месяце казак здешней станицы Алексей Попов, проезжая по дороге без позволения стражи бахчей нашего хутора допустил себя сорвать по доказательству бахчевника 7 арбузов. Казак Попов будучи выпивши кинувшись бить бахчевника, что как он смеет обличать его вором, как он благородного состояния. Между тем бахчевник его Попова представил в хутор, где стариками за нанесенную обиду нашему бахчевнику взяли косу, которая хранилась у казака Нестера Беляева. После чего ему Попову коса понадобилась он вместо ее по собственному желанию оставил свою шинель серого сукна, а косу взял. Когда же бахчевник при расчете с ним по окончании срока, за нанесенные ему побои общество согласилось шинель желающему поручить в заклад 5 рублей которыми деньгами и удовлетворить за обиду бахчевника, с таким условием, что если хозяин не явится на выкуп шинеля, то употребить его для ношения. За поясненную цену я приняла ее еще 13 сентября о чем уже казаку Попову известно, но не судом и выкупкою шинели своей не выручает. Прошу объявить о этом казаку Попову с тем, что если он в течении одной недели не явится на выкуп своего шинеля,

то я его употреблю в перестройство на образец новой формы своему сыну для ношения его»¹⁹.

Еще одним убедительным примером служит, в изложении «Донской речи», дело о краже кнута, при разрешении которого обычные народные и станичный суды сделали основной акцент именно на субъекте, а не на объекте правонарушения.

«В прошлом году [1894 г. – С.К.], 23 апреля, калитвенским станичным судом рассматривалось оригинальное дело по обвинению казака Онисима Плешакова в краже кнута, стоимостью в 10 копеек. Дело это, наглядно характеризующее деятельность некоторых наших станичных судов, заключалось в следующем: калитвенское станичное правление препроводило в станичный суд прошение граждан хутора Плешакова о том, что казак их хутора Назар Клыков летом 1893 года потерял кнут, оказавшийся впоследствии у казака Онисима Плешакова.

Кнут этот, кроме того, признали своим казаки Илюхин и Гайдуков, причем последний прислал записку хуторскому атаману, в которой просил возвратить ему кнут.

Таким образом, к названному кнуту три лица предъявили права собственности. Долго хуторской сбор во главе со своим атаманом решал трудную задачу о принадлежности таинственного кнута, но, не смотря на все усилия, решить ее не мог и «единогласно положил отправить отобранный у Плешакова кнут со всеми к нему доказательствами в калитвенское станичное правление и просить оное расследовать: кому именно принадлежит кнут».

Станичное правление, во избежание, видимо, роковой ошибки, само за это дело не взялось, а поручило его компетентности станичного суда. Станичный суд, однако, взглянул на дело гораздо глубже, чем следовало бы, и вместо того, чтобы восстановить лишь принадлежность вещи, повел дело уголовным порядком и привлек казака Плешакова к суду за воровство.

Разбор дела назначен был на 20-е марта прошлого года, но, за неявкою Гайдукова и некоторых свидетелей, был отложен до 10 апреля. 10 апреля тоже некоторые не явились; дело снова отложили до 23 апреля; но и на это число Гайдуков не явился. Станичный суд, твердо, наконец, решившийся рассмотреть 10-копеечное дело, открыл заседание, на котором один из потерпевших Клыков просил суд возвратить кнут ему. Плешаков объяснил, что кнут этот положил ему в сани Гайдуков, которому он и должен быть возвращен. Свидетель Илюхин доказывал, что кнут этот был его, что он сам его плел, а теперь он принадлежит Клыкову. Остальные свидетели показали

различно: одни объясняли, что кнут должен быть Клыкова, другие, что он совсем не Клыкова.

Нужно было призвать на помощь всю мудрость Соломона, чтобы как-нибудь выпутаться из лабиринта явных противоречий. И выпутались... Станичный суд постановил: казака Плешакова за похищение кнута подвергнуть аресту при станичном правлении, взыскать с него в пользу пяти свидетелей, согласно их заявлений, по 50 к. каждому. Кнут же возвратить Клыкову.

Тут же было постановлено оштрафовать неявившихся 4-х свидетелей по 1 р. каждого. Таким образом, кнут одному Плешакову обошелся в 2 р. 50 к., а всем кнут – 6 р. 50 к.

Плешаков, однако, таковым решением не удовольствовался и обжаловал его в областное правление, которое просил от ареста и взысканий освободить его. Областным правлением, по рассмотрении дела, приговор суда в части присуждения Плешакова к аресту отменен, в остальных же частях утверждён»²⁰.

Таким образом, в силу особенностей наказания виновных по решению «казачьего присуда» часто невозможно установить полный перечень всех видов наказаний, назначавшихся для исправления виновных и для недопущения правонарушений с их стороны в будущем. Ни одна из рассмотренных в данной статье особенностей наказания виновных «казачьим присудом» не является по отношению к другой главной или второстепенной, поэтому их необходимо рассматривать в совокупности. Только такой подход позволяет разобраться в истинных представлениях донских казаков о правонарушениях и видах наказания виновных, в своеобразном понимании донскими казаками справедливости и законности.

Примечания (Endnotes)

- ¹ Краснов С.Ю. Трансформация неправовых обычаев в правовые и наоборот как одна из особенностей механизма действия норм обычного права у донских казаков во второй половине XIX века // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. 2011. № 1 (14). С. 27–38.
- ² Попов И. Народные юридические обычаи в Раздорской на Дону станице // Донской Вестник. 1869. № 32.
- ³ М. Усть-Медведицкий округ // Донская речь. 1889. 27 апр. № 48.
- ⁴ Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. 338. Оп. 2. Д. 1332. Л. 160.
- ⁵ ГАРО. Ф. 338. Оп. 6. Д. 847. Л. 7–8.

⁶ ГАРО. Ф. 338. Оп. 2. Д. 1318. Л. 86, 86об.

⁷ ГАРО. Ф. 338. Оп. 2. Д. 677. Л. 73, 73об.

⁸ Там же. Л. 135, 135об., 136, 136об.

⁹ ГАРО. Ф. 338. Оп. 2. Д. 1332. Л. 1.

¹⁰ ГАРО. Ф. 338. Оп. 2. Д. 592. Л. 10.

¹¹ Там же. Л. 28.

¹² Там же. Л. 65–66.

¹³ Там же. Л. 100, 100об.

¹⁴ Там же. Л. 49, 49об.

¹⁵ ГАРО. Ф. 338. Оп. 2. Д. 1093. Л. 85–86об.

¹⁶ ГАРО. Ф. 338. Оп. 2. Д. 1101. Л. 47–47об.

¹⁷ ГАРО. Ф. 338. Оп. 3. Д. 156. Л. 6об., 7.

¹⁸ ГАРО. Ф. 338. Оп. 2. Д. 210. Л. 6 об., 7.

¹⁹ ГАРО. Ф. 338. Оп. 2. Д. 1093. Л. 104об.–105об.

²⁰ Уголовное дело о краже кнута // Донская речь. 1895. 24 авг. № 100.

Автор, аннотация, ключевые слова

Краснов Сергей Юрьевич – канд. юрид. наук, доцент Волгоградского государственного университета. krasnov@volsu.ru

В статье рассматриваются основные особенности наказания виновных по обычному праву у донских казаков во второй половине XIX в. В качестве источников использованы ранее неизвестные документы, хранящиеся в Государственном архиве Ростовской области, и материалы донской периодической печати. Впервые автор делает акцент не на объектах правонарушений, а на видах наказаний и субъектах правонарушений. Автор приходит к выводу, что одной из основных особенностей наказания виновных по приговорам донских казачьих общин было умелое сокрытие донскими казаками от всех посторонних лиц сведений о большинстве совершившихся правонарушениях и применявшихся видах наказания виновных. В большинстве случаев сокрытие сведений о преступлениях и наказаниях носило характер противодействия применению норм официального законодательства Российской империи. Это сокрытие являлось способом пассивного противостояния внедрению норм официального законодательства ради сохранения своего самобытного и суверенного «казачьего присуда» на станичном уровне. Вторая особенность заключалась в том, что при назначении наказания донские казачьи общины не разграничивали конкретные правонарушения на уголовные, гражданские и административные. Третьей особенностью было отсутствие деления правонарушений в зависимости от степени их общественной опасности. Четвертая особенность наказания виновных заключалась в том, что обычное право донских казаков вообще не придавало особого значения объекту правонарушения.

Донское казачество, Область войска Донского, казачья община, казачья станица, казачье станичное правление, казачий станичный суд, казачий общественный приговор, преступление, наказание, обычное право, правовой менталитет

References (Articles from Scientific Journals)

1. Krasnov S.Ju. Transformatsiya nepravovykh obychaev v pravovye i naoborot kak odna iz osobennostey mekhanizma deystviya norm obychnogo prava u donskikh kazakov vo vtoroy polovine XX veka [The Transformation of Non-Legal Customs into Formal Law and the Reverse Process as a Feature of the Workings of Customary Law under the Don Cossacks in the Second-Half of the Nineteenth Century.]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 5: Yurisprudentsiya*, 2011, no. 1 (14), pp. 27–38. (In Russ.).

Author, Abstract, Kew words

Sergey Yu. Krasnov – Candidate of Law, Senior Lecturer, Volgograd State University (Volgograd, Russia) krasnov@volsu.ru

The article examines the main features of punishment under customary law of the Don Cossacks in the second half of the 19th century. The sources used in the work are previously unknown documents kept in the State Archive of the Rostov Region and materials from the Don Cossacks' periodical press. For the first time in research the author does not focus on the objects of offenses but highlights the types of penalties and the subjects of offenses. The author comes to the conclusion that the system of punishment for those accused by the Don Cossacks' communities was, first of all, distinguished by the fact that the latter the Don Cossacks skillfully concealed from all unauthorized persons the information about most offences committed and the types of punishment employed. Normally, that practice was meant to counteract the application of the official legislative norms and standards of the Russian Empire. The concealment of such information can be viewed as a passive opposition to the introduction of official legal norms in order to preserve their original and sovereign "Cossack customary law" on the *stanitsa* level. Secondly, as the Don Cossacks' communities administered penalties they did not differentiate between criminal, civil and administrative offenses. Moreover, the Don Cossacks' customary law did not consider offenses as to the extent of danger they could impose to the community. Nor did it take into consideration the object of the offense.

Don Cossacks, Don Cossacks' Oblast (Region), Cossack community, Cossack village (*stanitsa*), Cossack village (*stanitsa*) board, Cossack village (*stanitsa*) court, Cossack community verdict, crime, punishment, customary law, legal mentality.

Ю.В. Корнеева

ИЗ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ ТОРГОВЛИ В ГОРОДАХ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА*

Yu. Korneeva

From the History of the Development of Trade in the Towns of the Middle-Volga Region in the Second Half of the Nineteenth Century

Во второй половине XIX в., в условиях быстрого развития промышленности, в России быстро рос и внутренний товарооборот: за последнюю четверть XIX в. продажи увеличились в пять раз по сравнению с серединой века. Совокупный объем экспортно-импортных операций к концу XIX в. увеличился в три раза, причем стоимость вывозимых товаров на 20 % превышала стоимость ввозимых¹.

Менялись и формы торговли в городах, а также соотношение между этими формами.

Губернии, составлявшие Среднее Поволжье, – Самарская, Симбирская и Пензенская, – имея единый характер хозяйственного освоения территорий, общность исторических судеб проживающих здесь народов, единство системы территориального управления и ярко выраженный аграрный характер развития², активно включались в общероссийский рынок. В этих трех губерниях во второй половине XIX в. насчитывалось 29 городов: в Самарской – 8; в Симбирской – 8; в Пензенской – 13. Потенциал развития торговли в этих губернских и уездных городах определялся хозяйственной деятельностью горожан, особенно их активностью и предприимчивостью в торговой деятельности, а также их покупательной способностью.

Ведущей силой развития торгового оборота в городах трех губерний было купечество, хотя в составе городского населения этих губерний купеческое сословие насчитывало всего 1,3–2 % населения. При этом купцы играли решающую роль в городском самоуправлении: в составе гласных городских дум насчитывалось

* Статья написана при поддержке гранта Президента Российской Федерации, проект «Экономическое развитие городов Среднего Поволжья во второй половине XIX в.» (МК-5966.2016.6).

60–70 % представителей купеческого сословия, а представители самых именитых купеческих семей в большинстве случаев избирались городскими головами, возглавляли городское самоуправление³.

Еще для одного городского сословия – мещанства – торговля являлась одним из главных видов деятельности. Больше всего мещан насчитывалось в городах Самарской губернии – 64 %⁴, в городах Пензенской губернии их было меньше – 35 %⁵.

Торговая деятельность этих двух городских сословий несколько различалась. Согласно отчетам губернаторов, купцы в большей степени торговали хлебом, вином и разнообразными тканями, причем это была в большей степени вывозная оптовая торговля. Мещане же занимались главным образом мелкой розничной торговлей в том городе, в котором проживали, и на территории своей губернии⁶.

Структура городской торговли трех губерний складывалась из следующих элементов: вывозная оптовая торговля, организованная в основном на железнодорожных станциях и речных пристанях; ввозная, состоящая из стационарных форм розничной торговли (лавки и магазины), и ярмарочная торговля, реализующая как экспортную, так и импортную продукцию.

В настоящей статье рассматриваются преимущественно вывозная оптовая торговля на железнодорожных станциях и речных пристанях, а также стационарная розничная торговля (лавки и магазины).

Торговые обороты трех губерний различались. Так, Самарская губерния демонстрировала более развитую и успешную торговлю, нежели Симбирская, а тем более Пензенская губерния. Согласно отчетам Самарского губернатора, в 1867 г. из Самарской губернии было вывезено товаров на сумму 16 828 тыс. руб., из которых хлеба и сала – на сумму 10 900 тыс. руб.⁷

Самых значительных оборотов добивались хлеботорговцы. Хлебная торговля вообще имела важнейшее значение как на внутреннем рынке России, так и на внешнем. Если в 1860-х гг. экспорт хлеба из России оценивался в 56,3 млн руб., что составляло 31 % от общей ценности экспорта, то в 1890-х гг. эта статья оценивалась уже в 296,7 млн руб.⁸ Рост хлебного экспорта активизировал внутреннюю торговлю хлебом.

Поволжье с середины XIX в. являлось «районом торгового зернового производства, вывозившим хлеб в различные направления»⁹. Самарская губерния активнее других губерний включалась в процесс хлебной торговли. Через ее территорию проходил

гужевой торговый путь, на котором активно сбывался хлеб и зерновые культуры, а также приобретался местный товар: рыба, кожа и овчина. Городскими центрами хлебной торговли были Самара и Сызрань. Объемы производства муки для экспорта в этих городах хотя и было довольно крупным, но все же уступали объемам внутреннего потребления¹⁰.

В конце XIX в. один из основных товаропотоков волжского хлеба шел на местные и внутренние рынки. Так, 41,3 % хлебных перевозок Самарской губернии не выходили за пределы региона¹¹.

Рост объемов хлебной торговли способствовал развитию мельничного производства. Первую мукомольную мельницу в Самаре построил в 1884 г. П.С. Субботин; она перерабатывала до 18 тыс. пудов зерна в сутки. Он был не только крупным хлеботорговцем, но и пионером в механическом мукомольном производстве. Кроме мельниц, Субботин владел пароходами и баржами, домами и хозяйственными постройками, земельными участками. Позже субботинскую мельницу часто перекупали, и лишь к концу XIX в. она оказалась в руках семейства Шихобаловых, которое было одним из самых состоятельных торгово-промышленных семейств Самары. Свой основной капитал Шихобаловы сколотили на скотоводстве и переработке сала. Продукция их предприятия продавалась в Москве и С.-Петербурге, а также вывозилась за границу. После смерти главы семейства в 1856 г. Емельян Шихобалов, по праву старшего брата, получил в наследство салотопенный завод, скотобойни, варочное и засолочное производство, кожевенные цеха, а также все подсобные строения. Один из младших братьев – Антон Шихобалов – накопил средства путем перепродажи земли и скоро смог построить собственный салотопенный завод, который по объему производства в два раза превзошел старый отцовский; к концу XIX в. он стал купцом-миллионером¹².

Так развитие промышленности и торговли позволило наиболее предприимчивым горожанам сколотить немалые капиталы, а также развивать предпринимательскую среду в городах Среднего Поволжья. Кроме Субботина и Шихобаловых, переработкой и торговлей хлебом активно занимались Башкировы, Журавлевы, Соколовы, Ромашевы.

Основными транспортными магистралями хлебных перевозок губерний Среднего Поволжья были речные и железные дороги. Именно благодаря строительству и расширению сети железных дорог в 1880-х гг., они активно подключались к общероссийским торговым потоками вообще и к хлебным перевозкам в частности.

Поволжье входило в пятерку основных направлений движения товарного хлеба европейской части России. Так, хлеб из Самарской и Симбирской губерний направлялся в Рыбинск, откуда поступал на Николаевскую и Виндаво-Рыбинскую железные дороги Мариинской системы¹³.

Особенностью торгового оборота являлся активный сбыт разнообразной продукции на речных пристанях. Река Волга и ее притоки имели важное торговое значение. Главным торговым центром на Волге был губернский город Самара.

Вывозная торговля Самары заключалась в продуктах земледелия, сала и кожи. Торговля хлебом продолжалась практически в течение всего года. Даже с закрытием навигации торговля хлебом в Самаре лишь несколько сокращалась и перемещалась на хлебные площади. Скупаемый на площадях хлеб хранился в многочисленных амбарах по берегам рек, а с открытием навигации сплавлялся. Так, в 1867 г. с хлебной пристани Самары было отправлено 12 млн пудов хлеба на сумму около 10 млн руб.¹⁴ В 1879 г. на Самарской хлебной пристани сбывалось уже 20 млн пудов продукции на сумму 18 044 928 руб.¹⁵, из которых 93 % всех товаров – это хлеб. В 1889 г. с Самарской хлебной пристани было отправлено 7 683 330 пудов хлеба на сумму 5 313 564 руб.¹⁶

Другой крупной сбытовой хлебной пристанью на Волге была Сызранская (Симбирской губернии). В 1861 г. с Сызранской хлебной пристани было отправлено 1 296 250 пудов хлеба на сумму 880 632 руб.¹⁷, в 1892 г. – уже на сумму 1 003 778 руб.¹⁸ Главным предметом торговли на Сызранской пристани были ржаная мука и пшено. Еще одна крупная хлебная пристань находилась в Симбирске, с которой в 1892 г. было отправлено хлеба на сумму 448 215 руб.¹⁹ Причем Самарская пристань в большей степени отправляла пшеницу, тогда как Симбирская пристань больше специализировалась на ржи и ржаной муке.

Торговые обороты хлебом на речных пристанях Самарской губернии в течение второй половины XIX в. сокращались, но не перестали играть ключевую роль в торговле региона. Сокращение сбыта хлеба к концу 1880-х гг. объясняются неурожаем. По данным отчета Департамента земледелия и сельской промышленности Министерства земледелия и государственных имуществ за 1888 г., сбор озимых и яровых сортов хлеба в Самарской губернии был неудовлетворительным повсеместно²⁰.

Еще одной особенностью хлебной торговли была патриархальность коммерческих отношений, связанная с самобытным укладом торговли. В частности, еще много было местных торговцев, кото-

рые из мелких ссыпок составляли крупные партии зерна, перепродаваемые приказчикам, комиссионерам и купцам²¹.

Торговля салом была второй по значимости в товарообороте Самарской губернии. Так в 1867 г. из Самарской губернии было вывезено около 900 тыс. пудов сала на сумму 3 200 тыс. руб.²² В 1874 г. с самарской пристани уже вывозилось 406 832 пуда сала на сумму 1 513 270 руб.²³

Строительство Моршанско-Сызранской, Оренбургской, Самаро-Уфимской железных дорог способствовало упрочению и развитию торговых отношений между городами трех губерний²⁴. Торговля на железнодорожных станциях городов увеличивала сбыт речным пристаням региона. Быстрыми темпами стали развиваться города, имеющие и железнодорожные станции, и речные пристани. В частности, выросло торговое значение Самары. Сюда доставлялось зерно не только со всей Самарской губернии, но и с Самаро-Златоустовской линии, Оренбуржья и других регионов. К концу XIX в. ведущей железнодорожной станцией в товарообороте стала Самара; так, в 1879 г. она отправила 151 741 пуд хлеба.²⁵

Характерной особенностью и главным показателем воздействия промышленного развития на городскую торговлю стало широкое распространение стационарной (магазинной) торговли. По «Положению о государственном промысловом налоге» (1898 г.), предприятия стационарной торговли подразделялись на четыре группы согласно объемам торгового оборота. К первой группе относились оптовые магазины и склады, ко второй, третьей и четвертой – лавки и магазины с товарооборотом от 300 до 10 тыс. руб.

В Самаре первый магазин появился в 1853 г., а в 1863 г. действовало 65 лавки²⁶, в 1875 г. – 71 магазин и 97 лавок²⁷. Первый магазин открыл купец Г. Санин – по продаже колониальных и бакалейных товаров. Магазин Г. Санина был образцом цивилизованной магазинной торговли в Самаре: не обвешивали, не обсчитывали, товар был высокого качества. Именно в магазинах Санникова появились первые ценники на товар. Позже в городе открывали подобные магазины Луковникова, Мятова, Надысева, Аннаева, Жукова и др. В этих магазинах продавались сахар, чай, виноградные вина²⁸.

Купцы начали открывать специализированные магазины, которые стали наиболее популярны у горожан с середины 1870-х гг. Например, в «Сарептском магазине» купца Христензена можно было приобрести самые разные импортные товары: от детских игрушек до готовой одежды, украшений с бриллиантами и игральные карты. В магазинах Головкина и Кожевникова самарцы покупали

фарфоровые, фаянсовые, стеклянные изделия и зеркала. Тому же Головкину принадлежал магазин икон церковной утвари. Часы и галантерейные товары продавались в магазинах Поппе и Первовского. Часто посещали самарцы шляпный и картузный магазин Гофмана, магазины дамских вещей Шумской и Нейман и другие. Огромными оборотами (до 1,5 млн руб. в год) отличались магазины шелковых, шерстяных, хлопчатобумажных иностранных изделий Никонова, Калачева, Конурина, Гладкова, Буслаева, Лазарева²⁹.

В Симбирской губернии в 1860-е гг. насчитывалось 1 626 лавок³⁰. В Пензе в 1864 г. работали 438 лавок, а всего в городах губернии – 681 лавка³¹. В уездных городах Пензенской губернии сбыт товаров в лавках и магазинах был незначительным. Наиболее успешно лавочная торговля шла в Саранске: там насчитывалось около 112 лавок и магазинов. В остальных уездных городах Пензенской губернии количество лавок варьировалось от 26-ти до 50-ти³².

Главными предметами торговли в городских магазинах и лавках были бакалейные и мануфактурные товары. К концу XIX в. центральные улицы городов трех губерний представляли собой сплошные ряды магазинов. Магазины, располагавшиеся на центральных улицах, обслуживали преимущественно богатых покупателей. Владельцы магазинов стали широко известны в городах. Так, в Пензе стали широко известны Ф.И. Финогеев, С.П. Барсуков, И.З. и В.И. Кузьмины, М.Е. Фалин, Е.Е. Будылин, которые владели собственными магазинами (мануфактурными, колониальными, хозяйственными, кондитерскими и т.д.)³³.

Таким образом, стационарные формы розничной торговли (лавки и магазины) к концу XIX в. стали обычным явлением поволжской городской действительности. Главным преимуществом этих форм торговли было постоянство и круглогодичность функционирования. Однако и во второй половине XIX в. в городской торговле присутствовали ее патриархальные формы – базары и ярмарки.

Самара занимала ведущее положение в городской торговле Среднего Поволжья, для нее было характерно быстрое развитие лавочной и магазинной торговли. Это объясняется тем, что она являлась крупным речным портом, торговля в котором дополнялась торговлей по железной дороге.

Торговые обороты других городов были несколько скромнее, но имели свою специфику. Так, в Симбирске преобладала ярмарочная торговля, в Сызрани – речная вывозная торговля. В других городах купцы и мещане торговали в основном товарами первой необходимости, в которых нуждались горожане и сельские жители своей губернии.

Примечания (Endnotes)

- ¹ Павлов П. Очерк сравнительной хозяйственной статистики России. СПб., 1869. С.45–48.
- ² Тараканова Н.Б. Среднее Поволжье во второй половине XIX в.: Методологические аспекты определения границ региона в рамках исследований по социально-политической истории // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 30 (211). С. 18–23.
- ³ Торин В.А. Структура, численность, социальный состав городского населения Среднего Поволжья во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник Самарского государственного университета. 2013. № 8-2 (109). С. 92–98.
- ⁴ Список населенных мест Самарской губернии: По сведениям 1889 года. Самара, 1890. С. 25.
- ⁵ Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. 9. Оп. 1. Д. 493. Л. 2.
- ⁶ Государственный архив Ульяновской области (ГАУО). Ф. 76. Оп. 1. Д. 34. Л. 66.
- ⁷ Государственный архив Самарской области (ГАСО). Ф. 3. Оп. 154. Д. 2. Л. 14.
- ⁸ Егиазарова Н.А. Аграрный кризис конца XIX века в России. М., 1959. С. 60.
- ⁹ Тагирова Н.Ф. Рынок Поволжья (вторая половина XIX – начало XX вв.). М., 1999. С. 66.
- ¹⁰ Китанина Т.М. Хлебная торговля России в конце XIX – начале XX века: Стратегия выживания, модернизационные процессы, правительственная политика. СПб., 2011. С. 63.
- ¹¹ Тагирова Н.Ф. Рынок Поволжья (вторая половина XIX – начало XX вв.). М., 1999. С. 98.
- ¹² Ерофеев В. Во имя города благо творить // Волжская коммуна (Самара). 2009. 7 нояб.
- ¹³ Влияние системы исключительных и навигационных тарифов на хлебную торговлю. Н. Новгород, 1910. С. 7, 8.
- ¹⁴ ГАСО. Ф. 3. Оп. 154. Д. 2. Л. 14.
- ¹⁵ ГАСО. Ф. 3. Оп. 165. Д. 76. Л. 37.
- ¹⁶ Список населенных мест Самарской губернии: По сведениям 1889 г. С. 20.
- ¹⁷ Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба: Симбирская губерния. Ч. II. СПб., 1868. С. 167.
- ¹⁸ ГАУО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 78. Л. 23.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Клопов А.А. Отчет по исследованию волжской хлебной торговли в 1889 и в 1890 гг. Тверь, 1890. С. 5.
- ²¹ Китанина Т.М. Хлебная торговля России в конце XIX – начале XX века: Стратегия выживания, модернизационные процессы, правительственная политика. СПб., 2011. С. 86.
- ²² ГАСО. Ф. 3. Оп. 154. Д. 2. Л. 14.

- ²³ ГАСО. Ф. 3. Оп. 160. Д. 21. Л. 12.
- ²⁴ ГАПО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 429. Л. 23.
- ²⁵ ГАСО. Ф. 3. Оп. 165. Д. 76. Л. 39.
- ²⁶ Тагирова Н.Ф. Рынок Поволжья (вторая половина XIX – начало XX вв.). М., 1999. С. 185.
- ²⁷ Алабин П. Двадцатипятилетие Самары как губернского города (историко-статистический очерк). Самара, 1877. С. 410.
- ²⁸ Обухович С.А. Старообрядческое купечество Самарской губернии // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева: Серия «История». 2005. № 7. С. 144–154.
- ²⁹ Шкунов В.Н. Среднее Поволжье в системе внешней торговли Российской империи в XVIII – XIX веках. Ульяновск, 2011. С. 148.
- ³⁰ Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба: Симбирская губерния. Ч. II. СПб., 1868. С. 230.
- ³¹ ГАПО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 598. Л. 16.
- ³² Экономическое состояние городских поселений Европейской России в 1861–62 гг. Ч. 2. Ст. XXXIII: Самарская губерния. СПб., 1863. С. 20.
- ³³ Тюстин А.В. Купеческие династии Пензы // Земство. 1995. № 3. С. 164–194.

Автор, аннотация, ключевые слова

Корнеева Юлия Васильевна – канд. ист. наук, Поволжский государственный университет сервиса (Тольятти, Самарская область). jullka55@yandex.ru

В пореформенной России, в течение второй половины XIX в., шло быстрое развитие городской торговли. Самарская, Симбирская и Пензенская губернии, которые составляли Среднее Поволжье и имели благоприятное географическое положение, активно включались в общероссийский рынок. В статье рассматриваются вывозная оптовая торговля на железнодорожных станциях и речных пристанях, а также стационарные формы розничной торговли – лавки и магазины. Основным источником для написания статьи стали документы Государственных архивов Самарской, Ульяновской и Пензенской областей, а также опубликованные статистические материалы государственных учреждений Российской империи. В статье проанализировано развитие различных форм торговли в городах Среднего Поволжья в непосредственной связи с развитием промышленности и транспорта. Кроме того, выявлена торговая специализация различных губернских и уездных городов. Делается вывод, что центральное место в коммерческой деятельности городов Среднего Поволжья занимала оптовая торговля хлебом. Лавки и магазины как стационарные формы розничной торговли к концу XIX в. стали обычным явлением поволжской городской действительности. Главным преимуществом этих форм торговли было постоянство и круглогодичность функционирования. Однако и во второй половине XIX в. в городской торговле присутствовали ее патриархальные формы – базары и ярмарки. Ведущее положение в городской торговле Среднего Поволжья занимала Самара,

для которой было характерно быстрое развитие лавочной и магазинной торговли. Это объясняется тем, что она являлась крупным речным портом, торговля в котором благодаря активному железнодорожному строительству стала дополнять торговля по железной дороге.

Среднее Поволжье, Самарская губерния, Симбирская губерния, Пензенская губерния, Самара, железнодорожный транспорт, речной транспорт, внутренняя торговля, товарооборот, оптовая торговля, розничная торговля, хлебная торговля, купечество.

References (Articles from Scientific Journals)

1. Obukhovich S.A. Staroobryadcheskoe kupechestvo Samarskoy gubernii [The Old Believer Merchants of Samara Province.]. *Vestnik Volzhskogo universiteta imeni V.N. Tatishcheva: Seriya «Istoriya»*, 2005, no. 7, pp. 144–154. (In Russ.).
2. Tarakanova N.B. Srednee Povolzhe vo vtoroy polovine XIX v.: Metodologicheskie aspekty opredeleniya granits regiona v ramkakh issledovaniy po sotsialno-politicheskoy istorii [The Middle-Volga Region in the Second Half of the 19th Century: Methodological Aspects of Defining the Boundaries of the Region within the Framework of Social and Political History Research]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2010, no. 30 (211), pp. 18–23. (In Russ.).
3. Tyurin V.A. Struktura, chislennost, sotsialnyy sostav gorodskogo naseleniya Srednego Povolzhya vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v. [The Structure, Size, and Social Composition of the Urban Population of the Middle-Volga Region in the Second-Half of 19th and early 20th Centuries.]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2013, no. 8-2 (109), pp. 92–98. (In Russ.).
4. Tyustin A.V. Kupecheskie dinastii Penzy [The Merchant Dynasties of Penza.]. *Zemstvo*, 1995, no. 3, pp. 164–194. (In Russ.).

(Monographs)

5. Egiazarova N.A. Agrarnyy krizis kontsa XIX veka v Rossii [The Agrarian Crisis of Late-Nineteenth Century Russia.]. Moscow, 1959, p. 60. (In Russ.).
6. Kitanina T.M. Khlebnaya trgovlya Rossii v kontse XIX – nachale XX veka: Strategiya vyzhivaniya, modernizatsionnye protsessy, pravitelstvennaya politika [The Russian Grain Trade in the late 19th and early 20th Centuries: Survival Strategy, Modernization Processes, and Governmental Policy.]. St. Petersburg, 2011, pp. 63, 86. (In Russ.).
7. Tagirova N.F. Rynok Povolzhya (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.) [The Market in the Volga Region (Second Half of 19th to Early 20th Centuries)]. Moscow, 1999, pp. 66, 98, 185. (In Russ.).
8. Shkunov V.N. Srednee Povolzhe v sisteme vneshney trgovli Rossiyskoy imperii v XVIII – XIX vekakh [The Middle-Volga Region in the Foreign Trade System of the Russian Empire in the 18th and 19th Centuries.]. Ulyanovsk, 2011, p. 148. (In Russ.).

Juliya V. Korneeva – Candidate of History, Volga Region State University of Service (Togliatti, Samara Region, Russia). jullka55@yandex.ru

Post-reform Russia saw a rapid development of urban trade during the second half of the 19th century. Due to their favourable geographical location,

Samara, Simbirsk and Penza Provinces constituting the Middle-Volga Region started to play an active part on Russia's market. The article examines itinerant wholesale trade going on at railway terminals and river wharfs as well as stationary retail vending, such as small and large shops. The article largely draws on documents from state archives of Samara, Simbirsk and Penza Provinces and uses published statistical data of state institutions of the Russian Empire. The article analyses different forms of trade in cities and towns of the Middle-Volga Region in connection with the development of industry and transport. In addition to that, the author identifies trade specialization of provincial and uyezd (district) cities and towns. It is concluded that wholesale trade of bread ranked first in the commercial activities of Middle Volga town communities. By the end of the 19th century small and large shops as stationary forms of retail trade became a common feature of urban everyday life in the Middle-Volga Region. Their advantage was accounted for by their regular year-round performance. However, such patriarchal forms of trade as a market place and a fair were still present in the urban trade. With its rapid expansion of shop trade, Samara played the leading role in the urban trade of the Middle-Volga Region, as the city was a big port intensely developing railway construction and, consequently, using the railway for commercial purposes.

Middle-Volga Region, Samara Province, Simbirsk Province, Penza Province, Samara (city of), railway transport, river transport, domestic trade, commodity circulation, wholesale trade, retail trade, grain trade, merchant class.

**«ГАСИЛЬНИК НАРОДНОГО ДУХА»:
ЦЕНЗУРНЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ
В ОСВЕЩЕНИИ ГЕРОИЗМА ФРОНТОВИКОВ
ВО ВРЕМЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ***

I. Alferova, V. Blokhin

**“The Extinguisher of the National Spirit”:
Censorship Limitations on Reporting
on the Heroism of Front-Line Fighters
during the First World War**

Летом 1914 г. Россия вступила в большую европейскую войну, которая, по словам В.И. Гурко, после «угара первых дней», с завершением «маневренного периода войны» и перехода ее в состояние позиционной, окопной, в сознании российского обывателя превратилась «в какую-то длительную, преисполненную всевозможных угроз, вечно ноющую и постороннюю его повседневной жизни болячку»¹.

Владимир Иосифович Гурко – сын героя русско-турецкой войны 1877–1878 гг. генерал-фельдмаршала Иосифа Владимировича Гурко, убежденный монархист, в годы войны занимавший должности Тверского уездного предводителя дворянства и члена Государственного Совета от Тверского земства, – в своих воспоминаниях попытался разобраться в причинах потери интереса российского обывателя к событиям, происходившим на фронтах. Вопрос не был праздным и, по мнению автора, именно в нем скрывалась одна из важнейших причин крупных неудач русской армии. «Я припоминаю Русско-турецкую войну 1877–1878 гг., когда имена Скобелева и моего покойного отца гремели по всей России, – делился Гурко своими наблюдениями. – Народ нуждается в идолах – это приподнимает его, создает в нем веру в свою мощь и в свой успех. Скажут, война не выдвинула у нас героев. Но ведь героев всегда создать можно»².

* Статья написана при поддержке гранта РГНФ, проект «Формирование образа героя на страницах российской и немецкой печати в период Первой мировой войны. Сравнительный аспект. К проблеме формирования культурной памяти» (№ 15-01-00399).

С этим не приходится спорить: «героев всегда сделать можно». Но действительно ли в годы Первой мировой войны не был сформирован образ настоящего героя – предмета всеобщего восхищения и образца для подражания? И если это так – что послужило препятствием для решения этой задачи?

В современной историографии в рамках имагологии практически сформировалось самостоятельное направление, исследующее особенности пропагандистской работы по формированию и трансформации образа врага, в том числе и в период Первой мировой войны. В меньшей степени исследована другая составляющая пропагандистской работы на фронте: формирование образа «героя» и «героического».

Некоторым исключением является новая отрасль отечественной науки – военно-историческая антропология, – которая в том числе занимается изучением механизмов формирования героических символов в военное время. Особый интерес в этом плане представляют работы Е.С. Синявской³, А.Б. Астахова⁴, а также дискурс-анализ в интерпретации «героического» в исследованиях К.А. Пахалюка⁵.

В последнее время появились отдельные научные труды, рассматривающие создание героических образов на страницах периодической печати и их трансляцию на уровень общественного сознания⁶.

В рамках данной статьи предполагается рассмотрение еще одного направления в изучении этой проблематики, не получившего до сих пор освещения в исторических исследованиях: роль военной цензуры в формировании героического на страницах российских газет и журналов в годы Первой мировой войны.

* * *

Военным цензорам, согласно «Временному положению о военной цензуре», введенному в действие указом Николая II от 20 июля 1914 г., вменялось в обязанность просматривать лишь материалы, связанные непосредственно с военными, армейскими вопросами⁷.

Военно-цензурные отделения штабов армий, фронтов и округов были в срочном порядке укомплектованы сотрудниками, главным образом офицерами. Основная функция отделений заключалась в контроле за внутренней перепиской, направляемой из армии и в армию, за почтовыми сообщениями внутри самой конкретной армии, а также проверкой корреспонденций, получаемой из-за границы и отправляемой за границу из действующей армии и в действующую армию. Однако в своей практической

деятельности офицерам приходилось также заниматься тем, в чем они были недостаточно компетентными: оценкой с общеполитической точки зрения материалов, которые направлялись непосредственно с линии фронта для последующего опубликования в периодической печати. С формальной точки зрения их деятельность регламентировалась «Перечнем сведений по военной и военно-морской частям, оглашение коих в печати воспрещается». Первоначально он был сформирован в довоенном 1912 г. с целью предотвращения оглашения сведений, подрывавших обороноспособность страны. Документ насчитывал всего 8 пунктов. В январе 1914 г, а затем и в июле были опубликованы новые перечни, причем последний был расширенный и состоял из 18 статей.

Начавшаяся война заставила внести коррективы и в эти документы: уже 26 июля 1914 г. вслед за «Временным положением о военной цензуре» появился новый «Перечень сведений, касающихся внешней безопасности России или вооруженных ее сил или сооружений, предназначенных для военной обороны страны, сообщение коих в речах или докладах, произносимых в публичных собраниях, воспрещается»⁸, который состоял из 25-ти пунктов⁹.

В инструкциях цензорам подчеркивалось, что именно этот документ должен служить основанием для разрешения или запрещения к напечатанию в периодических изданиях статей или заметок¹⁰.

Действие ограничительного списка было рассчитано примерно на год, но так как война к тому моменту не завершилась, 31 июля 1915 г. был принят следующий «Перечень», состоявший уже из 30-ти пунктов¹¹. Этот документ в полном объеме сохранял свое действие вплоть до марта 1917 г. При Временном правительстве особым распоряжением из него были удалены статьи 18-я и 30-я, а статья 27 – сокращена¹².

Однако в действительности для практической деятельности военных цензоров не хватало ни 8-ми, ни 25-ти, ни 30-ти пунктов руководящего документа, и им зачастую по собственному усмотрению приходилось создавать многочисленные препятствия и барьеры, которые необходимо было преодолеть авторам любых известий с фронта. Дополнительную гарантию сохранения секретности в подобных случаях должна была обеспечивать статья 31-я «Временного положения о военной цензуре»: в условиях многообразия возникавших ситуаций фактически предусматривала использование «личного усмотрения» цензора. Она гласила: «Военным цензорам вменяется в обязанность не допускать к опубликованию путем печати всякого рода сведений, хотя бы и не предусмотренных

правилами, издаваемыми на основании ст. 11 сего положения, но которые могут, по мнению цензора, оказаться вредными для военных интересов государства»¹³.

Именно на эту статью опирались и начальники цензурных учреждений разных уровней, щедро раздавая инструкции о необходимости исключения различных вопросов из обсуждения печати.

Впрочем, на практике между официально принятыми ограничениями на распространение сведений и усмотрением бдительного цензора существовала еще одна неофициальная форма контроля, обозначенная в инструкции, утвержденной в марте 1916 г. председателем Петроградской военно-цензурной комиссии. В разделе об обязанностях военного цензора подчеркивалось: «Основанием для разрешения, оцензирования или запрещения к напечатанию данной статьи или заметки – служит “Перечень” и данные *Председателем Петроградской военно-цензурной комиссии руководящие указания* [Курсив наш. – И.А., В.Б.]. При рассмотрении статей, не подходящих под “Перечень” и данные руководящие указания, цензор руководствуется ст. 31 Вр. Положения о Военной Цензуре»¹⁴. Таким образом, только при условии отсутствия пригодных к конкретной ситуации указаний, полученных от председателя Военно-цензурной комиссии, вступало в силу личное усмотрение цензора. Последующая практика продемонстрировала как обилие руководящих распоряжений, так и многочисленность случаев цензурных ограничений на основании собственного мнения лиц, от которых эти ограничения исходили.

Что касается цензуры новостей, относящихся к военным операциям, невольному разглашению военной тайны, то не только для цензоров, но и для редакций газет и журналов было очевидно, что нельзя сообщать о дислокации войск, о переброске воинских частей, о готовившихся военных операциях или о новых видах вооружения и так далее. Тем не менее, вполне обоснованно считалось, что, помимо воли издателей, в газеты и журналы все же могут просочиться сведения, полезные для противника.

Достаточно привести два характерных примера.

В газете «Новое время» в мае 1916 г. была размещена, казалось бы, вполне невинная заметка, вызвавшая, однако, серьезные нарекания со стороны цензуры. Вот текст публикации: «Подарки в армию. Минск. Приношу сердечную благодарность за присланные редакцией для нижних чинов вверенного мне полка подарки. Командир Лебединского полка полковник Треер»¹⁵. То есть всего в нескольких газетных строчках содержались сведения о месте дислокации конкретной воинской части и о ее командире¹⁶.

Второй пример непосредственно связан с основной проблемой нашего исследования. На заседании военных цензоров при Петроградском комитете по делам печати в феврале 1915 г. был озвучен вопрос о том, что «в публикуемых Высочайших приказах о наградах указываются не только первоочередные полки, но и второочередные, что благодаря этому неприятелю дается возможность составить на основании официальных бесспорных данных точный список находящихся на театре военных действий воинских частей и что в виду таких обстоятельств представляется необходимым возбудить соответствующее ходатайство о прекращении печатания во всеобщее сведение Высочайших приказов о наградах»¹⁷. В результате обсуждения по этому вопросу была составлена докладная записка и принято решение не пропускать подобных сведений в печать.

Жесткая соподчиненность ответственных за пропуск цензурой печатных материалов, персональное ручательство цензоров за действия по предотвращению появления запрещенных вопросов в печати, таким образом, выступали определенной гарантией проникновения нежелательных публикаций по военной тематике.

Деятельность же военной цензуры, направленная на ограничение различных предметов обсуждения из невоенной сферы, постоянно наталкивалась на активное и пассивное сопротивление со стороны средств печати, которые с момента завершения периода «бодрого патриотического настроения» в своих ежедневных оценках происходившего на войне или около нее постоянно находились на грани цензурных запретов.

Доказательством тому служат многочисленные «белые пятна» на страницах тогдашних газет, а причины противостояния цензуры и прессы кроются в главном предназначении периодической печати, которая не только выступала в качестве основного средства информирования населения, но и отражала и формировала общественное мнение, наряду с Государственной думой выступала с критикой правительства, ответственного за успешное ведение войны. От качественного выполнения этих обязанностей во многом зависела тиражность и авторитет изданий среди читателей.

Почему «во многом», а не целиком?

Потому что на этот момент газеты и журналы уже активно использовали и другие средства привлечения потенциальных потребителей их продукции: печатали материалы, поступившие от собственных корреспондентов с фронта, хотя таковых не было и не могло быть из-за запретов командования, размещали фотографии, снятые якобы на передовых позициях, а на самом деле – в специально оборудованной студии и т.д.

Спецификой же военных условий для средств печати выступала их особая роль в мобилизации тыла и превращение в интересах государства в главное средство пропаганды, призванной формировать нужные общественные настроения. Именно на этой грани оказалась проблема, обозначенная в качестве главной для данной статьи.

Начавшаяся война очень скоро показала необходимость выдвижения собственных героев, порожденных новой ситуацией, в которой оказалась страна. Однако сложность решения этой задачи заключалась в том, что это должны были быть не просто действующие лица, связанные с войной и способные стать объектом общего поклонения. Герои разворачивавшихся военных событий, в которых принимала участие Россия, были обязаны олицетворять общую идею, стать объединителями нации, защитниками моральных ценностей, ради которых страна решилась на участие в этой войне. Вероятно, именно это имел в виду Гурко, когда записал в ходе своих рассуждений фразу о том, что «война не создала ни одного народного героя»¹⁸.

Между тем потребность в создании собственных национальных героев была осознана уже в первые месяцы войны.

Так, 22 августа 1914 г. генерал-квартирмейстер штаба верховного главнокомандующего генерал-лейтенант Ю.Н. Данилов (по утверждению генерала М.А. Свечина, он «ведал всеми оперативными вопросами, являлся ближайшим помощником начальника штаба верховного главнокомандующего Янушкевича»¹⁹) сообщал в штаб Юго-Западного фронта о приказании начальника штаба верховного главнокомандующего размещать «вследствие выяснившейся острой необходимости в сообщениях печати не только сухих отчетов о передвижениях наших войск и взятых трофеях, но и описаний подвигов наших частей и отдельных лиц и других материалов, дающих картинные представления о деятельности войск»²⁰. С целью координации действий в этом направлении предлагалось направлять материалы в штаб верховного главнокомандующего непосредственно офицеру для поручений при начальнике штаба полковнику А.А. Свечину «для неофициального и официального помещения этих данных в печати»²¹.

В ответном сообщении из штаба армий Юго-Западного фронта утверждалось, что такое требование «собирать для опубликования материалы по описанию подвигов наших частей и отдельных лиц» уже поставлено военно-цензурным отделением штабов армий²². Специально назначенные офицеры с этой целью направлялись в расположение армий, принимавших участие в военных действиях.

Заседание военных цензоров и членов Петроградского комитета по делам печати 26 августа 1914 г. сочло возможным выдать разрешение на публикацию в газетах и журналах портретов (снимков) раненых и убитых на поле боя воинов. При этом была установлена недельная давность для описания минувших сражений, после чего допускались названия местностей, но по-прежнему запрещались какие-либо военно-технические характеристики²³.

Однако уже 2 сентября 1914 г. генералу Данилову пришлось повторять свою просьбу «о доставлении данных о более мелких проявлениях доблести наших войсковых начальников войсковых частей и отдельных чинов», поскольку «именно теперь вслед за доблестной работой наших войск надо дать обществу соответствующие материалы для укрепления и дальнейшего развития народного подъема и веры в нашу Армию»²⁴. «Сведения эти, – подчеркивал Данилов, – необходимы <...> и как противовес затруднительному положению на северо-западе, раздуваемому нашими противниками...»²⁵

В процессе сбора необходимых сведений в штаб верховного главнокомандующего стали регулярно поступать сообщения о героизме русских солдат и офицеров на фронте. Так, было сообщено о подвиге летчика П.Н. Нестерова, погибшего 26 августа 1914 г. в воздушном бою, после чего сведения об этом были направлены в редакции периодических изданий, откликнувшихся в своих публикациях на это событие в конце августа – начале сентября 1914 г.²⁶

С некоторыми расхождениями в изложении происходившего российские газеты и журналы поспешили сообщить о подвиге «первого георгиевского кавалера в нынешнюю войну» донского казака Козьмы (Кузьмы) Крючкова. В стране была развернута широкая пропагандистская кампания, основанная на этом событии. Были выпущены специальные плакаты, портрет Крючкова тиражировался на открытках, пачках папирос, на обертке конфет «Геройские». Однако при всех успехах предпринятых действий главного достичь так и не удалось.

В зарубежной печати русская армия на начальном этапе войны действительно изображалась в виде бородачей-казаков, но сам подвиг Крючкова имел специфические черты, которые невозможно было экстраполировать на всю действующую армию. Казачьи войска являлись иррегулярными, а связанные с подвигом события произошли еще до начала масштабных военных действий. Казачий разезд, совершавший разведку, перейдя границу входившего в состав России Царства Польского и Восточной Пруссии, столкнулся с немецкими драгунами-разведчиками. Произошла стычка,

в результате которой Крючков лично убил 11 неприятелей. Из рассказа самого героя, помещенного в газете «Биржевые ведомости», следовало, что четверо казаков «двенадцать верст гнались за 27-ю немцами, пока не пригнали их в болото, возле которого и началась схватка»²⁷.

Таким образом, средствами печати с подачи штаба верховного главнокомандующего был найден персонаж, связанный с войной и сделанный предметом пусть и не всеобщего, но почитания, хотя в решении более глобальной задачи объединения нации для ведения войны, отражения в конкретном образе этого героя ключевых ценностных ориентиров подвиг казака Крючкова выглядел стечением неких обстоятельств, а не олицетворением объективной военной реальности. К тому же в самой России казачьи войска слишком часто использовались для подавления различных крестьянских волнений и рабочих забастовок, что сильно снижало их популярность в народной среде.

Наконец, открытки с изображением храброго казака Кузьмы Крючкова стали выглядеть неуместными в 1915 г., когда русская армия вынуждена была отступать, или в период окопной войны 1916–1917 гг. В это время такие картинки очень часто оказывали на солдат, вынужденных находиться в окопах, совершенно обратное действие – раздражающее.

Между тем набравшая силу война очень скоро сделала невозможным или ограниченным по своим возможностям описание даже подвига, подобного совершенному Крючковым. Усилиями военной цензуры с октября 1914 г. в сообщениях с фронта полностью исчезли географические наименования. Причем это правило касалось и успешных для русских армий военных операций, нередко сопровождаемых героическими свершениями воинов.

Пресекались попытки поместить в периодических изданиях сведения, которые каким-либо образом могли нарушить военную тайну. Зачастую под действие этого запрета попадали описания событий с участием конкретных персонажей, поступки которых можно было квалифицировать как героические.

Так, председатель Петроградской военно-цензурной комиссии, состоявшей при Главном управлении Генерального штаба, генерал-лейтенант А.И. Звонников указывал на просчеты военных цензоров: «За последнее время в петроградских газетах, несмотря на введение полной военной цензуры, появляются сведения с нарушением военной тайны»²⁸. Как просчеты были отмечены также объявление о смерти прапорщика Лукьянова с указанием номера сформированной в Петрограде дружины, размещенное в 1914 г.

в № 13832 «Новом времени», и опубликованная в газете «Речь» № 247 за 1914 г. корреспонденция «Горные орлята», в которой содержались сведения о кавказских добровольцах, зачисленных в армию охотниками (то есть добровольцами), об их вооружении и действиях на театре войны²⁹.

Многочисленные «корреспонденции с фронта», мелькавшие на страницах периодики от не имевших официального разрешения осведомителей, также, по мнению военной цензуры, представляли определенную опасность и подвергались запрету. Между тем именно в такого рода публикациях содержался материал, отражавший бытовую, повседневную и неформальную сторону войны, связанную в том числе с описанием подвигов на фронте.

Однако 6 сентября 1914 г. генерал Данилов направил начальникам штабов фронтов и военных округов телеграммы, в которых указывал, что «в виду того, что по повелению Верховного гл. корреспонденты в армию не допущены, появление в печати корреспонденции из действующей армии недопустимо»³⁰. Более того, главнокомандующий приказал «подтвердить всем офицерам под строгой ответственностью и угрозой расследования не посылать из армий никаких корреспонденций и писем о военных действиях», также запрещалось размещение в газетах воспоминаний от раненых и больных участников кампании без разрешения от «соответствующих начальствующих лиц»³¹.

По утверждению известного военного историка и публициста А.А. Керсновского, опубликовавшего свой труд в эмиграции в 1939 г., лишь «панический страх по всей стране», вызванный слухами, что «полмиллиона наших погибло в Мазурских озерах»³² (при отходе русских войск из Восточной Пруссии в сентябре 1914 г.), заставил командование изменить отношение к содержанию корреспонденций с фронта.

Под воздействием сложившихся обстоятельств верховный главнокомандующий вел. кн. Николай Николаевич 26 сентября 1914 г. разрешил допустить в армию десять корреспондентов, из которых шесть представляли российские издания³³. Стали приветствоваться публикации, в которых прославлялась «доблесть наших войск», подчеркивалась «ничтожность наших потерь» и «громкие потери» противника.

Однако, как следует из документов штаба верховного главнокомандующего, которому подчинялось ведомство военной цензуры, уже в начале 1915 г. «по военным соображениям» пришлось отказаться от публикации в печати названий войсковых частей и фамилий лиц «с указанием их служебного положения, особенно

отличившихся в текущую войну»³⁴. «Генерал Б.» – так, например, называлась заметка в петроградской газете «Биржевые ведомости», посвященная некоему генералу, который стал героем в первые дни войны на Кавказском фронте³⁵.

В таком же обезличенном варианте рассказы о «героическом» на фронтах переключивались в издававшиеся сборники. Вот небольшой, но характерный отрывок из книги писателя Д.Г. Булгаковского: «25 августа, около 8 часов утра, разъезд в 115 человек Т-скаго полка, под командой штаб-ротмистра П-ва, обнаружили у селения П-во, П-ской губернии, эскадрон прусских кирасир»³⁶.

Помимо воли заинтересованных сторон, подвиги на войне в отображении периодической печати стали в своем большинстве безымянными и по ощущениям читателей – обезличенными. На это указывал в своих воспоминаниях Гурко: «Полный запрет упоминать и в корреспонденциях с театра войны названия участвовавших в том или ином бою частей, равно как фамилий военачальников, привел к тому, что корреспонденции эти утратили всякий интерес и вскоре совсем прекратились. Действительно, какой интерес могло представлять описание военных действий, происшедших неизвестно где и обозначенными X и Y частями и военными начальниками. Запрет этот, по существу, вовсе не оправдывался: немцы, несомненно, всегда знали, какие русские части против них действовали, знали и каких военачальников они имели против себя»³⁷.

Несомненно, что проблема была со временем в полной мере осознана верховным командованием. Например, генерал Данилов 4 марта 1915 г. в депеше к начальнику штаба Северо-Западного фронта генерал А.А. Гулевичу, помеченной «спешно», сетовал: «...Подвиги наших войск получили в глазах общества анонимный характер»³⁸.

В результате в марте 1915 г. штаб верховного главнокомандующего предоставил возможность периодической печати публиковать «точное описание подвигов, совершенных русскими войсками с указанием войсковых частей и фамилий, отличившихся за тот период войны, сохранение событий которого в тайне не представляется более важным в военном отношении»³⁹.

Утратившим значение военной тайны был признан период от начала войны до 1 ноября 1914 г. В апреле 1916 г. был установлен новый временной отрезок – по 1 апреля 1915 г.⁴⁰, а в октябре 1916 г. было «признано возможным допустить помещение в печати с разрешения военной цензуры описаний боевых подвигов частей наших войск за период времени для Северного и Западного фрон-

тов с начала войны до 1 августа 1915 г., а для Юго-Западного и Кавказского с начала войны – до 1 января 1916 г.»⁴¹

Однако и это не означало, что в этих временных рамках печать была свободна в своем желании рассказать в подробностях о происходившем на войне «героическом», пусть даже и с полугодичным опозданием.

С целью организации более тщательного поиска «героического» был установлен по-военному строгий порядок: «В каждой дивизии должно быть составлено описание самых блестящих боевых действий, ограничиваясь всего 2–3 эпизодами на дивизию. Эти описания должны быть засвидетельствованы командирами корпусов и начальниками отдельных дивизий и, по мере изготовления, через штабы соответственных армий и штаб фронта», их следовало пересылать в Ставку верховного главнокомандующего на имя генерал-квартирмейстера генерала Данилова⁴².

Затем эти материалы следовало пересылать через штаб верховного главнокомандующего в газеты и журналы под рубрикой «из официальных донесений». Особым требованием к описаниям подвигов была краткость и популярность изложения «без загромождения излишними деталями и особенно названиями мелких пунктов, т.к. в широких массах населения они будут читаться без карты»⁴³.

Официальное утверждение штабом предназначенных для прессы сведений о подвигах на фронте уже само по себе должно было выступать гарантией правильного освещения этого важного элемента создания и поддержания соответственных общественных настроений. Однако и в этом случае описание подвигов войсковых частей и отдельных лиц не могло быть разрешено без утверждения со стороны военной цензуры, а она на этот счет имела свои соображения, зачастую расходившиеся с мнением верховного командования.

Примечателен эпизод, зафиксированный в журнале заседания общего собрания военных цензоров при Петроградском комитете по делам печати от 23 декабря 1914 г. В докладе члена комиссии генерал-майора Н.Н. Тарасевича было отмечено, что за прошедшую неделю не наблюдалось нарушений в отношении пропуска сведений, «вносящих тревогу в общество», но одновременно с этим была названа помещенная в газете «Новое время» корреспонденция, сообщавшая «о подвиге поручика Зонненштраля, исправившего инжекторы в оставленных австрийцами орудиях, чем неприятель ставился в известность о недостаточной порче им инжекторов, и, кроме того, здесь же имело место точное обозначение фамилии офицера»⁴⁴. Собрание признало необходимым

«подобные корреспонденции не пропускать и фамилии вычеркивать, оставляя только начальные буквы»⁴⁵.

В журнале заседания общего собрания военных цензоров от 3 февраля 1915 г. сохранилась запись о выступлении генерал-майора М.А. Адабаша, председателя Петроградской военно-цензурной комиссии при Комитете по делам печати. Он обвинил «левые» газеты в том, что при публикации сведений о награждении солдат Георгиевскими крестами «перечисляются обладатели еврейских фамилий и замалчиваются герои с русскими фамилиями». Собрание постановило: «Фамилии евреев вычеркивать, оставляя только одни начальные буквы»⁴⁶.

Поскольку военные цензоры обязаны были следить за тем, чтобы «героическое» обязательно присутствовало на страницах печати, заботиться о поддержании соответствующего эмоционального состояния общества, действовать при помощи одних запретов было нельзя. Обычная практика, когда любой материал, вызывавший у перестраховывавшегося цензора хотя бы легкое сомнение, запрещался к изданию, в данном случае применяться не могла, поскольку вопрос находился на контроле военных и гражданских властей. В таких условиях сложно было избежать досадных пропусков «неугодных» сведений в печать.

В Петрограде, на долю которого приходилось наибольшее количество газет и журналов, регулярно проходили совещания военных цензоров при Петроградском комитете по делам печати. Специально назначенный «цензор-докладчик» сообщал о проделанной работе, а в случаях, когда исключенные статьи признавались возможными к восстановлению, предоставлял этот материал на усмотрение председателя Петроградской военно-цензурной комиссии, состоявшей при Главном управлении Генерального штаба⁴⁷.

В свою очередь, председатель этой комиссии генерал-лейтенант Звонников, являясь номинальным главой военной цензуры в столице, время от времени пользовался своим правом окончательно решать, восстанавливать или не восстанавливать исключенные статьи. Приняв решение, он выдавал предписания цензорам Министерства внутренних дел. Вот один из результатов его служебного усердия: «На днях в одной из петроградских газет была помещена заметка “Подпоручик Бессмертный”, в которой от лица раненого офицера говорится, что неприятельский пулемет “скосил” сразу нашу полуроту. Появление в печати подобных сведений, которые хотя и не расходятся с действительностью, не могут угнетающе действовать на читателей. Нежелательно»⁴⁸.

В ноябре 1914 г. от Военно-цензурной комиссии поступило требование «о недопущении в печати рассказов, заметок и сведений о тайном спасении наших знамен»⁴⁹.

Прославляя «богатырей солдат, не знающих усталости», авторы материалов, посвященных «героям», не должны были также, по мнению цензоров, концентрировать внимание на возможных трагических последствиях «геройства»: ранениях, боли, страданиях, смерти. Поэтому, например, в очерке «Родные герои» во «Всеобщей газете» от 9 октября 1914 г., в котором рассказывалось о добровольце, откликнувшемся на призыв офицера совершить вылазку, были удалены следующие строки: «Тот, кто сказал “я”, тот в глазах всех был уже мертв, ибо оттуда, куда нужно было идти, никто не возвращался»⁵⁰.

Одновременно недовольство цензора могли вызвать тексты, в которых подвиг был недостаточно «героическим» и совершался без сверхъестественных усилий.

Показателен в этом смысле не пропущенный цензурой материал в газете «Голос Руси» от 26 сентября 1914 г. В нем речь шла о Георгиевском кавалере, одном из братьев Нанаевых, который вызвался доставить донесение в отрезанный неприятельскими войсками штаб корпуса. Когда у офицера, вернувшегося через сутки, спросили, каким образом он остался цел, он ответил: «Очень просто: я не обращал никакого внимания на встречающихся австрийцев и почти всю дорогу прошел шагом <...> я уверяю всех, что путешествие мое не может быть названо опасным. Это пустяк, о котором говорить смешно...»⁵¹. Этими своими словами истинный герой, сам того не ведая, пресек возможность описания своего подвига в газетах.

Горлицкий прорыв германо-австрийских войск в 1915 г., а затем последующее отступление русской армии, которое сопровождалось огромными потерями, окончательно похоронили надежды на победоносную скоротечную войну. Она превращалась в затяжную и позиционную, а от массового патриотического подъема скоро не осталось и следа. Для продолжения войны требовались не только дополнительные материальные ресурсы, но и более гибкая политика в формировании общественных настроений. Особая мотивация к продолжению войны требовалась и для вновь прибывающего на фронт пополнения.

Редактор газеты «Наш вестник», издававшейся при штабе Западного фронта, подполковник П. фон Ланге в сентябре 1915 г. в одном из своих докладов генерал-квартирмейстеру штаба фронта генерал-майору П.П. Лебедеву обозначил проблему следующим

образом: «Воинское воспитание вновь призванных, не знакомых с военными традициями, лучше всего может базироваться на примерах особой доблести и выдающихся подвигах храбрости и мужества, имевших место за минувшее время нашей боевой страды»⁵².

Подобную же задачу генерал-квартирмейстер штаба Юго-Западного фронта генерал М.К. Дитерихс ставил перед генерал-квартирмейстерами штабов армий: «Желая сделать газету [Речь шла об «Армейском вестнике», издававшемся при штабе Юго-Западного фронта. – *И.А., В.Б.*] наиболее видным отражением событий, происходящих в действующей армии, настроений господствующих в ней, прошу распоряжения Вашего <...> озаботиться сбором соответствующего материала, черпая его в донесениях корпусов, подробные описания боевых действий и подвигов частей войск и отдельных чинов, а также всех ярких случаев боевой жизни войск»⁵³.

Штаб-капитан М.К. Лемке в октябре 1915 г., составляя для исполняющего дела генерал-квартирмейстера штаба верховного главнокомандующего М.С. Пустовойтенко проект доклада императору Николаю II о том, «что надо сделать для печати, чтобы поднять интерес к ней в обществе в области освещения военных событий», полагал необходимым предоставить газетам возможность осуществлять «описание подвигов наших многочисленных героев, которые, будучи известными народу, быстро поднимут его настроение и станут близки его сердцу»⁵⁴.

Однако ни в конце 1915 г., ни на протяжении следующего, 1916 г., решительных шагов в этом направлении сделано не было. Военная цензура продолжала с усердием выполнять свою каждодневную работу, не задаваясь вопросами об общественных запросах в отношении печати.

Так, в сентябре 1916 г. на общем собрании военных цензоров рассматривалось сообщение в газете «Новое время» о панихиде по павшему «геройски в бою с немцами 23 июня под озером Нарочь прапорщику 8-го Сибирского стрелкового полка». В результате газета должна была быть подвергнута наказанию за сообщение о месторасположении этого полка⁵⁵.

Своеобразным образцом цензурной осторожности могут служить регулярно помещавшиеся в иллюстрированных изданиях, прошедших предварительную цензуру, а, значит, «отформатированные» цензорами надписи под фотографиями героев.

Так, под групповым фотопортретом, включавшем девять человек, значилось: «Георгиевские кавалеры артиллерийской бригады»⁵⁶. В другом случае надпись гласила: «Герои Н-ского полка –

георгиевские кавалеры»⁵⁷. Еще одна типичная фотография имела следующий текст: «Малолетний герой-доброволец, отличившийся в нескольких сражениях»⁵⁸.

Изредка печатались и более конкретные варианты: «К.Л. Гильчевский, награжден орденом св. Георгия 4-ой степени»⁵⁹ и «И.А. Яблочков – подполковник»⁶⁰.

Скудость сведений, отсутствие подробных описаний подвигов конкретных военнослужащих, совершенных в конкретной боевой обстановке, исключали оживление посредством печати общественного интереса к происходившим на фронте событиям. Однако цензурное ведомство не видело для себя в этом проблемы. Подтверждением сказанному может служить журнал общего собрания военных цензоров при Петроградском комитете по делам печати от 12 января 1916 г.

В ходе заседания не обсуждалась, а была подвергнута осуждению публикация в газете «Современное слово» от 23 декабря 1915 г. под названием «В штабе армий Западного фронта». Статья представляла собой беседу корреспондента с главнокомандующим армиями Западного фронта генерал-адъютантом Алексеем Ермолаевичем Эвертом. Мнение военачальника о прессе и явилось предметом цензурной критики. «Насколько во время японской войны печати была предоставлена возможность писать о всем, даже о том, что вредило операциям наших армий, – утверждал Эверт, – настолько теперь печать стеснена и лишена возможности говорить о вопросах глубоко интересующих общество, которое ныне является неразрывно связанным с армией»⁶¹.

Вероятно, озвученная газетой позиция главнокомандующего армиями фронта предопределила обращение к нему (и одновременно к председателю Государственного совета и председателям фракций Государственной думы) общественного деятеля и писателя Николая Борисовича Емельянова с проектом реорганизации института военной цензуры. В своей записке от 7 декабря 1916 г. Емельянов отмечал, что «заботы военной цензуры при ее современной организации обращены не столько на охранение военных тайн, сколько на служение своеобразно понимаемым “ведомственным интересам” Министерства внутренних дел»⁶². И далее автор высказался определеннее некуда: «Основная задача настоящего момента – сплочение всех народных сил для борьбы с врагом. Для этого, прежде всего, нужна “мобилизация народного духа”. Но этот подъем народного духа, без которого мы не можем выиграть войну, совершенно невозможен при существовании того колоссального “гасильника народного духа”, каким является,

руководимая Министерством внутренних дел, военная цензура, в ее современной организации»⁶³. Предложения Емельянова сводились к немедленной передаче руководства военной цензурой всецело в руки военного ведомства.

Изменения в цензурной практике произошли в 1917 г. В начале марта Временным правительством была отменена политическая цензура. С этого момента цензоры при возникновении вопроса о том, что должно быть разрешено к допуску в печать, не имели права руководствоваться политическими соображениями. Военная же цензура, с ее задачами не допускать помещения в периодической печати сведений, которые, попав к противнику, могут нанести ущерб армии, сохраняла всю полноту своих полномочий, поскольку война продолжалась.

Еще одним новым явлением стало практическое освобождение печатных материалов от военной цензуры. Редакторы газет ссылались на то, что они теперь сами получают копии цензурных указаний и самостоятельно будут следить за выполнением этих рекомендаций⁶⁴.

Однако изменение цензурной ситуации уже не могло возбудить интерес российского обывателя к событиям на фронтах Первой мировой войны. Новые реалии российской жизни, ломая старые отношения, а заодно и судьбы людей, вовлекли общество в очередной трагический круговорот событий, переключив внимание на происходившие в стране революционные преобразования. Появились новые герои, изменилось отношение и к понятию «героическое».

* * *

Таким образом, военной цензурой на протяжении 1914–1916 гг. негласно определялся набор тем, которые были связаны с описанием «героического» и могли стать предметом всеобщей гласности.

Если первую задачу – представления фигуры героя как такового, с описанием (скудным или довольно подробным) совершенного им подвига, – решить удалось, то задача более важная – создание образа, который стал бы не просто объектом всеобщего восхищения, а олицетворением духовных ценностей России и этого сложного и переменчивого в условиях войны времени, – оказалась неразрешенной.

Более того, в условиях действия российской военной цензуры эта задача и не могла быть выполнена, поскольку ее решение осуществлялось лишь в рамках представлений штабных офицеров и чиновников цензурного ведомства, а не под влиянием общественных настроений.

В результате проделывалась определенная работа по созданию привлекательного образа, терявшего в процессе этих трудов обычные человеческие черты, неповторимую человеческую индивидуальность, обычное для реального человека сочетание достоинств с недостатками и даже имя и фамилию, замененные начальными буквами.

Главное же заключалось в том, что при создании этого образа чаще всего даже не подразумевалось проявление к нему общественного интереса и тем более – его обязательное общественное признание героем и образцом для подражания.

Примечания (Endnotes)

- ¹ *Гурко В.И.* Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2010. С. 1055, 1056.
- ² Там же.
- ³ *Сенявская Е.С.* Психология войны в XX веке: Исторический опыт России. М., 1999; *Сенявская Е.С.* Противники России в войнах XX века: Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М., 2006.
- ⁴ *Асташов А.Б.* Пропаганда на Русском фронте в годы Первой мировой войны. М., 2012; *Асташов А.Б.* Русский фронт в 1914 – начале 1917 года: Военный опыт и современность. М., 2014.
- ⁵ *Пахалюк К.А.* Отражение героизма русских солдат и офицеров Первой мировой войны в мемуарной литературе советского периода // Великая война: Сто лет. СПб., 2014. С. 206–236; *Пахалюк К.А.* Структура образа героев в российском общественном дискурсе в годы Первой мировой войны // Первая мировая война в истории и культуре России и Европы. Калининград, 2013. С. 305–314.
- ⁶ *Алферова И.В.* Женщины-героини в социально-политическом контексте Первой мировой войны (на страницах печати) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение: Вопросы теории и практики. 2016. № 1 (63). С. 16–23; *Алферова И.В.* «Армейский вестник» и «героическое» на его страницах в годы Первой мировой войны // Вестник Брянского государственного университета. 2016. № 4 (30). С. 7–12; *Блохин В.Ф.* «Героическое» на страницах иллюстрированного журнала «Лукоморье» 1914 – 1917 гг. // Россия в эпоху политических и культурных трансформаций. Брянск, 2016. Вып. II. С. 37–60.
- ⁷ Временное положение о военной цензуре. [Б. г., б. м.]. С. 2.
- ⁸ Собрание узаконений и распоряжений правительства: Отдел I. Пг., 1914. № 191. Ст. 2056.
- ⁹ Там же. № 203. Ст. 2079.

- ¹⁰ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 778. Оп. 1. Д. 8. Л. 190об.
- ¹¹ Собрание узаконений и распоряжений правительства: Отдел I. Пг., 1915. № 220. Ст. 1710.
- ¹² Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2048. Оп. 1. Д. 899. Л. 197.
- ¹³ Временное положение о военной цензуре. [Б. г., б. м.]. С. 7.
- ¹⁴ РГИА. Ф. 778. Оп. 1. Д. 8. Л. 190об.
- ¹⁵ Новое время (Петроград). 1916. 11 мая.
- ¹⁶ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 907. Ч. 1. Л. 148.
- ¹⁷ РГИА. Ф. 778. Оп. 1. Д. 6. Л. 22об.
- ¹⁸ *Гурко В.И.* Указ. соч. С. 1056.
- ¹⁹ *Свечин М.А.* Записки старого генерала о былом. Ницца, 1964. С. 111.
- ²⁰ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2948. Л. 71.
- ²¹ Там же.
- ²² РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2959. Л. 1.
- ²³ РГИА. Ф. 778. Оп. 1. Д. 6. Л. 3, 3об.
- ²⁴ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2948. Л. 76об.
- ²⁵ Там же. Л. 76, 76об.
- ²⁶ Петроградские ведомости. 1914. 30 авг.; Биржевые ведомости (Петроград). 1914. 28 авг.; Лукоморье (Петроград). 1914. 12 сент. С. 12.
- ²⁷ Биржевые ведомости. 1914. 14 авг.
- ²⁸ РГИА. Ф. 778. Оп. 1. Д. 7. Л. 24.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 896. Л. 29.
- ³¹ Там же. Л. 30.
- ³² *Керсновский А.А.* Философия войны. М., 2010. С. 130, 131.
- ³³ *Лемке М.* 250 дней в царской ставке (25 сент. 1915 – 2 июля 1916). Пг., 1920. С. 135.
- ³⁴ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 896. Л. 16.
- ³⁵ Биржевые ведомости. 1914. 18 нояб.
- ³⁶ *Булгаковский Д.Г.* Лихое дело эскадрона Т-скаго полка // Великая война в 1914, 1915, 1916 годах: Выдающиеся события на пути защиты России в ее целостности, чести и достоинстве. Пг., 1916. С. 38.
- ³⁷ *Гурко В.И.* Указ. соч. С. 1056.
- ³⁸ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 896. Л. 16.
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ РГИА. Ф. 778. Оп. 1. Д. 8. Л. 205.
- ⁴¹ РГИА. Ф. 778. Оп. 1. Д. 713. Л. 13.
- ⁴² РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 896. Л. 16об.
- ⁴³ Там же.
- ⁴⁴ РГИА. Ф. 778. Оп. 1. Д. 6. Л. 22.

- ⁴⁵ Там же.
- ⁴⁶ Там же. Л. 38.
- ⁴⁷ РГИА. Ф. 778. Оп. 1. Д. 8. Л. 191об.
- ⁴⁸ РГИА. Ф. 778. Оп. 1. Д. 7. Л. 15.
- ⁴⁹ Там же. Л. 75.
- ⁵⁰ РГИА. Ф. 778. Оп. 2. Д. 20. Л. 7.
- ⁵¹ РГИА. Ф. 778. Оп. 2. Д. 7. Л. 4.
- ⁵² РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 911. Л. 41.
- ⁵³ Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2951. Л. 24.
- ⁵⁴ *Лемке М.* Указ. соч. С. 184.
- ⁵⁵ РГИА. Ф. 778. Оп. 1. Д. 8. Л. 283, 283об.
- ⁵⁶ Лукоморье. 1915. 21 февр. С. 17.
- ⁵⁷ Лукоморье. 1915. 25 апр. С. 15.
- ⁵⁸ Лукоморье. 1915. 12 дек. С. 16.
- ⁵⁹ Лукоморье. 1916. 17 дек. С. 17.
- ⁶⁰ Там же.
- ⁶¹ РГИА. Ф. 778. Оп. 1. Д. 4. Л. 1.
- ⁶² РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 899. Л. 24.
- ⁶³ Там же. Л. 24об.
- ⁶⁴ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2957. Л. 43.

Авторы, аннотация, ключевые слова

Алфёрова Ирина Викторовна – докт. ист. наук, профессор Брянского государственного университета им. академика И.Г. Петровского. alferovairi@yandex.ru

Блохин Валерий Федорович – докт. ист. наук, профессор Брянского государственного университета им. академика И.Г. Петровского. blohin.val@yandex.ru

Статья посвящена одному из самых важных факторов, определивших специфику формирования «героического» и образов военных героев на страницах российской печати в годы Первой мировой войны. Этот фактор – военная цензура и цензурная политика. На основе ранее неизвестных документов и материалов российской периодической печати в статье раскрывается деятельность бюрократического механизма военной цензуры. Составными элементами этого механизма были органы армейской и прифронтовой цензуры, центральные цензурные учреждения, а также многочисленные военные цензоры, в большинстве своем офицеры. Руководствуясь, с одной стороны, установленными правилами, а с другой – собственными представлениями об охране военных тайн в печати, военные цензоры решали, появятся или нет на страницах газет и журналов те или иные известия с фронта. Именно они на протяжении 1914–1916 гг.

определяли судьбу тем и сюжетов, которые содержали описание «героического» и которые могли стать известными читателям по всей России. В статье показано, что военная цензура стремилась не допустить до обнародования многие конкретные обстоятельства совершения подвигов солдатами и офицерами. Такая цензурная политика закономерно приводила к обезличиванию и формализации «героического» в газетных и журнальных сообщениях о ходе военных действий. Газеты и журналы могли представить читателям фигуру героя и описание его подвига лишь в самом общем виде. Цензурные преграды не позволяли им создать яркие и убедительные образы героев, которые стали бы объектом всеобщего восхищения, олицетворением духовных ценностей страны и примером для подражания. В результате газетные и журнальные описания подвигів фронтовиков не производили на читателей того мотивирующего воздействия, которое было необходимо для поддержания боевого духа и патриотического настроения на фронте и в тылу.

Первая мировая война, русская императорская армия, штаб верховного главнокомандующего, Министерство внутренних дел, периодическая печать, цензура, военная цензура, цензурная политика, цензор, военная тайна, военный герой, пропаганда, антисемитизм, Ю.Н. Данилов.

References

(Articles from Scientific Journals)

1. Alferova I.V. Zhenshchiny-geroini v sotsialno-politicheskom kontekste pervoy mirovoy voyny (na stranitsakh pechati) [Female Heroines in the Social and Political Context of the First World War (in the Pages of the Press)]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kulturologiya i iskusstvovedenie: Voprosy teorii i praktiki*. 2016, no. 1 (63), pp. 16–23. (In Russ.).
2. Alferova I.V. “Armeyskiy vestnik” i “geroicheskoe” na ego stranitsakh v gody Pervoy mirovoy voyny [“The Army Bulletin” and the “Heroic” in its Pages during the First World War.]. *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2016, no. 4 (30), pp. 7–12. (In Russ.).

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

3. Blokhin V.F. “Geroicheskoe” na stranitsakh illyustrirovannogo zhurnala “Lukomore” 1914 – 1917 gg. [The “Heroic” in the Pages of the Illustrated Magazine “Lukomore,” 1914 – 1917.]. *Rossiya v epokhu politicheskikh i kulturnykh transformatsiy* [Russia in the Era of Political and Cultural Transformations.]. Bryansk, 2016, vol. 2, pp. 37–60. (In Russ.).
4. Pakhalyuk K.A. Otrazhenie geroizma russkikh soldat i ofitserov Pervoy mirovoy voyny v memuarnoy literature sovetskogo perioda [The Heroism of Russian Officers and Soldiers of the First World War as Reflected in the Memoirs of the Soviet Period.]. *Velikaya voyna: Sto let* [The Great War: Centenary.]. St. Petersburg, 2014, pp. 206–236. (In Russ.).

5. Pakhalyuk K.A. Struktura obraza geroev v rossiyskom obshchestvennom diskurse v gody Pervoy mirovoy voyny [The Structure of the Image of Heroes in Russian Public Discourse during the Years of the First World War.]. *Pervaya mirovaya voyna v istorii i kul'ture Rossii i Evropy* [The First World War in the History and Culture of Russia and Europe.]. Kaliningrad, 2013, pp. 305–314. (In Russ.).

(Monographs)

6. Astashov A.B. Propaganda na Russkom fronte v gody Pervoy mirovoy voyny [Propaganda on the Russian Front during the First World War.]. Moscow, 2012, 400 p. (In Russ.).
7. Astashov A.B. Russkiy front v 1914 – nachale 1917 goda: Voennyi opyt i sovremennost [The Russian Front in 1914 – early 1917: Military Experience and Modernity.]. Moscow, 2014, 740 p. (In Russ.).
8. Kersnovskiy A.A. Filosofiya voyny [The Philosophy of War.]. Moscow, 2010, pp. 130, 131. (In Russ.).
9. Senyavskaya E.S. Protivniki Rossii v voynakh XX veka: Evolyutsiya “obraza vraga” v soznanii armii i obshchestva [Russia’s Enemies in the Wars of the 20th Century: The Evolution of the “Image of the Enemy” in the Minds of the Army and Society.]. Moscow, 2006, 288 p. (In Russ.).
10. Senyavskaya E.S. Psikhologiya voyny v XX veke: Istoricheskiy opyt Rossii [The Psychology of War in the 20th Century: The Historical Experience of Russia.]. Moscow, 1999, 383 p. (In Russ.).

Authors, Abstract, Key words

Irina V. Alferova – Doctor of History, Professor, Bryansk State University (Bryansk, Russia). alferovairi@yandex.ru

Valeriy F. Blokhin – Doctor of History, Professor, Bryansk State University (Bryansk, Russia). blohin.val@yandex.ru

The article highlights military censorship as one of the most important factors which was responsible for specific images of war heroes and heroism depicted in the Russian press during World War I. Based on previously unknown documents and materials from the periodical press, the article reveals the bureaucratic mechanism of military censorship which involved such components as the army and front-line censorship, central censorship bodies, as well as numerous other censors, mostly officers. Guided by the established rules, on the one hand, and, on the other hand, by what they believed how military classified information needed to be guarded, military censors would decide whether front news was or was not to appear on the pages of the press. From 1914 to 1916 they determined on the destiny of plots and topics featuring “the heroic” that could have reached the reader throughout Russia. The authors show that the military censorship succeeded in concealing numerous circumstances of heroic deeds and actions performed by soldiers and officers.

Such censorship policy resulted in the depersonalization and formalization as the newspapers and magazines reported about “the heroics” displayed in the course of military operations. Hence, due to the censorship, the heroes and their feats were often presented by the press in a far too general form, with their character lacking vividness and credibility. This prevented those heroic images from becoming an object of people’s admiration, the embodiment of the country’s moral values and a model to follow. As a result, the military feats as depicted in the press failed to arouse the motivation among the readers which was strong enough to keep up morale and patriotic sentiment at the front and in the rear.

World War I, Russian Imperial army, Supreme headquarters, Ministry of Internal Affairs, periodicals, censorship, military censorship, censorship policy, censor, military secret, military hero, propaganda, anti-Semitism, Yuriy N. Danilov.

И.В. Лиджиева

КАЛМЫЦКОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ КУМЫСОЛЕЧЕНИЯ В КАЛМЫКИИ ВО ВРЕМЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

I. Lidzhieva

Kalmyk Self-Government and the Development of the Koumiss Treatment in Kalmykia during the First World War

Первая мировая война потребовала от Российской империи и населявших ее народов очень больших жертв. Впервые тыл фактически воевал вместе с действующей армией, жил одной жизнью с фронтом. Жертвы войне приносились не только на фронте, но и в тылу. Все народы Российской империи принесли большие жертвы войне и людскими жизнями, и участием в общественных тыловых работах, и материальными ресурсами.

Кочевые народы Степного Предкавказья внесли свой вклад в вооруженную борьбу с противниками Российской империи и в оказание помощи действующей армии. Одной из форм такой помощи стало кумысолечение раненых и больных военнослужащих русской императорской армии.

На территориях проживания калмыцкого народа самоотверженную работу по кумысолечению раненых и больных, а также по оказанию им разносторонней помощи вели органы местного самоуправления и общественность.

Цель данной статьи – реконструкция на основе архивных документов, хранящихся в фондах Национального архива Республики Калмыкия, одного из направлений совместной деятельности органов калмыцкого местного самоуправления и Елизаветинского благотворительного общества. А именно – открытия и работы кумысолечебницы в улусной ставке Башанта Большедербетовского улуса Ставропольской губернии.

Участие калмыков в Первой мировой войне, как в боевых действиях, так и мобилизациях на тыловые работы, а также сбор пожертвований на нужды войны не раз рассматривались советскими и современными российскими историками. В работах современных исследователей основное внимание уделяется переходу калмыков в казачье сословие, а также экономическому положению Калмыцкой степи¹. По нашему мнению, настало время

специального исследования благотворительной деятельности по оказанию калмыцким населением помощи раненым и больным военнотружущим русской армии, а особенно применения кумысолечения как метода народной медицины. Многие сюжеты этой темы могут показаться слишком узкими и сугубо местными, однако в них ярко отражаются крайне сложные социально-экономические условия жизни населения Калмыцкой степи, вызванные участием страны в мировой войне, повседневная жизнь населения Калмыцкой степи, ментальность и традиции калмыцкого народа, а также деятельность калмыцких органов самоуправления и калмыцкой общественности.

«В эту минуту в нас проснулись чувства глубокого сожаления по поводу того, что мы, не отбывая воинской повинности, лишены возможности сражаться за честь и славу России в рядах победоносной Русской армии, как беззаветно сражались наши предки под знаменами Императора Петра Великого. Глубина наших чувств, весь наш патриотический подъем духа волнует нас, и мы не можем оставаться пассивными зрителями тех огромных бедствий, какие родит война», – так было сказано в приговоре схода калмыков Большедербетовского улуса². Сход состоялся 10 октября 1914 г., в нем приняли участие 180 человек, включая родовых старшин, хотонных старост и различных выборных лиц.

Обращение участников схода к историческому прошлому, к исторической памяти народа – весьма красноречиво и многозначительно. Ведь калмыки до завершения войны с наполеоновской Францией принимали активное участие в военных кампаниях России, однако со второй четверти XIX в., как и многие инородцы, они перестали призываться на военную службу.

4 декабря 1914 г. Николай II, будучи на железнодорожной станции Минеральные Воды, принял представителей Большедербетовского улуса. От имени всего калмыцкого народа делегация вручила ему прошение, названное «Желательные мероприятия». Один из его пунктов предлагал такое «желательное мероприятие»: «Распространение на калмыков закона о привлечении к всеобщей натуральной воинской повинности»³.

Согласно общественному приговору, в котором представители населения улуса конкретизировали результаты работы улусного схода, было принято несколько решений. Первое: выразить через поверенного чувства глубокой благодарности императору Николаю II «за оказанную нам высокую царскую милость наименованию нашего малого хурула I Багатуктунова рода в память 300-летия царствования Дома Романовых» и пожалованием портрета

наследника великого князя Алексея Николаевича. Второе: передать для действующей армии 27 лошадей, одна из которых с полным снаряжением по калмыцкому образцу предназначалась лично для верховного главнокомандующего вел. кн. Николая Николаевича. Третье: предоставить для лечения раненых и больных военнотружущих Большедербетовскую улусную больницу, рассчитанную на 80 человек, а, кроме того, в случае необходимости передать помещение пансиона Ики-Чоносковского двухклассного училища, где также можно разместить 50 человек. Четвертое: ассигновать из родовых капиталов средства, необходимые для содержания раненых и больных военнотружущих. Пятое: просить Ставропольского губернатора Б.М. Янушевича, если он признает возможным, общий надзор над всей организацией по содержанию раненых возложить на местную комиссию вел. кн. Елизаветы Федоровны⁴.

Эти комиссии являлись местными органами Елизаветинского благотворительного общества. Созданное в 1892 г. в Москве для призрения детей-сирот и патронируемое вел. кн. Елизаветы Федоровны, в условиях Первой мировой войны оно значительно расширило свою деятельность. Важнейшей его задачей стало оказание на местах благотворительной помощи тем бывшим военнотружущим русской армии, кто «утратил трудоспособность вследствие ран, увечий или болезней, вызванных условиями военного времени», а также их семьям⁵.

С решениями Большедербетовского улусного схода, отраженного в общественном приговоре, были ознакомлены участники совещания, состоявшегося 15 апреля 1915 г. В совещании приняли участие попечитель Большедербетовского улуса Е.Ф. Майгуров, помощник попечителя Ситковский, чиновник Министерства внутренних дел Е. Чонов, заведующий Башантинским двухклассным училищем Бондаренко, заведующая улусной больницей Гунева и родовые старшины. Посвящено оно было вопросу об открытии кумысолечебницы на Башанте для военнотружущих, «нуждающихся в лечении и поправлении здоровья». Лечение различных болезней кумысом было давней традицией калмыцкого народа, и, естественно, свой уникальный опыт кумысолечения калмыки стремились использовать для лечения раненых и больных военнотружущих. В ходе детального обсуждения вопроса, участники совещания пришли к заключению, что в первую очередь необходимо провести ремонт в здании училища, предназначенного под кумысолечебницу⁶.

28 апреля 1915 г. Е. Чонов, как член Башантинской комиссии Елизаветинского благотворительного общества, был принят

министром внутренних дел Николаем Алексеевичем Маклаковым и его супругой Марией Леонидовной. Он поделился с ними планами по организации кумысолечебницы, предоставив альбом с фотографиями Башанты и всего Большедербетовского улуса. Супружеская чета проявила большой интерес к представленному проекту, и заверила в своей поддержке столь благородного дела, сообщив, что переговоры об обеспечении квалифицированным медицинским персоналом уже идут.

4 мая императрица Александра Федоровна приняла Е. Чонова в Царском Селе. Во время получасовой аудиенции он рассказал ей о деятельности Елизаветинских комиссий в степных районах. Кроме того, он сообщил ей сведения о возможностях кумысолечебных пунктов по приему и лечению раненых и больных военнослужащих. Так, в Башанте условия были созданы для принятия 60-ти человек, в Летней Ставке – 40-ка, в Ачикулаке – 20-ти, то есть всего 120-ти солдат и офицеров⁷.

При завершении аудиенции императрица просила передать слова благодарности Ставропольскому губернатору Б.М. Янушевичу, а также калмыкам, ногайцам и туркменам «за их преданную готовность принести посильную пользу в святом деле оказания помощи и облегчения участи раненых и больных защитников Родины»⁸.

О быстрой и слаженной организации Башантинского кумысолечебного пункта (фактически – кумысолечебницы) говорит тот факт, что приезжающих раненых и больных военнослужащих встречали в качестве санитаров и проводников молодые образованные люди из числа калмыков и туркмен, владевших русским языком, и доставляли к месту лечения на автомобиле улусного управления или на почтовых лошадях. Родовым старшинам было поручено подыскать во вверенных им родах по одной молочной кобылице, аренда которых оплачивалась из родовых сумм ежемесячно по 25 руб. за каждую. Для выпаса кобылиц был взят в аренду пастбищный участок, а в связи с нехваткой кормов в летний период были предусмотрены средства для закупки сена. Для устройства кумысолечебного пункта в распоряжение Башантинской Елизаветинской комиссии (Башантинской комиссии Елизаветинского благотворительного общества), согласно приговору, из средств всех 12-ти родов калмыков Большедербетовского улуса деньги предоставлялись авансом. Постановлением Башантинской Елизаветинской комиссии от 19 июля 1915 г. при лазаретах были установлены ежедневные дежурства членов комиссии, в обязанности которых входил контроль за «доброкачеством продуктов, питанием больных и их поведением»⁹.

Первые 60 человек отдыхающих прибыли из Петрограда 20 мая 1915 г., о чем свидетельствует подписанное Ставропольским губернатором Б.М. Янушевичем и Главным приставом Кочующих народов Мишиным распоряжение Медвежинской земской управе № 3769 от 14 мая 1915 г. о предоставлении, в случае необходимости, почтовых лошадей для перевозки раненых со станции Торговая в Башанту¹⁰.

Не осталось в стороне и буддийское духовенство. Так, багша 3-го Малого хурула I Багатуктунова рода Шарап Бадминов обратился в Башантинскую Елизаветинскую комиссию с просьбой оказать ему содействие в деле организации кумысолечебного пункта для раненых военнослужащих при хуруле на 20 человек. Комиссия на это ответила, что «при ее участии и посильной помощи дело организации багшей Бадминовым кумысолечебного пункта для русских воинов будем вполне соответствовать своему назначению, и должны будут окружены всеми удобствами, каковые необходимы для больного воина»¹¹.

Начальник Царкосельского Особого эвакуационного пункта в письме от 9 июля 1915 г. уведомил Медвежинского уездного начальника о том, что военнослужащие, находящиеся на лечении в кумысолечебницах на ставке Башанта и урочище Оргакин при Романовском хуруле, должны пройти врачебную комиссию. По завершению лечебного курса и улучшения состояния здоровья раненым и больным военнослужащим необходимо было пройти медицинское освидетельствование, по результатам которого составлялся акт освидетельствования.

Так, 12 сентября 1915 г. фельдшером Ю. Крамером было проведено медицинское обследование рядового 79-го пехотного Куринского полка Александра Евстафьева. В заключение сказано: «Состояние здоровья вполне удовлетворительное и отклонение от нормы в легких не наблюдается, а потому в дальнейшем пребывание на ставке Башанта не нуждается»¹². Те военнослужащие, которых по своему состоянию здоровья больше не нуждались в лечении, направлялись в Царкосельский Особый эвакуационный пункт для окончательного освидетельствования¹³.

В 1915 г. прием и лечение раненых и больных военнослужащих в осуществлялся за счет средств калмыцкого общественного капитала. Расходы на содержание в Башантинского кумысолечебного пункта (кумысолечебницы) с 20 мая по 1 сентября одного офицера составили 64 руб. 50 коп., а солдата – 5 руб. 50 коп.

Попечитель Большедербетовского улуса Е.Ф. Майгуров, выражая беспокойство материальным положением калмыков, находив-

шихся под его попечением, направил рапорт Главному приставу Кочующих народов Ставропольской губернии Мишину о том, что «аймачные общества уже понесли крупные расходы на нужды войны и связанные с нею потребности, почему привлечение их в дальнейшем ассигнованиям представляется затруднительным». И далее он предложил относить расходы по организации на Башанте кумысолечения «на счет калмыцкого общественного капитала»¹⁴.

В ответ на запрос министра внутренних дел от 15 марта 1916 г. за № 1477 новый Ставропольский губернатор С.Д. Оболенский доложил, что «пожертвования, служившие в прошлом году источником для расходов, связанных с кумысолечением, ныне истощились и вновь привлекать калмыков к дальнейшим жертвованиям по состоянию их капиталом невозможно»¹⁵.

В этих условиях еще двумя месяцами ранее, в январе, он обратился к главному уполномоченному Российского общества Красного Креста, председателю Царскосельского эвакуационного комитета полковнику С.Н. Вильчковскому с просьбой рассмотреть возможность финансирования этим эвакуационным комитетом работы калмыцких кумысолечебниц. Письмо сопровождалось сведениями о местности Башанта, составленными согласно циркулярному распоряжению Министерства внутренних дел от 15 сентября 1915 г. за № 971 «о наилучшем использовании отечественных лечебных местностей»¹⁶.

1 апреля 1916 г. полковник С.Н. Вильчковский телеграфно сообщил о невозможности финансирования деятельности кумысолечебниц из средств Российского общества Красного Креста, но при этом уведомил Ставропольского губернатора С.Д. Оболенского о том, что вопрос об открытии на Башанте отдела Всероссийского общества здравниц находится на рассмотрении министра внутренних дел¹⁷.

Положительное решение этого вопроса министром внутренних дел создало бы условия для дальнейшего развития сети кумысолечебниц. Согласно уставу Всероссийского общества здравниц «в память войны 1914–1915 гг.», состоящего под покровительством императрицы Александры Федоровны, его целью являлось «содействие возможно полному восстановлению здоровья страждущих в Российской Империи и, прежде всего, участников войны 1914–1915 гг. и пострадавших от нее, а также членов семей тех и других, путем пользования их в здравницах». Общество на собственные средства, формируемые из пожертвований, ассигнований из средств казны, единовременных и ежегодных членских взносов

должно было учреждать «клинические санатории» и оказывать им материальную помощь¹⁸.

Вопрос о деятельности Башантинского кумысолечебного пункта (кумысолечебницы) в 1916 г. был решен положительно. Сообщая об этом Ставропольскому губернатору С.Д. Оболенскому 26 мая 1916 г., Земский отдел Министерства внутренних дел особо отметил мотивы положительного решения: «Благотворные результаты кумысного лечения побудили министерство продолжить деятельность названного пункта в текущем году, расширив его до 50 кроватей». Источником финансирования по повелению императора Николая II стали средства калмыцкого общественного капитала в размере 10 000 руб., предназначенные «на расширение и содержание Большедербетовского кумысолечебного пункта»¹⁹.

И уже 29 мая состоялось заседание Башантинской Елизаветинской комиссии, на котором был рассмотрен вопрос «о содержании воинских чинов, имеющих быть присланными на Башанту для лечения»²⁰. В ходе обсуждения был утвержден порядок содержания раненых и больных военнослужащих, включая рацион питания, порядок составления каждодневного меню и режим приема пищи больными. Для офицеров меню было таким: в 8 часов утра – чай, молоко, масло сливочное, булочки; в 11 часов – завтрак из одного блюда; в 3 часа пополудни – обед из трех блюд; в 7 часов вечера – чай с молоком, хлеб; в 9 часов вечера – жаркое, хлеб, молоко. Для нижних чинов – попроще, но не менее сытное: в 8 часов утра – чай с молоком и пшеничным хлебом; в полдень – борщ или суп с мясом, жаркое из мяса, стакан молока; в 4 часа пополудни – чай с хлебом; в 8 часов вечера – суп или жаркое, стакан молока. К чаю – как утром, так и вечером – решено было выдавать по два куса сахара каждому²¹.

18 июля Е.Ф. Майгуров сообщил для сведения Главному приставу Кочующих народов Ставропольской губернии Мишину о предстоящем приезде по направлению Российского общества Красного Креста пяти офицеров на лечение – подпоручиков Останкевича и Казакова, прапорщиков Чинарева, Абрамова и Самохина²².

Лечебная комиссия при Главном управлении Российского общества Красного креста, направляя военнослужащих на кумысолечение, выдавала каждому удостоверение о том, что «согласно постановлению» Лечебной комиссии ему «предоставляется право воспользоваться лечением, помещением и содержанием в кумысолечебнице “Башанта” колонии Красного Креста за счет Лечебной комиссии»²³ с указанием периода времени и за подписью председателя Лечебной комиссии. В случае невозможности по какой-либо

причине отправиться к месту лечения, раненый или больной обязан был немедленно возвратить Лечебной комиссии полученные им документы на лечение, в противном случае он лишался права на дальнейшее покровительство Российского общества Красного Креста²⁴.

Помимо содействию организации кумысолечения для присылаемых военнослужащих, Елизаветинская комиссия в Большедербетовском улусе находила возможность и оказывать помощь семьям военнослужащих, сражавшихся на фронте. Так, согласно закону «О призрении нижних воинских чинов и их семейств» и на основании прошения Ф.А. Калиниченко, 70-ти лет, проживавшего в поселке Князе-Михайловском, сын которого в июне 1915 г. был мобилизован в армию, ему было выдано единовременное пособие в размере 25 руб.²⁵

Таким образом, на исходе первого года мировой войны, когда стали очевидными невиданные ранее масштабы людских безвозвратных и возвратных потерь, калмыцкая общественность и органы самоуправления калмыцкого народа выступили с инициативой по организации системы кумысолечения раненых и больных военнослужащих.

Исходя из комплекса местных природных условий (географическое положение, природа, климат) и этнических особенностей (культура питания и народная медицина), было принято решение об открытии первой кумысолечебницы в улусной ставке Башанта Большедербетовского улуса Ставропольской губернии. Содержалась она за счет средств калмыцкого общественного капитала, а также добровольных пожертвований местного населения.

Вслед за первым пунктом кумысолечебным пунктом началось создание других.

Совместные усилия Елизаветинского благотворительного общества и аймачных сходов Большедербетовского улуса, а также самоотверженный труд медицинского и обслуживающего персонала первой кумысолечебницы в улусной ставке Башанта Большедербетовского улуса обеспечили успешное лечение раненых и больных офицеров и солдат русской армии.

Примечания (Endnotes)

- ¹ Максимов К.Н. Калмыкия в годы Первой мировой войны // Вопросы истории. 2014. № 12. С. 69–83; Максимов К.Н. Калмыки на защите Отечества // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2015. № 2. С. 64–70; Лиджиева И.В., Батыров В.В., Оконова Л.В. Калмыцкая степь в годы Первой мировой войны: К вопросу о переходе в казачье сословие // Былые годы: Российский исторический журнал. 2015. № 35 (1). С. 137–144; Надбитов Р.К. Экономическое положение Калмыкии в годы Первой мировой войны // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2012. № 4. С. 13–18.
- ² Национальный архив Республики Калмыкия (НА РК). Ф. И-21. Оп. 1. Д. 316. Л. 7.
- ³ Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). Ф. 249. Оп. 2. Д. 2360. Л. 24.
- ⁴ НА РК. Ф. И-21. Оп. 1. Д. 316. Л. 7об.
- ⁵ Военное законодательство Российской империи: Кодекс русского военного права. М., 1996. С. 235–237.
- ⁶ НА РК. Ф. И-21. Оп. 1. Д. 316. Л. 5.
- ⁷ Там же. Л. 39.
- ⁸ Там же. Л. 38об.
- ⁹ Там же. Л. 98.
- ¹⁰ Там же. Л. 45.
- ¹¹ Там же. Л. 31.
- ¹² Там же. Л. 44.
- ¹³ Там же. Л. 89.
- ¹⁴ НА РК. Ф. И-21. Оп. 1. Д. 317. Л. 10.
- ¹⁵ Там же. Л. 11.
- ¹⁶ НА РК. Ф. И-21. Оп. 1. Д. 316. Л. 12.
- ¹⁷ НА РК. Ф. И-21. Оп. 1. Д. 317. Л. 11.
- ¹⁸ Военное законодательство Российской империи: Кодекс русского военного права). М., 1996. С. 227–246.
- ¹⁹ НА РК. Ф. И-21. Оп. 1. Д. 317. Л. 24.
- ²⁰ Там же. Л. 29.
- ²¹ Там же. Л. 29об.
- ²² Там же. Л. 39.
- ²³ НА РК. Ф. И-21. Оп. 1. Д. 316. Л. 17.
- ²⁴ Там же. Л. 89.
- ²⁵ Там же. Л. 96, 98.

Автор, аннотация, ключевые слова

Лиджиева Ирина Владимировна – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Калмыцкого научного центра Российской академии наук (Элиста). irina-ig@yandex.ru

Во время Первой мировой войны калмыцкий народ оказал посильную помощь русской императорской армии. Одной из форм такой помощи стало кумысолечение раненых и больных военнослужащих, которых присылали на территорию проживания калмыков в Ставропольской губернии. В статье впервые в отечественной историографии рассказывается об успешном опыте первой кумысолечебницы, созданной в 1915 г. История создания и деятельности этой кумысолечебницы реконструирована на основе ранее неизвестных документов Национального архива Республики Калмыкия. Основное внимание в статье уделено совместной деятельности органов калмыцкого самоуправления и Елизаветинского благотворительного общества, которые открыли кумысолечебницу и обеспечили ее работу. Финансировалась кумысолечебница за счет калмыцкого общественного капитала и добровольных пожертвований местного населения. Центральные и губернские власти оказали поддержку этой общественной благотворительной инициативе. Свою положительную роль сыграл самоотверженный труд медицинского и обслуживающего персонала первой кумысолечебницы. В результате совместные усилия органов калмыцкого самоуправления и Елизаветинского благотворительного общества обеспечили успешное лечение раненых и больных офицеров и солдат русской армии. Местная история создания и деятельности первой кумысолечебницы отражает крайне сложные социально-экономические условия жизни населения Калмыцкой степи, вызванные участием России в мировой войне, повседневную жизнь населения Калмыцкой степи, ментальность и традиции калмыцкого народа, а также благотворительную деятельность калмыцких органов самоуправления и калмыцкой общественности.

Первая мировая война, Ставропольская губерния, Калмыкия, Калмыцкая степь, калмыки, Министерство внутренних дел, местное самоуправление, орган местного самоуправления, Елизаветинское благотворительное общество, Российское общество Красного Креста, благотворительность, народная медицина, кумыс, кумысолечение, кумысолечебница.

References (Articles from Scientific Journals)

1. Lidzhiya I.V., Batyrov V.V., Okonova L.V. Kalmytskaya step v gody Pervoy mirovoy voyny: K voprosu o perekhode v kazache soslovie [The Kalmyk Steppe in the Years of the First World War: On the Question of the Transition to the Cossack Estate.]. *Bylye gody: Rossiyskiy istoricheskiy zhurnal*, 2015, no. 35 (1), pp. 137–144. (In Russ.).

2. Maksimov K.N. Kalmyki na zashchite Otechestva [The Kalmyks in Defense of the Fatherland.]. *Vestnik Kalmytского instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN*, 2015, no. 2, pp. 64–70. (In Russ.).

3. Maksimov K.N. Kalmykiya v gody Pervoy mirovoy voyny [Kalmykia during the First World War.]. *Voprosy istorii*, 2014, no. 12, pp. 69–83. (In Russ.).

4. Nadbitov R.K. Ekonomicheskoe polozhenie Kalmykii v gody Pervoy mirovoy voyny [The Economic Situation of Kalmykia during the First World War.]. *Vestnik Kalmytского instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN*, 2012, no. 4, pp. 13–18. (In Russ.).

Author, Abstract, Key words

Irina V. Lidzhiya – Candidate of History, Senior Research Fellow, Kalmyk Scientific Center, Russian Academy of Sciences (Elista, Republic of Kalmykia, Russia). irina-ig@yandex.ru

The people of Kalmykia rendered all possible assistance to the army of the Russian Empire. One of its forms was koumiss treatment provided to the wounded and sick military staff who were sent to the area in Stavropol province where the Kalmyks' lived. For the first time in Russian historiography the successful practice of the first koumiss-cure centre founded in 1915 is described. Its history is reconstructed on the basis of earlier unknown documents from the National Archives of the Republic of Kalmykia. The article focuses on the joint work of Kalmykia's self-government and Elizabethan Charitable Society which opened the koumiss-cure centre and ensured its successful operation. The koumiss-cure centre was financed from the Kalmyk public funds and the population's voluntary donations. Much of the center's success was due to the dedicated work of its medical and service personnel. As a result, the Russian Army's injured and sick officers and soldiers were provided with efficient treatment due to the joint efforts of the Kalmyk self-government and Elizabethan Charitable Society. The local history of the first koumiss-cure centre displays extremely complicated socio-economic conditions in which the population of the Kalmyk steppe lived which were caused by Russia's participation in the world war as well as the mentality and traditions of the Kalmyk people, their everyday life and the charitable activities of Kalmyk self-government bodies and public.

World War I, Stavropol province, Kalmykia, Kalmyk steppe, Kalmyks, Ministry of Internal Affairs, local self-government, self-government body, Elizabethan Charitable Society, Russian Red Cross Society, charity, folk medicine, koumiss, koumiss treatment, koumiss-cure centre.

В.И. Бакулин

**«АППАРАТ РАЗЛАДИЛСЯ И РАЗЛАГАЕТСЯ»:
ХОД И ИТОГИ БОРЬБЫ ЛЕВОЙ ОППОЗИЦИИ
ЗА ВНУТРИПАРТИЙНУЮ ДЕМОКРАТИЮ
В ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИИ
(осень 1923 – весна 1924 годов)**

V. Bakulin

**“The Party Apparatus has Broken Down and is Deteriorating”:
The Development and Results
of the Struggle of the Left Opposition
for Intra-Party Democracy in Vyatka Province
(Fall 1923 – Spring 1924)**

Осенью 1923 г. большевистское руководство в определенном смысле расколосось в ходе инициированной Л.Д. Троцким и его сторонниками дискуссии по проблемам экономической политики и, особенно, – внутрипартийной демократии. К началу зимы 1923 г. отголоски разгоревшихся в столичных кругах идеологических баталий между группировавшимся вокруг «триумвиров» (И.В. Сталина, Г.Е. Зиновьева и Л.Б. Каменева) большинством ЦК и Политбюро, с одной стороны, и сторонниками Троцкого, традиционно именуемыми в отечественной историографии «левой оппозицией», – с другой, докатились до Вятской губернии.

7 декабря в местном партийно-советском офицозе «Вятская правда» появилось сообщение об открытии при губкоме РКП(б) – с целью обсуждения проблем внутрипартийной жизни – дискуссионного клуба¹. 10 декабря там выступил заместитель ответственного секретаря губкома РКП(б) В.Н. Панфилов. Текст доклада был опубликован в местных газетах². Полемизируя с одним из ключевых авторов известного «Письма 46-ти» Е.А. Преображенским, статья которого была в конце ноября опубликована в «Правде», но все же кое в чем соглашаясь с ее автором, Панфилов, тем не менее, явно тяготел к позиции большинства ЦК. В духе последнего, не отрицая в принципе значимость внутрипартийной демократии, он делал акцент на установлении ее разумных пределов, поскольку «нельзя превращать партию в дискуссионный клуб или бесформенную организацию говорильни...»³

К середине декабря раскол в руководящих губернских «верхах» принял зримые очертания при явном перевесе левой оппо-

зиции, возглавляемой здесь ответственным секретарем губкома М.И. Миньковым, председателем губисполкома Советов (ГИК) Ф.С. Лизаревым, председателем губернской контрольной комиссии РКП(б) (губКК) Н.Г. Агалаковым. Результатом расширенных заседаний губкома 18 и 22 декабря стало постановление «По вопросу о внутрипартийных задачах». Его сущность определялась пунктами 1-м (о необходимости уточнения понятия «фракция», что открывало дорогу к ревизии решения X съезда РКП(б) о запрете фракций) и 7-м, где речь шла о необходимости на региональных конференциях «систематически обновлять партийный аппарат снизу», в том числе путем введения в парткомы партийцев, «обеспечивающих проведение рабочей демократии»⁴ (слабо закамуфлированный тезис Т.В. Сапронова о «перетряхивании кадров»).

Лишь трое из 21-го участника заседания 18 декабря поддержали альтернативный, процековский, проект Панфилова. На совещании 22 декабря за линию ЦК определенно высказались сам Панфилов и член губкома, председатель губернской профсоюзной организации М.М. Маркович, категорически отвергшие пункты 1 и 7 резолюции Минькова. Члена губкома, начальника Вятского губернского отдела ОГПУ А.И. Ремишевского не устроил только 1-й пункт⁵.

Резолюции, дублировавшие постановление губернского комитета РКП(б), в это время были приняты на партсобраниях губернских милиции и военкомата⁶. В последующие дни в том же духе (за уточнение понятий «фракция» и «группировка») высказались также бюро 2-го городского райкома партии, общее собрание членов РКП(б) 1-го района г. Вятки, партийные ячейки железнодорожных мастерских и чугунно-литейного завода⁷.

В «Вятской правде» в последней декаде декабря велась ожесточенная полемика между Миньковым и его заместителем Панфиловым. За исключением статей последнего, в газете преобладали материалы, выдержанные в оппозиционном духе. С заметным опозданием, 18 декабря, в ней была обнародована резолюция ЦК и ЦКК от 5 декабря «О демократии». Хотя борьба местных сторонников разных идейно-политических платформ открыто вспыхнула в декабре 1923 г., есть основания полагать, что большинство бюро губкома подготовку к грядущим баталиям начало несколько ранее, работая на опережение в сфере кадровой политики. Миньков, безусловно, располагал информацией о «веяниях в верхах», поскольку его брат И.И. Миньков являлся членом ЦКК РКП, а сам он, находясь в отпуске с середины июля по начало сентября, посетил столицу⁸. Показателен такой факт: 27 ноября 1923 г. на общем

собрании коммунистов был обновлен состав ключевого для Вятки (одного из двух) 1-го райкома РКП(б). На территории района располагались основные губернские и городские партийные, советские, хозяйственные учреждения. Возглавил райком А.П. Канютин, основательно обновился состав комитета⁹.

Поводом для устранения предшественника Канютина, Солоницина, послужил конфликт между 1-м райкомом РКП(б) и правлением Кожтреста в лице его председателя Братальского и члена правления Лозинского, которые – по информации Солоницина – в конфликтах между партийными ячейками и старыми «спецами» обычно принимали сторону вторых, не одобряя к тому же критику работы специалистов коммунистами в местной прессе. Против руководителя райкома был использован факт пьянства секретаря одной из партийных ячеек треста Митягина, что дало повод для обвинения его в слабом руководстве низовыми партийными организациями. Принявшая сторону администрации коммунистическая фракция правления треста через голову райкома обратилась в губком РКП(б) и добилась осуждения деятельности Солоницина и возглавляемого им комитета¹⁰. Но руководство райкома постановление губкома признало ошибочным и на созванном им совещании секретарей низовых ячеек отменило его, в свою очередь нарушив внутривнутрипартийную субординацию.

По докладу и настоянию Минькова, губком РКП(б) объявил Солоницину строгий выговор с занесением в личное дело, а затем он был снят с должности ответственного секретаря райкома¹¹.

В целом дело приобрело достаточно сложный и запутанный характер, но пришлось очень кстати для обоснования факта перетасовки кадров.

В последующем новый руководитель 1-го райкома РКП(б) Канютин проявил себя активным сторонником позиции Минькова¹². Впрочем, он недолго продержался на новой должности, и уже в марте 1924 г. (после фактического поражения местных «левых») пленумом райкома был освобожден от нее. Только теперь, а не ранее, были приняты во внимание наличие его основного места работы в государственной типографии и нежелательность совместительства хозяйственной и партийной деятельности¹³.

Обновление состава руководящего органа состоялось не только в 1-м, но и во 2-м городском районе¹⁴. Однако если в 1-м районе это мероприятие выглядело хотя бы формально обоснованным, то для изменения состава недавно избранного партийного комитета 2-го городского района Вятки не имелось никаких серьезных оснований, особенно если принять во внимание краткость перио-

да его функционирования после предыдущих выборов. 12 октября 1923 г., заслушав отчет о работе 2-го райкома РКП за 7 месяцев после его избрания, бюро губернского комитета РКП(б) признало ее удовлетворительной. Тем не менее, оно тут же постановило: «В ближайшее время произвести перевыборы комитета»¹⁵.

В декабрьском отчете в ЦК РКП(б) Миньков с удовлетворением писал о возросшей политической активности рядовых коммунистов¹⁶. Дискуссии, действительно, подняли градус энергичности организации, однако степень осмысленности большинством их участников обсуждаемых проблем, понимания ими сущности термина «демократия» оставляли желать лучшего. Если к середине 1920-х гг. промышленный рабочий класс, считавшийся главной социальной опорой власти, в целом по стране составлял ничтожное меньшинство самодеятельного населения и отличался крайне невысоким средним уровнем образования¹⁷, то в аграрной Вятской губернии, с ее показателем урбанизации в пределах 4%, ситуация выглядела еще более плачевно, отнюдь не способствуя плодотворному обсуждению непростых теоретических проблем.

Показателен состоявшийся 7 декабря пленум 1-го райкома РКП(б) Вятки, посвященный «актуальным проблемам внутривнутрипартийной жизни». Докладчик Солоницин, бывший секретарь райкома, призвал чаще проводить собрания, «поставить правильно и широко систему свободной критики» и отказаться от спускаемых «сверху» планов, которые, по его мнению, порождают застой и «отучают самостоятельно думать». Призыв углублять демократию странным образом сочетался у оратора с вполне бюрократическим требованием «всю работу проводить через партаппарат».

Солоницина поддержали члены райкома Зыков (усиливший анархический компонент дискуссии: «Дача планов, программ сверху убивает инициативу») и Новоселов. Последний потребовал изживания «практики командования» и «переноса центра тяжести в низы». «Широкая рабочая демократия, – демагогически заявил еще один участник дискуссии Мухачев, – говорит за то, чтобы рабочие везде и всюду работали самостоятельно головой», и потребовал оставить за контрольными партийными комиссиями лишь «обобщение уклона неправильностей» с передачей права «решения дела» в партийную ячейку, лишив тем самым губКК права наказывать проштрафившихся коммунистов.

Наряду с призывами «свободолюбивого» характера прозвучали и более здравые мысли. Так, Киселев счел необоснованным отказ от «календарности и планирования работы». Новый секретарь Канютин в числе причин «казенщины» назвал «отсутствие

регулярной проверки данных заданий». Коммунист Колодкин корень проблем внутрипартийной жизни не без основания усмотрел в разлагающем влиянии нэпа¹⁸, что по логике вещей требовало не столько ее демократизации, сколько усиления контроля, кадровых «чисток» и эффективной пропагандистской, идеологической «накачки». Впрочем, до столь радикальных выводов не поднялся и этот член районного партийного комитета. Выявившиеся разногласия, как и крайне невысокий теоретический уровень состоявшегося обмена мнениями (между тем, речь идет не о рядовых партийцах, а о членах райкома, его бюро, секретарях низовых ячеек), не позволили участникам эмоциональных прений принять содержательные рекомендации по теме. Единственным конкретным результатом дискуссии стало решение о продолжении ее на собраниях низовых партийных ячеек¹⁹. Однако нет никаких оснований считать, что там они оказались более плодотворными.

Одним из тех, кого искренне порадовала внутрипартийная ссора, оказался «дедушка вятской революции», 53-х-летний «старый большевик» Иван Ипатович Деришев. Сын крестьянина Вятского уезда, рабочий петербургского судостроительного завода, а затем – железнодорожных мастерских в Вятке, член РСДРП с 1903 г., он в 1905 г. был избран в состав Вятского городского Совета рабочих депутатов. В январе 1906 г. его арестовали. Отбыв заключение в вятской тюрьме, в 1908 г. вернулся в С.-Петербург. В дни Февральской революции входил в состав рабочей дружины завода Нобеля, где в это время работал, в июле-августе 1917 г. был делегатом 6-го съезда большевистской партии, а в октября участвовал в штурме Зимнего дворца. Затем Петроградский ВРК направил его в Вятку для участия в установлении там Советской власти. Деришев вошел в состав Вятского ВРК, а затем и первого большевистского исполкома Вятского Совета РСД. В декабре 1917 г. исполком отправил его в уездный центр Слободской – для установления там власти Совета. Во второй половине января 1918 г. удалось упрочить Советскую власть в этом городе и уезде, и с февраля 1918 г. Деришев возглавил уездный исполком²⁰. Однако его советская карьера не задалась.

В июле 1918 г., занимая должность «народного комиссара по управлению Слободским уездом», Деришев проходил по делу, возбужденному Вятским губернским ревтрибуналом в отношении нескольких руководителей уезда, обвиненных в злоупотреблениях властью, пьянстве, незаконных поборках с населения, присвоении денежных средств и материальных ценностей. Однако уголовного наказания избежал. То ли он оказался вообще не причастным

к перечисленным безобразиям (что мало вероятно), то ли, как минимум (с учетом занимаемой должности), всего лишь попустился им, то ли трибунал сделал ему снисхождение с учетом революционных заслуг, – окончательный вывод по этому эпизоду его биографии сделать трудно.

В ноябре 1919 г. Деришев вернулся в Вятку, где заведовал губернским отделом социального обеспечения и губфинотделом. Затем был назначен комендантом лагеря принудительного труда. В новый состав губисполкома (по итогам 6-го губернского съезда Советов в сентябре 1920 г.) избран не был, и на следующий после съезда день по его просьбе был освобожден от должности коменданта и откомандирован в распоряжение Слободского уездкома РКП(б). В уездном центре заведовал Отделом труда в местном исполкоме Советов. В 1922 г. он настолько запустил руководимое им хозяйство, что партийная губКК дважды объявляла ему выговор. Кроме того, он оказался замешанным – в составе группы из трех человек – в подделке фальшивого счета на 3 млн руб. ГубКК в своем заседании от 20 марта 1922 г. приняла решение о передаче дела Деришева в народный суд. Однако четыре дня спустя пересмотрела его в сторону смягчения, решив ограничиться в отношении Деришева строгим выговором «с занесением в партийный билет»²¹.

В конечном счете, 8 декабря 1922 г. губком принял следующее решение: «Принимая во внимание, что он является старым членом партии и недочеты не являются злостного характера (не преследовал личную выгоду) <...> признать возможным оставить в рядах партии при условии немедленной переброски в другой уезд»²². Еще через четыре дня, обсуждая отчет работавшей в Слободском комиссии, члены губКК пришли к выводу, что обвинение Деришева в должностном преступлении не подтвердилось. Было решено: «Сделать внушение за невнимательность в отношении Торкунова» (последнего в это же время исключили из партии за «содействие спекулянту в незаконном получении из уездного отдела народного образования мануфактуры для перепродажи»)»²³.

В конечном счете, Деришев в 1923 г. был возвращен в Вятку, где долгое время занимал должность председателя губернского профсоюза рабочих химической промышленности. Именно в этом качестве он и одобрил развязанную троцкистами дискуссии о демократизации внутрипартийной жизни, заявив публично: «Я, старый партиец, боялся, что не доживу до сегодняшнего дня. Я боялся, что умру в застывшей организации. Необходимо широкое, свободное, открытое обсуждение всех вопросов <...> Нет притока свежих сил,

кроме того, мало уделяется внимания выдвижению снизу. Вопрос [Об углублении внутрипартийной демократии. – В.Б.] поднят, безусловно, своевременно...»²⁴

Очевидно, Деришеву, склонному к мелким дисциплинарным проступкам, а то и правонарушениям, импонировал тот заряд анархии, каковой несла в себе платформа левой оппозиции образца 1923–1924 гг. Впрочем, к числу ключевых фигур местного партийного руководства Деришев уже давно не принадлежал, большого влияния на исход внутрипартийной борьбы в регионе оказать не мог, и заметных последствий для его дальнейшей карьеры она иметь не могла. В мае 1924 г., на губернском съезде профсоюзов, он вновь был избран в состав губернского Совета профсоюзов и в его президиум от профсоюза химиков, а на заседании президиума 16 мая перераспределен на работу в губотдел кожевников²⁵.

Воспользовавшись тем, что последняя декада последнего месяца 1923 г. выявила явный перевес сил в вятской партийной организации в пользу оппозиции, 28 декабря Миньков подвел черту под обсуждением проблем партийной демократии, заявив, что «дискуссия по городу в принципе окончена; вятская организация в подавляющем большинстве своем (лишь при 23 – против) высказалась за уточнение формулировок»²⁶. Оппозиции в этой ситуации было важно сохранить status quo, и на следующий день Миньков отправил членам триумвирата и Троцкому письмо с призывом укреплять единство²⁷. Однако до окончательной победы вятским оппозиционерам было еще далеко.

К началу января в Вятку приехали член ЦК и секретарь ЦКК А.А. Сольц, курировавший вятскую губернскую организацию РКП(б), и В. Хаевский. Оба по прибытии отметились статьями в «Вятской правде», в номере за 1 января 1924 г. Второй из них, в числе прочего, отверг утверждение Троцкого о том, что «барометром партии» должна считаться молодежь, поскольку она горяча, как и сам Троцкий, но «быть только горячим в жизни – нежизненно, а в политике – неполитично»²⁸. Сольц же подчеркнул, что резолюция «О демократии», единогласно принятая членами ЦК и ЦКК 5 декабря 1923 г., объективно сняла вопрос о какой-то особой платформе оппозиции, поставив на первое место проблему субъекта реализации этого общепартийного документа. По существу, открытым текстом озвучивалась мысль о том, что в «верхах» партии идет не идейная, а преимущественно организационная борьба за власть над ней, а следовательно – и над государством. Проводимая в фракционной форме борьба, – утверждал Сольц, – «грозит единству партии и может действительно привести к гибели

страну», поэтому она должна быть осуждена вятской организацией и всей партией²⁹.

Выступивший в те же дни в унисон с москвичами Панфилов опротестовал попытки уточнения понятий «фракция» и «группировка», утверждая, что всем и без того понятно, о чем идет речь. Тем более, – писал он, – что и уже имеющиеся партийные документы (программа РКП(б), ее устав, всякого рода резолюции) «членами партии в большинстве случаев не читаются», а «будучи прочитаны, забываются»³⁰.

На публикации Сольца, Хаевского, Панфилова был вынужден отреагировать и Миньков. Озвучив уже ставший традиционным для оппозиционеров набор аргументов, ответственный секретарь губкома, высказал при этом весьма противоречивое суждение. С одной стороны, он оспорил утверждение о том, что Троцкий и его приверженцы не имеют собственной идейной платформы. Настаивая на том, что «создавшаяся группировка т.т. Троцкого, Преображенского, Сапронова, Стукова и др. <...> имеет платформу», Миньков de facto признал наличие фракции как таковой. Но, с другой стороны, категорически заявил: «Кто хочет видеть в нас “фракционистов”, тот глубоко ошибается»³¹.

Приезд москвичей нарушал планы Минькова и его единомышленников, ослаблял их позиции, задевал самолюбие. Ответственный секретарь губкома в адрес приехавших высказался с плохо скрытой обидой: «...Мы не политические младенцы, которые, сделав шалость и чем-то провинившись перед мамашей, с приездом папаша и после его отцовского внушения, переменили свои позиции»³². Его сторонник, председатель ГИК Лизарев твердо заявил, что в среде вятских коммунистов «нет никакого раскола, они уже спокойно продискутировали вопрос о внутрипартийной демократии и приступили к нормальной работе»³³.

Тем не менее, дискуссия, уже с участием московских гостей, продолжилась 3–4 января на пленуме губкома. Миньков, сославшись на прошлые выступления, доклад делать не стал и предложил голосовать проекты резолюций – свой и вносимый Сольцем. Состоявшаяся после недолгого обсуждения процедура голосования принесла победу Минькову и его сторонникам (в соотношении голосов 14 : 11). Повторное голосование дало еще более убедительный результат в их пользу – 13 против 7 голосов. Правда, в принятом документе все же оговаривалась недопустимость легализации внутрипартийных фракций. Бюро губкома и губКК предлагалось в губернии «взять ведение дискуссии под свое непосредственное твердое руководство, обеспечивающее правильное ее направление

и устранение личного элемента в ней»³⁴, что вполне устраивало миньковское большинство в местных органах.

Однако не все пошло по намеченному сценарию. Посланцы центра тоже были весьма опытными партийными бюрократами.

Параллельно с пленумом губкома РКП(б), 3 января, в здании клуба профсоюза и треста кожевников открылось общегородское собрание коммунистов. В повестке дня стоял один вопрос – о партийном строительстве. Докладчиком выступал Сольц, содокладчиком – Миньков. Первый постарался уйти от роли как «строгого папаши», призывающего к порядку «расшалившихся детишек», так и заезжего «гастролера», навязывающего собранию свою точку зрения. Тактично сформулировав исходный тезис о том, что в вятской организации вопрос уже решен, Сольц не без лукавства заявил: «Основная задача собрания – не пересмотр принятого решения, а дальнейшее обсуждение вопроса в связи с развитием дискуссии». В конце работы собрания он еще раз подчеркнул, что приехал в Вятку всего лишь для того, чтобы познакомить местных коммунистов с точкой зрения ЦК и услышать их мнение³⁵.

Ожесточенные споры продолжались два вечера. В конечном счете, Сольц и его сторонники взяли верх: за предложенный им вариант резолюции отдали свои голоса 313 участников собрания против 244-х³⁶. В принятом документе одобрялся «своевременно взятый Политбюро ЦК и президиумом ЦКК курс на внутрипартийную демократию», выражалось «полное доверие ЦК» и решительно осуждались «те выступления, которые стремятся нарушить единство нашей партии». Поражение вятских «левых» на этом собрании в немалой степени было предопределено участием в нем прибывших из уездов делегатов губернского съезда Советов, на что позднее сетовал Миньков³⁷.

Поражение на городском собрании не устроило местных партийных руководителей. И после отъезда Сольца в городских районах Вятки, на страницах местной печати дискуссия возобновилась. 9 января, после паузы, вызванной городским собранием, продолжился расширенный пленум губкома партии, на котором оппозиционеры восстановили свои пошатнувшиеся позиции. Признав политическую линию бюро правильной, а работу удовлетворительной, его участники избрали делегатом на предстоящую 13-ю Всесоюзную конференцию РКП(б) самого Минькова. За альтернативную кандидатуру Панфилова было подано лишь 6 голосов из 22-х³⁸.

Вятская делегация на Всесоюзной партконференции рекомендовала себя в качестве оппозиционной большинству партий-

ного руководства, констатация чего, будучи позднее озвучена на одном из заседаний губкома, возражений не вызвала³⁹. В день открытия конференции увидела свет брошюра Троцкого «Новый курс», аналогичная по содержанию его письму с таким же названием. В основном докладе конференции «О партийном строительстве», сделанном Сталиным, отвергался подход к партийной демократии, характерный для оппозиции. Она, по его мнению, рассматривала демократию как нечто абсолютное, существующее вне времени и пространства. Между тем, заявил Сталин, демократия не есть «нечто данное для всех времен и условий, ибо бывают моменты, когда нет возможности и смысла проводить ее». В частности, она может ограничиваться или исключаться на время масштабных военных действий. С другой стороны, партийная демократия предполагает некоторый минимум культурности самих коммунистов и «наличие некоторого минимума активных работников, которых можно выбирать и ставить на посты». В отсутствие того и другого, «приходится отступать от демократии, прибегать к назначению должностных лиц». Все это, а не «злая воля аппаратчиков», как полагает превращающая демократию в фетиш, в демагогическую фразу оппозиция, и задает рамки ее реализации⁴⁰.

Троцкий, анализируя истоки противостоящего демократии бюрократизма, действительно, ограничивался преимущественно самыми общими рассуждениями о внутренних, главным образом классовых (активизация мелкобуржуазных слоев города и деревни в условиях нэпа) и даже международных факторах его возникновения и эволюции⁴¹.

Подобный отрыв от реальной почвы может служить дополнительным аргументом в пользу разделяемого рядом современных авторов убеждения в недемократических, а то и антидемократических воззрениях Троцкого⁴². Во всяком случае, пока Троцкий теоретизировал, Сталин кропотливо занимался налаживанием работы того реально существовавшего, далекого от идеала, страдавшего от острой нехватки толковых работников партийного и государственного аппарата, который имелся в наличии.

Все это имело прямое и непосредственное отношение к внутренней жизни Вятской губернии. Кадровый голод преследовал вятское руководство с первых дней существования здесь Советской власти⁴³. Нехватка политически надежных, образованных, обладавших необходимым минимумом знаний в порученной сфере деятельности, не имевших склонности к коррупции руководителей была проблемой всероссийской. Поэтому Москва регулярно «вытягивала» из губерний ценные кадры, лишь в малой степени

компенсируя эту потерю перераспределением других работников на места. Руководители губернии год за годом слезно просили ЦК РКП(б) командировать в Вятку опытных и знающих работников для партийной, советской, хозяйственной работы и в меру своих возможностей отбивались от соответствующих поползновений столичных учреждений.

Примеров тому – великое множество.

Так, 30 июня 1923 г. губком РКП(б) просил ЦК партии командировать в губернию трех работников-хозяйственников», в которых существовала «самая острая необходимость»⁴⁴. Когда в ноябре была предпринята попытка сформировать резерв руководящих партийных кадров губернского и уездного уровней, то в первый список удалось внести всего 36 человек. Кадровый резерв уездного масштаба выглядел несколько лучше (в нем насчитывалось 236 коммунистов), однако и это было далеко от желаемого числа. «Ряд учреждений, – писал в эти дни Миньков, – требует коммунистов на ответственную руководящую работу, а их нет»⁴⁵. Сменивший его в должности и. о. ответственного секретаря губкома Маркович начинал свою деятельность в марте 1924 г. с командировки в Москву, «в ЦК с ходатайством о выделении работников в Вятскую губернию»⁴⁶.

Ситуация не изменилась к лучшему и в следующем году. В сентябре 1924 г. очередной новый ответственный секретарь губкома, Д.А. Булатов, телеграфировал в ЦК о категорическом несогласии с отзывом в центр члена президиума губисполкома Советов А.А. Зыкова, ибо «заменить его абсолютно нечем... Поощадите организацию. Настаиваем [на] оставлении Зыкова в Вятке». Три месяца спустя Булатов еще раз подтвердил: против отзыва Зыков губком категорически возражает⁴⁷.

В кадровом вопросе вятскому руководству приходилось отбиваться не только от партийных и советских учреждений, но и от военного ведомства, особенно с учетом молодого возраста львиной доли местных руководителей. В конце июня 1923 г. губком партии умолял ПУР РККА дать отсрочку от призыва Александру Волкову как незаменимому работнику (заведующий Агитационным отделом губкома, председатель агитбюро Выставочного комитета, организатор и руководитель губернской пионерской организации и прочее, и прочее. Тем не менее, отстоять Волкова вятскому руководству не удалось, и до конца лета он все же был призван на воинскую службу⁴⁸.

Образовательный уровень местных большевиков в основном соответствовал общему уровню населения губернии, как город-

ского, так и сельского. Связь между низким уровнем общей и политической грамотности и активностью коммунистов для партийных руководителей низового звена была бесспорной. Так, секретарь 1-го городского райкома РКП(б) Солоницин признавал: «Почти в каждой ячейке всю работу несут два-три активных работника, а остальные члены ячейки 10–15 человек являются не развитым и в партийной работе не принимают участия», а лишь создают «массовку», безропотно голосуя за предлагаемые решения⁴⁹.

Проблема обострилась в целом небольшим количеством членов партии в преимущественно аграрной (уровень урбанизации менее 5%) губернии, особенно в деревне. Если на лысьвенском заводе на 3 тыс. работников приходилось 140 партийцев, то во всем Уржумском уезде с численностью жителей 155 тыс. таковых было всего 200⁵⁰. В этих условиях по вполне объективным причинам первостепенным был вопрос выявления и сохранения дееспособных работников, выдвигаемых на руководящие партийные и прочие должности, и лишь во вторую очередь – способ их водворения на эти должности.

Много говорившим о вреде назначенчества (вместо свободных выборов руководящих работников) оппозиционерам в реальной практике управления губернией приходилось прибегать к тем же методам, что и их оппонентам. В период секретарства Минькова метод назначенчества (с последующим оформлением путем голосования «вдогонку» или без него) и кооптации широко практиковался как на губернском, так и на уездном уровнях, что воспринималось в соответствующих партийных инстанциях как нечто само собой разумеющееся.

Так, 20 июня 1923 г. бюро губкома постановило направить в Яранск в качестве председателя уездного исполкома Советов Н.С. Веселкова⁵¹. Параллельно обсуждался вопрос, каким способом «ввести в состав правления Маслосоюза в качестве председателя» присланного Москвой Маслова. Занимавшийся этим вопросом Груздев сообщил товарищам по партии, что «дело можно оформить через Совет», но о способе надо подумать. В конечном счете, было принято решение «на первых порах» ввести Маслова в правление союза в качестве заместителя председателя и «поручить фракции Совета [Городского. – В.Б.] это оформить официально»⁵². 8 октября 1923 г. в состав бюро решением пленума губкома был кооптирован посланец центра Чернин⁵³.

Отшумевшие на рубеже 1923–1924 гг. внутривнутрипартийные баталии принципиально не изменили (и, очевидно, не могли изменить)

принципы и методы кадровой политики, что видно из анализа архивных документов⁵⁴.

После 13-й Всесоюзной конференции РКП(б) в местной партийной организации возникла сложная ситуация: большинство ее руководящих работников, оставаясь на позициях Троцкого и его сторонников, по существу саботировали решения партконференции. В уезды с отчетом о работе конференции и ее итогах члены губкома не выезжали. Лишь к началу апреля 1924 г. секретариатом губкома были изданы и разосланы на места «для проработки» соответствующие материалы⁵⁵.

Примерно в последней декаде января – начале февраля 1924 г. (на заседании упоминалось о смерти Ленина как о свершившемся факте) состоялось совместное заседание бюро Вятского губкома РКП(б), членов губКК, фракций ГИК и ГСПС, – в общей сложности около трех десятков человек. Обсуждались итоги всесоюзной партконференции и поведение на ней вятской делегации, а также решался вопрос о том, какую позицию должно занять губернское партийное руководство на предстоящем городском партийном собрании и кого следует выставить на нем в качестве основного докладчика.

Пока еще чувствуя себя достаточно уверенно и действуя в наступательном духе в «своей партийной епархии», Миньков заявил на этом заседании, что у коммунистов типа Панфилова «мозги надо перекраивать»⁵⁶. Он и его сторонники определенно надеялись вырвать победу на предстоящем XIII съезде РКП(б), на что прозрачно намекнул Зыков⁵⁷. Для этого им было важно сохранить за собою право выступать там от имени всей вятской губернской партийной организации, сохранив над нею свой контроль. Поэтому Миньков, ранее допускавший возможность оставления поста ответственного секретаря губернской организации РКП(б), теперь заявил, что он уходит в отставку не желает⁵⁸.

Расширенное заседание бюро губкома РКП(б) завершилось победой Минькова и его сторонников. 20-ю голосами была проведена резолюция, озвученная заместителем ответственного секретаря Черниным и включавшая в себя пункт о фракциях. Именно она была вынесена в более широкие партийные массы. А «процековский» проект резолюции, предложенный на бюро Панфиловым, собрал только 7 голосов⁵⁹.

На этом этапе дискуссии в городских районах была принята за основу резолюция, в свое время предложенная Сольцем, но все же с добавлением в нее принципиально важного требования «уточнить формулировку о фракциях»⁶⁰, что можно оценить как очередную победу оппозиционеров.

Ответственный секретарь губкома РКП(б) продолжал гнуть свою линию не только в «своей» губернии, но и за ее пределами. На проходившем в конце января – начале февраля 1924 г. 2-м Всесоюзном съезде Советов руководитель вятской делегации вновь оказался в стане левой оппозиции. Позднее, делегат съезда Саратовских так рассказывал об этом: «Выступление Минькова на фракции Всесоюзного съезда было формально и встречено было бурей негодования. Вятской делегации его выступление было неприятно»⁶¹.

Для преодоления тупиковой ситуации в вятской партийной организации вновь потребовалось вмешательство центра. 24 февраля 1924 г., с участием повторно прибывших в Вятку Сольца и Хаевского, состоялось расширенное заседание бюро Вятского губкома РКП(б), довольно неординарное по составу участников. Помимо входивших в состав бюро партийцев, а также членов губКК, там присутствовали работники местных прокуратуры и суда⁶². Было принято решение об освобождении Минькова от должности ответственного секретаря Вятского губернского комитета РКП(б). 4 марта Оргбюро ЦК, заслушав доклад Сольца, «приняло к сведению» это постановление Вятского губкома. Было решено отозвать Минькова в Москву и поручить Секретариату ЦК рассмотреть вопрос о его дальнейшей работе. Обязанности секретаря губкома возлагались на Марковича. Учраспредотдел ЦК получил задание наметить одного-двух ответственных партийных работников для откомандирования в Вятскую губернию⁶³. Во исполнение этого решения в Вятку был послан опытный партийный и советский работник из номенклатуры ЦК Д.А. Булатов, который несколько месяцев спустя возглавит Вятскую организацию РКП(б).

После снятия Минькова и его отъезда из Вятки противостояние сторон в вятском руководстве не завершилось, что и выявилось на 5-м расширенном пленуме губкома, состоявшемся накануне губернской конференции РКП(б) 5–7 апреля 1924 г. Здесь произошло столкновение между бюро губкома, в лице нового секретаря Марковича, и президиумом ГИК, возглавляемым Лизаревым. Оба они утверждали, что противная сторона «ставит палки в колеса» и препятствует нормальной работе возглавляемых ими органов. При этом Маркович от имени секретариата и бюро губкома, как об уже принятом партийным органом решении, высказался за отставку с должности председателя губисполкома Лизарева.

Последний в ходе дебатов согласился с тем, что за два месяца «этой волюнки [То есть внутрипартийных дискуссий. – В.Б.] аппарат разладился и разлагается». Но при этом свою оппозици-

онную линию продолжал считать единственно верной, возлагая вину за разногласия целиком на оппонентов и утверждая, что с ними, особенно с Панфиловым, он «не сработается». Последний, в свою очередь, отметил нетактичное поведение Лизарева, который в телефонных разговорах с секретарями губкома мог употребить выражение «стервецы», иные «площадные выражения», а то и бросить трубку в середине разговора.

Вылившееся во взаимные пререкания заседание бюро завершилось принятием компромиссной резолюции, подлежащей дальнейшему редактированию, и кооптацией в состав бюро губкома прибывшего в Вятку Булатова. Рекомендация бюро губкома о снятии Лизарева с должности председателя Вятского губисполкома в резолюции пленума своего отражения не нашла⁶⁴.

Неделю спустя в разделе хроники «Вятской правды» появилось скромное сообщение о том, что «председатель Вятского губисполкома т. Лизарев отзывается в центр»⁶⁵. Его обязанности по советской линии временно возлагались на Плюсина, затем – на Булатова, а после избрания последнего в мае 1924 г. ответственным секретарем Вятского губкома партии – на Панфилова⁶⁶.

Однако говорить о радикальной «кадровой чистке» в рядах региональных партийных руководителей в весенне-осенний период 1924 г. не приходится. Выразительным фактом явилось, например, сохранение за Черниным, который в период острой полемики между сторонниками большинства ЦК и левой оппозицией был ближе ко второй, должности заместителя ответственного секретаря губкома партии еще и в декабре 1924 г.⁶⁷

Примечания (Endnotes)

- 1 Вятская правда (Вятка). 1923. 7 дек.
- 2 Вятская правда. 1923. 12 дек.; 13 дек.; 14 дек.; 15 дек.
- 3 Панфилов В. О партийных задачах // Вятская правда. 1923. 13 дек.
- 4 Государственный архив социально-политической истории Кировской области (ГАСПИКО). Ф. П-1. Оп. 2. Д. 408. Л. 132, 132об.
- 5 Там же. Л. 128об.–129об.
- 6 Вятская правда. 1923. 22 дек.
- 7 Вятская правда. 1923. 23 дек.
- 8 ГАСПИКО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 394. Л. 80; Д. 408. Л. 66.
- 9 Вятская правда. 1923. 2 дек.
- 10 ГАСПИКО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 408. Л. 66об.
- 11 Там же. Л. 67, 72об., 73.

- 12 Там же. Л. 130.
- 13 ГАСПИКО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 625. Л. 10.
- 14 ГАСПИКО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 428. Л. 160об.
- 15 ГАСПИКО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 408. Л. 101об.
- 16 ГАСПИКО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 428. Л. 168, 168об.
- 17 Фельдман М.А. «В зеркале переписи отразилось не то лицо»: Рабочие промышленности СССР по материалам Всесоюзной переписи населения 1926 года // Российская история. 2016. № 3. С. 153, 156, 158.
- 18 ГАСПИКО. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 206. Л. 2–3об.
- 19 Там же. Л. 4.
- 20 Бакулин В.И. Драма в двух актах: Вятская губерния в 1917 – 1918 гг. Киров, 2008. С. 209; Бакулин В.И. Жизненные перспективы вятских революционеров до и после Октября 1917 года // Российская империя накануне революционных потрясений: К 100-летию Русской революции 1917 г.: Ноябрьские историко-архивные чтения 2016 г. Пермь, 2017. С. 143, 147.
- 21 ГАСПИКО. Ф. П-98. Оп. 1. Д. 82. Л. 5, 6.
- 22 ГАСПИКО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 239. Л. 135.
- 23 ГАСПИКО. Ф. П-98. Оп. 1. Д. 113. Л. 5.
- 24 ГАСПИКО. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 206. Л. 3.
- 25 ГАСПИКО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 637. Л. 50, 52, 52об.
- 26 Вятская правда. 1923. 28 дек.
- 27 Резник А.В. Троцкизм и Левая оппозиция в РКП(б) в 1923 – 1924 годы. М., 2010. С. 34.
- 28 Вятская правда. 1924 г. 1 янв.
- 29 Сольц А. Уточнение фракционности // Вятская правда. 1924. 1 янв.
- 30 Панфилов В.Н. За большинство партии // Вятская правда. 1924. 3 янв.
- 31 Миньков М. За партию, революционное единство // Вятская правда. 1924 г. 3 янв.
- 32 Там же.
- 33 Лизарев Ф. Пришел, увидел...? // Вятская правда. 1924. 3 янв.
- 34 ГАСПИКО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 605. Л. 13–14.
- 35 Вятская правда. 1924. 4 янв.
- 36 Вятская правда. 1924. 4 янв; ГАСПИКО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 605. Л. 15.
- 37 Миньков М. Итоги дискуссии в городской организации // Вятская правда. 1924. 13 янв.
- 38 ГАСПИКО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 605. Л. 14, 17.
- 39 ГАСПИКО. Ф. П-45. Оп. 1. Д. 195. Л. 1–2.
- 40 Материалы Тринадцатой конференции Российской Коммунистической партии (большевиков): 16 – 18 января 1924 года. Царицын, 1924. С. 24, 25.
- 41 Троцкий Л.Д. Перманентная революция. М., 2005. С. 197.
- 42 Искендеров А.А. Ленин, Троцкий, Сталин: Русская революция 1917 года в фокусе взаимоотношений ее вождей // Вопросы истории. 2009. № 7. С. 43.

- ⁴³ Коробец А.С. «Голод, разруха, восстание имущих классов, с одной стороны, и иноземные разбойники – с другой...»: Партийные мобилизации в Красную армию в 1918 – 1920 гг. (по архивным документам Вятской губернии) // Военно-исторический журнал. 2013. № 2. С. 63–65.
- ⁴⁴ ГАСПИКО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 394. Л. 2, 95.
- ⁴⁵ Вятская правда. 1923. 29 нояб.
- ⁴⁶ ГАСПИКО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 625. Л. 19.
- ⁴⁷ ГАСПИКО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 595. Л. 104, 151.
- ⁴⁸ ГАСПИКО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 394. Л. 2, 87, 100.
- ⁴⁹ ГАСПИКО. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 153. Л. 3, 16.
- ⁵⁰ Обелов В. К вопросу о новых задачах партии // Вятская правда. 1923. 16 дек.
- ⁵¹ ГАСПИКО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 408. Л. 66.
- ⁵² Там же. Л. 71.
- ⁵³ ГАСПИКО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 394. Л. 139; Д. 408. Л. 100.
- ⁵⁴ ГАСПИКО. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 153. Л. 10; Д. 625. Л. 20, 30об., 43; ГАСПИКО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 605. Л. 7, 7об., 14, 14об.
- ⁵⁵ ГАСПИКО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 606. Л. 4, 4об.
- ⁵⁶ ГАСПИКО. Ф. П-45. Оп. 1. Д. 195. Л. 3.
- ⁵⁷ Там же. Л. 6.
- ⁵⁸ Там же. 4.
- ⁵⁹ Там же. Л. 6.
- ⁶⁰ Там же. Л. 7, 8.
- ⁶¹ ГАСПИКО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 606. Л. 19об.
- ⁶² ГАСПИКО. Ф. П-45. Оп. 1. Д. 195. Л. 9, 11.
- ⁶³ ГАСПИКО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 395. Л. 5.
- ⁶⁴ ГАСПИКО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 606. Л. 9–10об., 14, 16, 31–33.
- ⁶⁵ Вятская правда. 1924. 11 апр.
- ⁶⁶ Вятская правда. 1924. 13 июня.
- ⁶⁷ ГАСПИКО. Ф. П-45. Оп. 1. Д. 205. Л. 43.

Автор, аннотация, ключевые слова

Бакулин Владимир Иванович – докт. ист. наук, профессор Вятского государственного университета (Киров). vla84780804@yandex.ru

Начатая Л.Д. Троцким осенью 1923 г. дискуссия по вопросам внутренней жизни большевистской партии и внутрипартийной демократии неизбежно докатилась от столичных городов СССР до губернских центров. В том числе и до Вятской губернии. Социально-экономические и политические особенности Вяткой губернии состояли в преимущественно аграрной экономике, неразвитости промышленного рабочего класса, малочисленности членов партии большевиков. Эти особенности во многом повлияли на ход борьбы вятских сторонников Троцкого («левой оппозиции») за демократизацию партии. На

основе ранее неизвестных архивных документов и материалов большевистской газеты «Вятская правда» в статье анализируется конкретное содержание партийной дискуссии и борьбы внутри партийного руководства в масштабах одной губернии. Этот анализ позволил выявить степень осознанности обсуждаемых вопросов рядовыми коммунистами, а также понять мотивы действий и аргументацию наиболее активных участников дискуссии. Выяснилось, что само понятие «демократия» большинством рядовых коммунистов из числа рабочих воспринималось как абстракция, слабо наполненная реальным содержанием. Это нередко превращало споры по поводу демократизации внутрипартийной жизни в обычную демагогию. А тем временем за кулисами партийной дискуссии шла борьба за власть в партийном аппарате, а, следовательно, и за контроль над губернским государственным аппаратом. Источники также позволили раскрыть методы и результативность воздействия сталинского большинства ЦК РКП(б) на ход внутрипартийной борьбы в Вятской губернии. Итоги этой борьбы во многом зависели от расстановки конкретных партийных деятелей по партийным, советским, профсоюзным и другим руководящим должностям губернского уровня. Не последнюю роль сыграли личные качества партийных руководителей Вятской губернии и взаимоотношения между ними.

Российская коммунистическая партия (большевиков) (РКП(б)), Центральный комитет РКП(б), губернский комитет РКП(б), левая оппозиция в РКП(б), внутрипартийная демократия, внутрипартийная борьба, партийная дискуссия, Л.Д. Троцкий, И.В. Сталин, Вятская губерния, Вятка, Вятский губернский комитет РКП(б), Ф.С. Лизарев, М.И. Миньков, А.А. Сольц.

References (Articles from Scientific Journals)

1. Iskenderov A.A. Lenin, Trotsky, Stalin: Russkaya revolyutsiya 1917 goda v fokuse vzaimootnosheniy ee vozhdey [Lenin, Trotsky, Stalin: The Russian Revolution of 1917 As Seen through the Interrelationship of its Leaders.]. *Voprosy istorii*, 2009, no. 7, pp. 31–49. (In Russ.).

2. Korobets A.S. “Golod, razrukha, vosstanie imushchikh klassov, s odnoy storony, i inozemnye razboyniki – s drugoy...”: Partiyne mobilizatsii v Krasnyu armiyu v 1918 – 1920 gg. (po arkhivnym dokumentam Vyatskoy gubernii) [“The Starvation, Destruction, and Revolt of the Propertied Classes, on the one hand, and Foreign Bandits, on the other...”: Party Mobilizations into the Red Army in 1918 – 1920 (According to Archival Documents from Vyatka Province).]. *Voенно-istoricheskiy zhurnal*, 2013, no. 2, pp. 63–65. (In Russ.).

3. Feldman M.A. “V zerkale perepisi otrazilos ne to litso”: Rabochie promyshlennosti SSSR po materialam Vsesoyuznoy perepisi naseleniya 1926 goda [“The Mirror of the Census Reflected the Wrong Face”: Industrial Workers in the USSR According to the Data of the All-Union Census of 1926.]. *Rossiyskaya istoriya*, 2016, no. 3, pp. 150–165. (In Russ.).

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

4. Bakulin V.I. Zhiznennye perspektivy vyatskikh revolyutsionerov do i posle Oktyabrya 1917 goda [The Career Paths of the Viatka Revolutionaries before and after October 1917.]. *Rossiyskaya imperiya nakanune revolyutsionnykh potryaseniy: K 100-letiyu Russkoy revolyutsii 1917 g.: Noyabrskie istoriko-arkhivnye chteniya 2016 g.* [The Russian Empire on the Eve of Revolutionary Upheavals: On the 100th Anniversary of the Russian Revolution of 1917: The November Historical and Archival Readings of 2016.]. Perm, 2017, pp. 141–148. (In Russ.).

(Monographs)

5. Bakulin V.I. Drama v dvukh aktakh: Vyatskaya guberniya v 1917 – 1918 gg. [A Drama in Two Acts: Viatka Province in 1917 – 1918.]. Kirov, 2008, p. 209. (In Russ.).

6. Reznik A.V. Trotskizm i Levaya oppositsiya v RKP(b) v 1923 – 1924 gody [Trotskyism and the Left Opposition in the Russian Communist Party (Bolsheviks) in 1923 – 1924.]. Moscow, 2010, p. 34. (In Russ.).

Author, Abstract, Key words

Vladimir I. Bakulin – Doctor of History, Professor, Vyatka State University (Kirov, Russia). vla84780804@yandex.ru

The debate on the issues of inner life and democracy within the Bolsheviks' party launched in the autumn of 1923 by L.D. Trotsky moved off the capital cities eventually reaching provincial centers of the USSR, including the Vyatka province. In socio-economic and political terms, the Vyatka province was characterized by a predominantly agrarian economy, the immaturity of industrial working class and the low membership of the Bolshevik party. These peculiarities largely influenced the course of the struggle for the party's democratization waged by Trotsky's supporters (the Left Opposition) in Vyatka. On the basis of previously unknown archival documents and materials from the Bolshevik newspaper "The Vyatskaya Pravda" the article analyses the content of the party's discussion and struggle within the party leadership at the level of one province. This analysis revealed the extent of consciousness and comprehension with which the rank and file communists treated the discussed issues as well as the party activists' motivation of and causes for their actions. The very concept of democracy, the author argues, was treated by the majority of ordinary working class communists as an abstraction devoid of any real content, which often turned the discussion about democratizing the party life into a mere demagogy. As the party debate was unfolding the struggle for the party control and, consequently, for the provincial government control was gathering momentum. The data used show what methods were resorted to by the Stalinist majority in the RCP(b) Central Committee and how effective they were to affect the course of the

struggle within the party in the Vyatka province. The results of this rivalry largely depended on the alignment of forces: on individual party activists occupying top party, soviet, trade union and other positions at the provincial level. Personal qualities of the party officials of the Vyatka province as well as their relationships were also essential.

Russian Communist party (Bolsheviks) (RCP(b)), RCP(b) Central Committee, RCP(b) Provincial Committee, Left opposition (in RCP(b)), intra-party democracy, inner-party struggle, party debate, Leon D. Trotsky, Joseph V. Stalin, Vyatka province, Vyatka (City of), RCP(b) Vyatka Provincial Committee, Fyodor S. Lizarev, Mark I. Minkov, Aron A. Solts.

E. Badmaeva

**THE ACCELERATED
“SETTLEMENT OF THE RELIGIOUS QUESTION”
BY THE BOLSHEVIK PARTY
AND SOVIET STATE APPARATUS IN KALMYKIA
(1917 – 1924)**

Е.Н. Бадмаева

**Ускоренное «решение религиозного вопроса»
партийно-государственным аппаратом в Калмыкии
(1917 – 1924 годы)***

Throughout the centuries-old history of the Russian Empire, the state has closely interacted with all religions found on its territory. The Kalmyk people practiced Buddhism – the world’s oldest religion – and Buddhism exerted a tremendous influence on the formation of the Kalmyk ethnos, state, and spiritual environment. By 1917, Buddhist clergy in Kalmykia totaled more than five thousand with ninety-two khuruls (churches) of varying size.¹

A number of serious scholarly works based on archival materials previously unavailable to researchers have appeared in Kalmyk historiography. These works approach the Buddhist clergy from new methodological positions: examining the repressive policy of the Soviet state against Buddhist clerics; analyzing the restrictions of religious freedom during the formation of the administrative-command system; and assessing the unprecedented actions of the Soviet state during the 1920s – including the famine of 1921–1924 – in seizing church valuables in the Kalmyk Autonomous Region.²

The change in the Russian political system in 1917, and the Bolsheviks’ seizure of power radically altered church-state relations. If previously Russian authorities sought to weaken the influence of the church through restrictive measures, the new Soviet government, on the basis of decrees signed by V.I. Lenin, transformed religious policy by adopting a hard line aimed at destroying the church, confronting organized religions, and completely eradicating religious beliefs from the life of the Soviet people.

* Translated by Ivonna S. Daldinova (Kalmyk Scientific Center, Russian Academy of Sciences, Elista).

In this article we attempt to analyze the most significant antireligious actions taken by the Bolshevik party and Soviet government against the Buddhist clergy and believers in Kalmykia. These actions led to significant human losses and aggravated social tensions within Kalmyk society.

During the Russian Revolution and Civil War, the upper clergy in Kalmykia greatly increased their activity in accord with the interests of the Bolshevik party. Buddhist leaders actively participated in all socio-political events that took place in Kalmykia. Before the proclamation of Soviet power on the Kalmyk steppe, the Lama of the Kalmyk people, Chimid Baldanov, served in the state bureaucracy; until March 1918, he worked in the Kalmyk section of the Astrakhan provincial executive committee of the Soviets. In the post-October period, part of the Buddhist clergy acted as ideological opponents of Soviet power, and sought the support of the white movement (bogsha-lama of the Don Kalmyks, M. Bormanzhinov, baksha-lama of the Manych ulus, B. Karmakov, Ch. Baldanov). However, most of the Buddhist clergy adopted a neutral attitude until the end of the Civil War.

The leadership of the Kalmyk Buddhist clergy, in order to establish an official position in relation to the new government, held active consultations with Buddhists from other regions of Russia. Believers expressed concern over Soviet policy towards their faith, especially after the Bolsheviks adopted the decree of 1918 on church and state separation. The Buddhists, like adherents of other faiths, hoped that this separation would, first and foremost, protect their Church from state interference in its affairs.

However, as became readily apparent, the Soviet state constantly intervened in church life. The Bolsheviks’ creation of a commission that imposed its “invaluable instructions” on the bishops initiated this interference. Persecution, which began in 1917, did not cease, and over time increased in scale and form.

The first stage (1917–1920) of repression against the Buddhist and Orthodox churches in Kalmykia includes the events surrounding the revolution and seizure of power in the country, and is notable for the looting by white and red military units of church and khurul wealth. It is indisputable that the revolutionary events of 1917 led to the collapse of the moral foundations of society, which hindered the Buddhist clergy from fulfilling its basic function of spiritual service to the Kalmyk people. However, the on-going civil war on Kalmyk territory prevented the still-feeble Soviet state from fully implementing its repressive anti-religious policy.

In the second stage (1921–1923), state policy, based on the general message coming from the Soviet leadership, turned to repressive measures against clergymen and believers of all faiths. In connection with the mass famine in the Volga region – Kalmykia included – confiscation of church valuables and property proceeded as a means of providing aid to the starving population. The authorities also attempted to destroy the clergy from within by fostering division among religious figures.

The third stage – the period of agricultural collectivization (1929–1931) – is notable for massive repressions in the region directed at kulaks and the clergy that was initiated by the Central Executive Committee Resolution of April 8, 1929, “On Religious Associations.”

The fourth stage – the years of the “Great Terror” (1937–1938) – was marked by the repression and liquidation of Buddhist religious figures, as well as the mass arrest and execution of leading party, state, and economic officials.

Let us consider and characterize in greater detail the first two stages of state-church relations in Kalmykia.

The first stage, in our view, is characterized by revolutionary chaos, permissiveness, immorality, the destruction of religious cults, and the death or exodus from Buddhist affairs of many clerics. At this time, the first decrees of the Soviet state appeared, undermining the economic and social foundations of the church. The first Soviet decree, “The Decree on Land” (October 1917), deprived the church of all “monastic and church lands with all their living and dead implements, buildings, and supplies.” The decree of January 23, 1918, “On the Separation of Church from State and School from Church,” deprived the church and religious communities of their property and legal standing.³ Shortly thereafter, another document entitled, “Instruction on the Procedure for the Implementation of the Decree,” appeared, which regulated church life in detail. Following these decrees, the Buddhist church, itself a large landowner, saw its economic activity severely limited and its economic base undermined.

In July 1918, the First Congress of Soviet Deputies of the Laboring Kalmyk People deliberately failed to provide for the material maintenance of the lama and other clerics in its financial decision.⁴ That September, the Chairman of the Central Executive Committee of the Kalmyk Laboring People, A.Ch. Chapchayev, in his report to the First Astrakhan meeting of the heads of the departments of internal management, expressed support for the decision of the Soviet authorities to separate church from state.⁵ However, until the autumn of 1918, Kalmyk authorities, due to subjective and objective factors that

developed on the Kalmyk steppe, could not actively intervene in the affairs of the Buddhist church or in the sphere of its economic interests.

Economic and administrative pressure on religious organizations in the country increased from the end of 1918. The Liquidation Commission (Department) of the RSFSR People’s Commissariat of Justice (NKIust) was established to abolish the administrative and management structures of the church. In November 1918, the Liquidation Commission requested specific information from republican and regional executive committees, including Kalmykia, regarding the conduct of the nationalization of church property.

The Second Extraordinary Congress of Soviets of Kalmykia adopted the decision to seize kubitkas, not only from prosperous segments of the population, but also from the khuruls, as billets for Kalmyk Red Army draftees. The First Congress of the Representatives of Land Departments and Aimak Councils of Kalmykia declared all Buddhist church property, its living and dead inventory (cattle, buildings and valuables), property of a non-laboring economy, and therefore national property subject to registration by Soviet authorities.

The Third Congress of Soviet Deputies of the Kalmyk Laboring People, in December 1918, proposed devoting special attention to the gelungs (high priests) when collecting the extraordinary revolutionary tax. In the words of the congress resolution: “Register all the wealthy, the speculators...and gelungs, and employ the most repressive measures when collecting the tax.”⁶ Clearly, the resolution equated the Buddhist clergy with all the speculators and fallen elements of the time.

The documents adopted at the regional level set the flywheel of the Soviet state’s repressive machine into full motion against the Buddhist and Orthodox clergy in Kalmykia.

From 1919, the authorities energetically began to nationalize and expropriate church property by administrative and military means. The local authorities of the Sereb-Djapov aimak (village), Khosheutovsky ulus (district), decided “to categorize Khurul cattle as aimak public property,” and obliged the aimak council to register it and strictly implement their decision.⁷ Similar decisions were taken in many aimaks and, in general, all nationalized khurul cattle was placed under the authority of aimak executive committees for pasturing and safeguarding.

The struggle against the religious views of the population in Kalmykia did not start immediately. During the Civil War, the Bolshevik position in the region remained weak, preventing the Party from fully implementing its ideas or influencing popular opinion. In turn, Buddhist clergymen during this period did not seek to affect the political mood of the Kalmyk population, concentrating instead on retaining their property and resolving

economic problems. Many Buddhist monks abandoned their khuruls when military operations threatened, fearing looting by both sides in the conflict. In the khurul of Tsanid-Choir (the higher philosophical-Buddhist school) the clergy even ceased instructing their students for a time. In some khuruls, clergymen refrained, as far as possible, from communicating with the laity. Given this behavior, the authorities could not accuse the clergy of anti-Soviet propaganda not matter how strongly they suspected it of continuing religious activity.

The deputies to the Eighth Congress of the Russian Communist Party (March 1919) realized that their religious policy had resulted in violent excess, and now resolved to turn to extensive anti-religious propaganda. Local governing bodies had launched a large-scale operation to destroy church shrines, such as the relics of the holy righteous of the Orthodox Church. The religious valuables of the Kalmyk people were also subjected to the same fate. As an eyewitness testified, the Platov Khurul of the Don Kalmyks “was abandoned by all. The doors and windows, both in the gelung’s houses and in the main temple, were opened, part of the furniture had been tossed out... I saw a large bronze gilded statue of the Buddha. The Reds made it a shooting target. The chest of the Buddha was riddled with bullets... In another place the huge library of Novo-Alekseev Khurul... was turned into bedding for the trench... from the silk images of the Buddha, the wives of the Red Army soldiers made themselves skirts.”⁸

Most of the population in Kalmykia and in the Russian regions continued to feel the need for religious faith. Moreover, during this period the Buddhist clergy’s influence on believers remained significant. Given this, the Soviet state decided to abandon force in favor of a long-term program to destabilize the church from the outside. By aggravating existing disagreements among church leaders – orthodox against conservative and modernist against renovationist groups – party leaders hoped to affect a split. Officials also endeavored to draw the mass of believers into the conflict as part of a gradual effort to breakdown the entire confessional field.

The Renovationist movement within the Kalmyk Buddhist clergy, initiated and actively supported by the leadership of Kalmykia, dates back to 1920. The movement was headed by the Dalai Lama’s representative and hambo-lama, Agvan Dordzhiev; Gavva Seperov, the shajin-lama of the Kalmyk people since 1920; Sharab Tepkin, deputy to the Tibetan representative in the RSFSR since 1922. The irreconcilable struggle between conservatives and renovationists ultimately led to the overall weakening of Buddhism in Kalmykia. In any event, given the Bolsheviks’ wholesale rejection of religion, it is now clear that neither

groups’ efforts could have brought about the flourishing of Buddhism. Such hostile conditions as obtained precluded the possibility of attaining a “religious paradise” in a single territory.

The second stage, was characterized by the policy of “War Communism,” general devastation, and famine. During this period, the vehement antireligionists, Lenin and L.D. Trotsky, hungered after a complete and final victory over religion, and the famine that broke out in 1921, covering almost forty percent of the country’s territory, served them well. The Russian peasantry confronted moral breakdown, physical extinction, social degradation, and complete economic collapse. According to *Izvestia*, “In Stavropol gubernia, in the spring of 1921, more than 400,000 people were starving. In the uezd, eighty-five percent of the population is starving. People are devouring everything: old sheepskin coats, scraps of leather, etc. Dogs and cats are delicacies.”⁹ In those days, A.M. Amur-Sanan, a member of the Kalmyk Executive Committee, emotionally noted that “the Kalmyk people are experiencing the black days of extinction... The Kalmyks are dying silently and submissively. Such a strange, people, full of fanaticism, prefer to die on their steppe than trouble others.”¹⁰

On December 27, 1921, the All-Russian Central Executive Committee adopted the decree, “On Valuables in Churches and Monasteries,” and on February 22, 1922 issued a decree on the seizure of church and monastic valuables unnecessary for divine services “that can be used to fight hunger in the Volga region and sow the fields.”¹¹ In March 19, 1922, Lenin wrote a secret letter to V.M. Molotov [Copying and disseminating the letter was forbidden. – *E.B.*] in which the leader of the international proletariat orders: “Carry out the confiscation of church valuables with the most furious and ruthless energy, not halting before the suppression of any resistance... the greater the number of reactionary clergy and reactionary bourgeoisie we manage to shoot in this regard, the better.”¹²

To implement the Leninist directives and instructions of the published resolutions of the All-Russian Central Executive Committee, secret commissions for the seizure of church valuables began to be created everywhere, in addition to official commissions subordinate to the commissions to help famine victims. In actuality, a secret commission oversaw the seizure of valuables.

In the Kalmyk Autonomous Region, Ulumdzhi Lavgaev (or Zodaev in other documents) was appointed to head the official commission for the seizure of church valuables of the Kalmyk Regional Committee of the Russian Communist Party (Bolsheviks). A “troika” consisting of Kozlov, the head of the Kalmyk Regional Committee of the Russian Communist Party (Bolsheviks), A.G. Maslov, commander of special

forces (hereinafter CHON), and Kanter, a department head of the Astrakhan GPU made up the leadership of the commission. The secret commission instructed all ulus (district) executive committees to remove gold, silver, and precious stones from the churches within a month.¹³

Local authorities issued resolutions on immediate confiscation and widespread approval in the context of famine conditions. From the start, the authorities wanted to uncover the attitude of the Buddhist clergy to the seizures given the clergy's authority among believers. Therefore, the regional authorities responsible for the seizures were forced to appeal to the Buddhist clergy leadership. In order to gain their support, Central Executive Committee member, Chavichalov, and the representative of the Manych Ulus Executive Committee, Lidzhiev, visited Gavva Seperov, the lama of the Kalmyk people, in Chor-Khurul. As the local administration reported to the Center: "in the uluses (districts) the mood of the Buddhist clergy was assessed as benevolent, there were no openly antagonistic actions, the seizure took place calmly and under normal conditions."¹⁴ Protests, like those in the central regions of Russia, did not occur in Kalmykia. If they did, they were immediately and decisively suppressed by the NKVD.

In the post-revolutionary period, Kalmyk khuruls were not notable for richness of decoration or an abundance of precious articles, stark evidence of the civil war when Red and White troops had looted them. Thus, for example, the representative of the official commission for the confiscation of church valuables, U. Lavgaev, reported that "in the Maloderbetovskiy ulus, the churches and khuruls were so poor that except for the Kiselev Church there is nothing to confiscate."¹⁵ An inspection of Orthodox churches in the Remontnensky district, and the Buddhist khuruls of Manych and Ikitsokhurovskiy uluses yielded disappointing results for the leaders of the Kalmyk Autonomous Region. A special meeting of the Presidium of the Kalmyk Regional Executive Committee noted: "in the Kalmyk region there are neither monasteries nor rich churches because gold and silver articles are not used, and all the adornments consist of images of the Buddha painted on canvas, rarely on silk..."¹⁶

At the same time, some confiscated religious objects had a historical and museum value; they added a solemnity and grandeur to religious services that had not only aesthetic, but also ideological significance. By no means did all confiscated valuables help feed famine victims as intended. Part of the national wealth was stolen, plundered by a small band of functionaries. The NKVD informed regional leaders of instances of mass embezzlement of property and valuables confiscated from khuruls in the uluses and at the local level. As a "contributing factor" in the looting of the seized assets, these reports point to "the complete

absence of any inventory of the valuables. At the local level there were no certificates or lists of valuable gold and silver items. Mass abuse, a gross violation of revolutionary legality."¹⁷

In the end, church valuables in the region were confiscated: "silver items, 28 *funty* 37½ *zlotniky*; a number of defective small and large silver coins, 2 *funty* 75 *zlotniky*; defective pocket change, 106 coins weighing 54½ *zlotniky*; various silver coins amounting to 157 rubles 75 kopecks."¹⁸

The 1922 campaign to seize church valuables in Kalmykia accorded with the Soviet state's anti-religious policy. It was, in fact, a cruel state act intended to undermine the economic independence of the entire clergy and, ultimately, liquidate the church, and eliminate religion from public consciousness. The punitive methods used in the campaign transformed it into a battle, the first crushing victory over religion.

During the Soviet era, the clergy was simultaneously subjected to all kinds of discriminatory persecution. In particular, the Buddhist lamas were deprived of their voting rights. According to the estimates of Professor K. Maximov, in the elections to the Soviets in 1924 about 1,700 people were deprived of the right to vote in Kalmykia; of these more than fifty percent were clergy. In 1925, in accordance with the instruction of the All-Russian Central Executive Committee, "On the Procedure for Depriving Citizens of Electoral Rights," of August 11, 1924, 1,189 people or 63.8 % of clerics were not allowed to vote in the election campaign of 1925. In 1926, 850 people, or 72.4 % of the Buddhist clergy, were not allowed to vote.¹⁹

In subsequent years, limits on the clergy's political rights increased. The next instructions, in 1926, expanded the number of those deprived of the vote. Khurul auxiliary staff had already been deprived of electoral rights whether or not they received remuneration for the performance of their duties.²⁰ It became impossible for the clergy to attain "legal" citizenship and thereby avoid the shameful stigma of "nonvoter" during the years of Soviet power. The revoking of electoral rights deprived this group of social support and obstructed the activities of the church.

One feature of state religious policy in relation to the Kalmyk Buddhist clergy in the 1920s is that the Bolsheviks sought to establish visibly friendly relations with them in order to advance "world revolution" in the East. The Buddhists of Kalmykia had direct connections with Tibet, and Soviet authorities tried to use this for their own purposes. In turn, taking advantage of this state strategy, on July 19, 1923 the Buddhist clergy of Kalmykia held a congress with the direct support of the People's Commissariat for Foreign Affairs and the People's Commissariat for Nationalities. The hambo-lama, A. Dordzhiev, who enjoyed

special immunity due to untouchability, prepared and organized the congress. All Soviet institutions and officials were obliged to provide him with every possible form of assistance during his official trips through the RSFSR.²¹ The Presidium of the Kalmyk Autonomous Region made the decision to hold the Buddhist congress in Tsanid-Choira Khurul, Manych ulus.

The congress adopted two fundamental documents: “The Regulations of the Inner Life of Monastics in the Buddhist khuruls of the Kalmyk Autonomous Region” and the “Directive on the Management of Spiritual Affairs of Kalmyk Believers: the Buddhists of the Kalmyk Region.” The congress also gave its approval to the Lama of the Kalmyk people, the Central Spiritual Council (including representatives of the clergy and laity), and the Auditing Commission.²² The congress formalized the juridical norms of the Buddhist confessions in the Kalmyk Autonomous Region. The social status of Buddhism had grown substantially and received temporary state support.

Soviet authorities, however, did not consider the Buddhism an “ally.” Already, in January 1924, the Kalmyk Regional Committee of the Russian Communist Party (Bolsheviks) decisively decided “to crush the priest” and then “to deal with God.” Local leaders and rank-and-file Communists were obligated to “systematically expose the tricks of the priests (gelungs) and to prove their uselessness.” In this way, the authority of the Buddhist confession was undermined, following which the authorities categorically raised the “question of closing the Khuruls” and “to begin the assault on God (*nachat' shturmovat' Boga*),”²³ thereby pursuing a policy of open struggle against religion with the goal of its complete elimination.

Thus, at Moscow’s direction, Kalmyk authorities pursued a resolute and uncompromising struggle against religion. By local decision, the khuruls’ economic base was destroyed, and some khuruls forcibly closed. Dozens of higher lamas were subjected to repression and, under the pressure of the authorities, many priests abandoned the priesthood. Buddhism continued to be practiced, although not as openly as before. Religious consciousness was not eradicated despite the new authorities’ threats of reprisal and persecution. This indicates that the accelerated implementation of the Bolshevik party’s struggle against religion in the mid-1920s did not result in the policy’s full implementation, particularly in the Kalmyk Autonomous Region.

In the years that followed, the Soviet state undertook a more severe anti-religious campaign in order to destroy religion in general. By the end of the 1920s, not a single khurul operated in Kalmykia. The anti-religious campaign succeeded in obliterating the main thing – the sys-

tem for reproducing Buddhist knowledge and its best adherents. Despite the prohibitions and persecutions, the arbitrariness and the lawlessness, however, the Kalmyk people in the Soviet era managed to preserve Buddhist traditions and values. A spiritual inheritance that helped them survive the most severe conditions of moral and physical suffering during the period of illegal deportation, and served as the basis for Buddhism’s revival in Kalmykia in the 1990s.

Notes (Endnotes)

- ¹ Синицын Ф.Л. «Красная буря»: Советское государство и буддизм в 1917 – 1946 гг. СПб., 2013. С. 31.
- ² Бакаева Э.П. Центральное духовное управление буддистов: Представления и реальность // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2012. № 4. С. 34–44; Дорджиева Г.Ш. Репрессированное буддийское духовенство Калмыкии. Элиста, 2014; Максимов К.Н. Трагедия народа: Репрессии в Калмыкии: 1918 – 1940-е гг. М., 2004; Бадмаева Е.Н. Религиозная политика Советского государства в период нэпа: На примере Калмыцкой автономной области // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. 2009. Вып. 9. № 1 (56). С. 107–113.
- ³ Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР (СУ РСФСР). 1918. № 18. С. 263.
- ⁴ Установление и упрочение Советской власти в Калмыкии (январь 1918–апрель 1919 гг.): Сборник документов. Элиста, 1973. С. 65, 66.
- ⁵ Ibidem. С. 95.
- ⁶ Ibidem. С. 167.
- ⁷ Маслов А.Г. Страницы былого: Из воспоминаний участника борьбы за установление Советской власти в Калмыкии. Элиста, 1962. С. 59, 60.
- ⁸ Басхаев А.Н. Буддийская церковь Калмыкии: 1900 – 1943 гг. Элиста, 2007. С. 81; Джевзинов П. Донские калмыки-казаки в борьбе с большевизмом в 1917 – 1920 гг. New Jersey (New York), 1968. С. 17. [Typescript].
- ⁹ Известия. 1921. 20 апр.
- ¹⁰ Амур-Санан А. М. Вымирающая степь // Жизнь национальностей. 1922. 22 марта. № 4 (10). С. 10.
- ¹¹ State Archive of Russian Federation (GA RF). F. P-1065. Op. 4. D. 31. L. 139.
- ¹² Архивы Кремля: Политбюро и церковь, 1922 – 1925 гг. Кн. 1. М.; Новосибирск, 1997. С. 140, 144.
- ¹³ National Archive of Republic of Kalmykia (NA RK). F. P-3. Op. 2. D. 280. L. 15.
- ¹⁴ NA RK. F. P-3. Op. 10с. D. 19. L. 72.
- ¹⁵ NA RK. F. P-3. Op. 2. D. 280. L. 18.
- ¹⁶ NA RK. F. P-3. Op. 2. D. 312. L. 80б.

- ¹⁷ NA RK. F. П-1. Оп. 2. D. 147. L. 17.
- ¹⁸ NA RK. F. P-82. Оп. 1. D. 164. L. 103.
- ¹⁹ Максимов К.Н. Трагедия народа: Репрессии в Калмыкии: 1918 – 1940-е гг. М., 2004. С. 218.
- ²⁰ Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства (СУ РСФСР). 1926. № 75. Ст. 577. Гл. II. Ст. 15.
- ²¹ Максимов К.Н. Трагедия народа: Репрессии в Калмыкии: 1918 – 1940-е гг. М., 2004. С. 207.
- ²² NA RK. F. P-3. Оп. 2. D. 509. L. 13.
- ²³ Дорджиева Г.Ш. Репрессированное буддийское духовенство Калмыкии. Элиста, 2014. С. 13.

Author, Abstract, Key words

Ekaterina N. Badmaeva – Doctor of History, Deputy Director, Kalmyk Scientific Center, Russian Academy of Sciences (Elista, Republic of Kalmykia, Russia). en-badmaeva@yandex.ru

The article, based on previously unknown archival materials in the National Archive of the Republic of Kalmykia, takes an in-depth look at the policy of the Soviet government towards Buddhism. The nature and reasons for the party-state's accelerated "solution of the religious (Buddhist) question" in Kalmykia in 1917–1924 are thoroughly analyzed. Particular attention is paid to regional authorities, who, acting on Moscow's instructions, conducted an uncompromising struggle against religion. The author comes to the conclusion that the state's policy on religion was clearly repressive in the period under review, and did not accord with the slogans promoted by the Bolshevik party and Soviet government. As a result, not a single khurul remained active in Kalmykia at the end of the 1920s. During the Soviet era, the clergy was simultaneously subjected to all manner of discriminatory persecution. The anti-religious campaign destroyed the system that reproduced Buddhist knowledge and its best adherents. Yet, despite strict prohibitions and persecutions, authoritarian arbitrariness and lawlessness, the Kalmyk people preserved Buddhist traditions and values, and subsequently survived the harshest moral and physical suffering.

Kalmykia, Kalmyk Autonomous Region, Kalmyks, Buddhism, Buddhist clergy, Russian Communist Party (Bolsheviks) (RCP(b)), Soviet State, religious policy, atheistic propaganda, antireligious campaign, repressions.

References

(Articles from Scientific Journals)

1. Badmaeva E.N. Religioznaya politika Sovetskogo gosudarstva v period nepa: Na primere Kalmytskoy avtonomnoy oblasti [The Religious Policy of the Soviet State during the NEP Period: The Example of the Kalmyk Autonomous Region.]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. Ekonomika. Informatika*, 2009, vol. 9, no. 1 (56), pp. 107–113. (In Russ.).

2. Bakaeva E.P. Tsentralnoe dukhovnoe upravlenie buddistov: Predstavleniya i realnost [The Central Spiritual Board of Buddhists: Image and Reality.]. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN*, 2012, no. 4, pp. 34–44. (In Russ.).

(Monographs)

3. Baskhaev A.N. Buddiyskaya tserkov Kalmykii: 1900 – 1943 gg. [The Buddhist Church of Kalmykia, 1900 – 1943.]. Elista, 2007, p. 81. (In Russ.).
4. Dordzhieva G.Sh. Repressirovannoe buddiyskoe dukhovenstvo Kalmykii [The Repressed Buddhist Clergy of Kalmykia.]. Elista, 2014, 191 p. (In Russ.).
5. Maksimov K.N. Tragediya naroda: Repressii v Kalmykii: 1918 – 1940-е гг. [A People's Tragedy: Repressions in Kalmykia: 1918 – 1940s.]. Moscow, 2004, 311 p. (In Russ.).
6. Sinitsyn F.L. "Krasnaya burya": Sovetskoe gosudarstvo i buddizm v 1917 – 1946 gg. ["Red Storm": The Soviet State and Buddhism, 1917 – 1946.]. St. Petersburg, 2013, p. 31. (In Russ.).

Автор, аннотация, ключевые слова

Бадмаева Екатерина Николаевна – докт. ист. наук, заместитель директора по научной работе Калмыцкого научного центра Российской академии наук (Элиста). en-badmaeva@yandex.ru

В статье на основе ранее неизвестных архивных материалов Национального архива Республики Калмыкия рассматривается политика органов Советской власти по отношению к буддизму. обстоятельно проанализирован характер и причины ускоренного «решения религиозного (буддийского) вопроса» партийно-государственными структурами Калмыкии в 1917–1924 гг. Особое внимание уделяется региональным органам власти, которая по указанию центральных властей вела бескомпромиссную борьбу с религией. Автор приходит к выводу, что государственная конфессиональная политика носила в обозначенный период явно репрессивный характер, в основном не согласованная с лозунгами, выдвигаемыми партией большевиков и советским правительством. Политика Советской власти привела к тому, что к концу 1920-х гг. на территории Калмыкии не стало ни одного действующего хурула. В годы Советской власти духовенство одновременно подвергалось всеми видами дискриминационных преследований. Антирелигиозная кампания уничтожила главное – систему воспроизводства буддийского знания и лучших его носителей. И, несмотря на жесткие запреты и гонения, авторитарный произвол и беззаконие, калмыцкий народ сумел сохранить буддийские традиции и ценности, и впоследствии выжить в тяжелейших условиях моральных и физических страданий.

Калмыкия, Калмыцкая автономная область, калмыки, буддизм, буддийские священнослужители, Российская коммунистическая партия (большевиков) (РКП(б)), Советское государство, религиозная политика, атеистическая пропаганда, антирелигиозная кампания, репрессии.

Д.В. Хаминов

ТОМСКИЕ ИСТОРИКИ В ГОРНИЛЕ ПОСЛЕВОЕННЫХ ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ КАМПАНИЙ*

D. Khaminov

The Tomsk Historians in the Crucible of the Post-War Ideological Campaigns

Сибирский научно-образовательный комплекс послевоенного десятилетия, с точки зрения развития и деятельности в нем учреждений и организаций, которые занимались подготовкой профессиональных историков и проводили исторические исследования, являлся еще довольно молодым, на стадии становления, регионом. На огромной территории от Урала до, фактически, Дальнего Востока еще шел процесс открытия в административных центрах сибирских регионов и в крупных городах педагогических и учительских институтов (начало этому процессу было положено только в первой половине 1930-х гг.), исторических факультетов и отделений в них. В сибирских национальных субъектах (АССР и Автономных областях) работали Научно-исследовательские институты языка, литературы, истории (НИИ ЯЛИ) – комплексные гуманитарные научные учреждения, изучавшие народы этих регионов. Деятельность педагогических и учительских институтов и НИИ ЯЛИ была направлена исключительно на удовлетворение потребностей собственных микро-регионов¹.

В имевшихся на тот период двух единственных университетах Азиатской части СССР – Томском и Иркутском – исторические отделения при историко-филологических факультетах (ИФФ) были созданы только в самом начале войны.

В Сибири сложилась структура двухуровневой периферии: сама Сибирь по отношению к центру являлась периферийным регионом, а внутри этого региона были периферии более низкого

* Исследование выполнено при поддержке гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук: «Историческое знание во второй половине XIX – начале XXI веков как конструкт общественно-культурного сознания, политико-идеологической и гражданской идентичности: связь времен и поколений (на примере сибирского научно-образовательного комплекса)» (МК-6824.2016.6).

порядка по отношению к двум сибирским научно-образовательным центрам с университетами и отраслевыми институтами – Томску и Иркутску.

Эти организационно-структурные условия и обусловили специфику идеологических кампаний периода «позднего» сталинизма в Сибири и в отдельных ее научно-образовательных центрах, таких как Томск. Это выражалось, с одной стороны, в меньшем накале этих кампаний для самих сибирских историков, а с другой стороны, сибирские (равно как и среднеазиатские) вузы и научные институты стали для историков центра местами, где они могли укрыться от преследований в их родных вузах и научных учреждениях.

* * *

Исторические факультеты и отделения педагогических и учительских институтов (последние входили в состав пединститутов) успешно работали с начала 1930-х гг. Сложнее складывалась ситуация на исторических отделениях университетов: они были молоды и ощущали острую потребность в высококвалифицированных научно-педагогических кадрах. Томск и Иркутск стали крупными сибирскими научно-образовательными центрами в годы войны благодаря эвакуации научно-педагогических работников и учреждений из Европейской части СССР.

Исторические подразделения Томского государственного университета (ТГУ) и Томского государственного педагогического института (ТГПИ) заняли высокие стартовые позиции в годы войны, усилившись эвакуированными в Томск научно-педагогическими кадрами. Приезжие профессора стали параллельно работать в обоих вузах. В эвакуации оказались ведущие советские историки – профессор МГУ А.И. Неусыхин (специалист по истории средних веков и историографии), профессор Ф.А. Хейфец (специалист по новой и новейшей истории, до войны являвшаяся докторантом Института истории АН СССР и работавшая заведующей кафедрой всеобщей истории Историко-архивного института НКВД), специалист по истории СССР, профессор академии им. И.В. Сталина и Московского пединститута Э.Н. Ярошевский и другие².

После их реэвакуации в первые послевоенные годы ТГУ и ТГПИ стали испытывать крайний дефицит в кадрах (абсолютно схожая ситуация наблюдалась и в Иркутске). Из вузов уехали практически все профессора и большая часть доцентов, на некоторых кафедрах было по одному кандидату наук, все остальные были сотрудники без ученых степеней и званий.

Руководство (вузовское, городское, даже областное) старалось привлечь в томские вузы научно-педагогические кадры из центра (прежде всего, в университет, а в пединститут – по совместительству), что частично им удавалось. Но одновременно при развернувшихся идеологических кампаниях, происходило обратное – исключение из числа преподавателей тех, кто попадал под каток репрессий.

В статье рассматриваются научно-педагогические биографии пяти историков, судьбы которых ярко отразили ту историческую эпоху. Это – профессора Константин Эдуардович Гриневиц и Александр Петрович Дульзон, доценты Рувим Ерухимович Кугель и Владимир Юльевич Гессен, преподаватель Давид Львович Лившиц.

Их профессиональные биографии были связаны с Томском еще с предвоенного и военного периода: они являлись для Томского университета и пединститута штатными, «своими» сотрудниками. Многих из них объединяла схожая веха биографии: в Томск они попали не по доброй воле.

* * *

Первым в Томске из Европейской части СССР появился кандидат исторических наук Кугель по направлению партийных органов для укрепления кадров как выпускник Института красной профессуры. Его взяли на работу на исторический факультет Томского пединститута (ТГПИ был открыт в 1931 г., с 1932 г. в нем было открыто историческое отделение, с 1934 г. преобразованное в факультет). Там он преподавал всеобщую историю, изучал историю международных отношений в период Первой мировой войны. В свое время он был активным участником «Бунда», но после его ликвидации в 1921 г. быстро переориентировался и в начале 1920-х гг. вступил в РКП(б), став активным участником общественно-политической жизни, на протяжении 1920-х – 1930-х гг. работал «по партийной линии»³.

Большой террор, по счастливому стечению обстоятельств, затронул Кугеля в минимальной степени. В 1937 г. он был исключен из партии «как выходец из буржуазной семьи [Сын лесопромышленника из Минска. – Д.Х.] и за связь с врагом народа», был уволен «за ряд политических ошибок»⁴, но вскоре был восстановлен в партии и на работе в прежней должности исполняющего обязанности заведующего кафедрой всеобщей истории ТГПИ. Однако спустя год, в начале 1938 г., против него было организовано «персональное дело», рассмотренное на расширенном заседании кафедры

всеобщей истории⁵ и проходившее в форме разбора статьи «При содействии гнилых либералов», опубликованной в газете «Красное знамя»⁶ группой студентов-историков. Кугель был обвинен в приверженности «буржуазной историографии», в отрицании марксистских научных основ при чтении курса новой истории, где он, по мнению «авторов» статьи, давал неверные толкования и оценки ключевым событиям мировой истории, прежде всего европейским революциям XVIII – начала XX вв., допускал существенные теоретические ошибки и прочее. Также Кугеля обвиняли в том, что он «не дал критики антиленинских концепций Покровского, Тарле, да и вообще, не занимался вопросом историографии»⁷.

По итогам разбирательства, Кугелю удалось избежать дисциплинарных, административных или, тем более, уголовных последствий. Но весной 1939 г. вновь в «Красном знамени» появилась заметка «Кто виноват»⁸, в которой Кугель обвинялся группой студентов исторического факультета ТГПИ в низком идейно-теоретическом и методологическом уровне чтения лекций (курсы «Новой истории (Послевоенный период)» и «Истории колониальных и зависимых стран») и в «невычитывании» важного лекционного материала (по периоду Коминтерна) в полном объеме, а также в откровенных антисоветских высказываниях. Сразу же состоялось совещание дирекции института с партийно-комсомольской группой 4-го курса исторического факультета по обсуждению статьи⁹.

После совещания директором ТГПИ Кугелю был объявлен выговор и он был снят с должности заведующего кафедрой, но на время оставлен на ней преподавателем. В июле 1939 г. он был уволен приказом директора ТГПИ, однако по решению специальной комиссии, выделенной бюро секции научных работников и месткомом ТГПИ, куда он обратился с письменным и устным заявлениями и опровержениями обвинений в свой адрес, был вновь восстановлен в преподавательской должности без каких-либо санкций в отношении него¹⁰.

Отрицательным последствием этих событий стало то, что единственные кафедры исторического факультета ТГПИ (всеобщей истории и истории СССР) были слиты в единую кафедру истории¹¹.

В 1944 г., после реэвакуации из Томска профессора Хейфец, Кугель был приглашен в ТГУ возглавить кафедру новой истории (как единственный на тот момент в Томске специалист по этому периоду), которой она заведовала с 1941 г., с момента создания специально «под нее» этой структуры¹².

В отличие от Кугеля, Гриневич получил классическое историческое образование на ИФФ Харьковского Императорского университета (1910 – 1915 гг.). После Гражданской войны преподавал в Петроградском университете, руководил музеями Севастополя, проводил археологические раскопки в Северном Причерноморье. В 1931–1933 гг. он работал на этнологическом факультете 1-го МГУ в должности профессора. В 1933 г. постановлением Особого совещания при Коллегии ОГПУ Гриневич был выслан в Новосибирск, где с 1933 по 1935 гг. занимал должность ученого консультанта Западно-Сибирского краевого музея. В 1935 г. за знакомство со ссыльным сослуживцем по музею его заключили в Карагандинский исправительно-трудовой лагерь. Правда, в лагере его определили преподавателем истории, географии и немецкого языка Долинской полной средней школы¹³.

Не известно, как бы сложилась судьба ученого в Карлаге, если бы не открытие в 1940 г. истфака в ТГУ. В том же году он был реабилитирован и сразу же занял должность заведующего кафедрой древней истории (второй кафедрой в ТГУ была кафедра истории народов СССР)¹⁴.

Трагична и судьба Гессена, появившегося в ТГУ уже в годы войны.

Участник Гражданской войны, член партии большевиков, с 1922 по 1924 гг. он обучался в Петроградском университете, в 1929 г. окончил аспирантуру в Институте истории РАНИОН. В 1936 г., когда он работал на историческом факультете ЛГУ, квалификационная комиссия Президиума АН СССР без защиты диссертации присвоила ему ученую степень кандидата исторических наук «за работы по истории рабочей молодежи». В июне 1940 г. он был арестован и осужден за «вредительство» на 8 лет исправительно-трудовых лагерей. Отбывал наказание в томской тюрьме. После освобождения в 1943 г. остался в Томске, поступил в ТГУ доцентом кафедры истории народов СССР.

В последние военные годы в Томске начал работать Дульзон. Он происходил из семьи поволжских немцев-колонистов, что определило как сферу его научных интересов, так и последовавшие за началом войны репрессии по национальному признаку. В 1931 г. Дульзон поступил в аспирантуру при Московском НИИ языкознания по профилю «германское языкознание». В 1938 г. защитил кандидатскую, а в 1940 г. – докторскую диссертацию по немецкой филологии. С 1934 г. он работал в Саратовском пединституте, где заведовал кафедрой германской филологии и общего языкознания¹⁵.

На протяжении 1930-х – начала 1940-х гг. он дважды подвергся репрессиям. В 1934 г. был арестован по обвинению в «контрреволюционной деятельности», но через год освобожден. В октябре 1941 г. как этнический немец был депортирован в Сибирь. Находился в Томске на спецучете до 1954 г. С 1944 г. он получил возможность работать в ТГПИ, а с 1945 г. в ТГУ¹⁶. Будучи творческой натурой и настоящим ученым, в Томске он не замкнулся на сфере своей лингвистической деятельности, а старался расширить ее на богатом местном археологическом и этнографическом материале. Ему были близки и исторические исследования – по этнографии, археологии, культуре коренных народов Сибири.

Позже всех в Томске появился Лившиц. В 1940 г. он окончил Московский институт философии, литературы и истории им. Н.Г. Чернышевского, после чего работал научным сотрудником кабинета древних рукописей Московского исторического музея. Участвовал в войне, командовал ротой стрелкового полка и служил в штабе дивизии. Был дважды ранен; его наградили орденом Красного Знамени. После демобилизации в 1946 г. переехал в Томск, где занялся литературным творчеством: писал и публиковал стихи. И, наконец, он начал преподавать в ТГУ и ТГПИ на кафедрах истории СССР. В ТГУ он также руководил литературным кружком¹⁷.

Яркие, интересные, талантливые, они все пятеро попали в горнило идеологических кампаний второй половины 1940-х – начала 1950-х гг., которые оказали серьезное влияние на их судьбы.

* * *

С начала 1947 г. разворачиваются две составляющие идеологических кампаний, которые стали наиболее рельефно проявляться в среде историков. Первая из них – борьба с «низкопоклонством перед Западом». С одной стороны, она имела целью привитие патриотического начала в работе научно-педагогической интеллигенции, с другой стороны – выработку воинствующего, антизападного настроения в их кругах. Вторая составляющая – борьба с «буржуазным объективизмом». Пагубность этого явления советскими идеологами виделась в том, что он неверно давал объяснение необходимости и закономерности исторического процесса, оправдывал, восхвалял капиталистический строй и якобы мнимой беспартийностью прикрывал буржуазные взгляды. В противоположность ему, советское обществоведение и история должны были утверждать принцип партийности в науке.

Борьба с проявлениями буржуазного объективизма в среде советских историков стала одним из самых распространенных и

действенных механизмов воздействия и давления на провинциальных историков. В программной передовой статье журнала «Вопросы истории» была заложена идеологическая основа этой борьбы: «...Последовательно проводимый принцип классового анализа исторических явлений и последовательная партийность в оценке этих явлений и есть тот водораздел, который отделяет марксиста от объективиста. Забвение классового анализа и принципа партийности в науке, в исследовательской работе неизбежно ведет к переходу на позиции буржуазного объективизма. Это и случилось с некоторыми советскими историками»¹⁸.

В целом, если говорить об общественно-политическом портрете историков и отношения к ним со стороны областных партийных властей, то к ним наблюдалось довольно настороженное, а порой и негативное отношение. В своих постоянных отчетах многочисленных проверяющих комиссии Томского обкома ВКП(б) указывали на то, что «на историко-филологическом факультете имеет место засорение преподавательского состава научными работниками, не внушающими политического доверия и сомнительными по своим настроениям элементами»¹⁹.

Одним из первых в ходе идеологических кампаний подвергся критике, а затем и преследованиям заведующий кафедрой истории СССР Гессен. Его персональное дело было инспирировано уже в первом послевоенном году.

Положение Гессена как неблагонадежного преподавателя усугублялось двумя обстоятельствами. Первое было связано с тем, что к этому времени он уже имел судимость и отбыл наказание по 58-й статье. Второе было связано с тем, что в 1944 г. органами госбезопасности НКВД был арестован студент-историк 5-го курса Каганович и еще двое студентов, учеников Гессена, которые, по данным следствия, «выдвигались им везде как лучшие студенты и которые часто посещали квартиру Гессена»²⁰. Этот эпизод также не характеризовал преподавателя с положительной стороны.

На этот неблагонадежный портрет накладывались еще и обстоятельства, связанные с характеристикой личности самого Гессена в коллективе. Высокообразованный и квалифицированный столичный историк, он нередко высказывал свое собственное отрицательное мнение о качестве преподавания и низком уровне профессиональной квалификации сотрудников ИФФ ТГУ, критиковал декана ИФФ старшего преподавателя З.Я. Бояршинову (закончила заочное отделение истфака ТГПИ) за ее ошибки в руководстве факультетом²¹.

Проведенные на протяжении 1945 г. Отделом пропаганды и агитации Томского обкома ВКП(б) серии проверок деятельности вузов города Томска в годы войны, выявили в работе Гессена ряд «непростительных» нарушений. По результатам проверки Гессену ставилось в вину то, что на своих лекциях по истории Сибири, читаемых в годы Великой Отечественной войны, он много времени отводил немецкому историку Г.Ф. Миллеру, изучавшему Сибирь, и в то же время мало говорил о деятельности таких русских историков, как В.Н. Татищев, М.М. Щербаков, М.В. Ломоносов и их вкладе в изучение истории Сибири. В отчете комиссии говорилось, что это было «политически неправильно в дни борьбы с немецкими войсками превозносить “до небес” историческую значимость деятельности немца-историка Миллера как первоисточника по изучению истории СССР, даже если Миллер и сделал что-то в описании истории Сибири»²². Гессену настоятельно было предложено переоценить роль русских исследователей в изучении истории Сибири и использовать для преподавания документы по истории русской Сибири, имевшиеся в Научной библиотеке ТГУ. Сразу научная и преподавательская работа Гессена была поставлена под контроль декана ИФФ, ректора и кафедры основ марксизма-ленинизма ТГУ. В одной из справок о состоянии ИФФ (1947 г.) указывалось на «разлагающе» действующего на коллектив доцента Гессена²³.

Однако Гессен не смирился со своим положением и не согласился изменить свои взгляды. Поэтому он продолжал подвергаться нападкам со стороны руководства и коллег. В 1948 г. он был вынужден покинуть Томск и переехать в Тамбов, позднее – в Сыктывкар, где он заведовал кафедрой истории СССР в местном пединституте.

Следом и Гриневич, историк с пятном порочащего его заключения в Карлаге, в 1948 г. столкнулся с волной преследований. Осуждение и критика со стороны коллег и бывших товарищей, гонения со стороны руководства факультета и университета были связаны с обвинением в низкопоклонстве перед Западом, а также в «буржуазном объективизме» в его профессиональной преподавательской и научной деятельности и, как следствие, в отсутствии марксистской позиции. Самым ярким и непримиримым его критиком в этом отношении стал Кугель, который сам через некоторое время пострадает от таких же обвинений.

Состоявшаяся в Москве в октябре 1947 г. философская дискуссия по проблемам развития советской философии нашла свое отражение во всех вузах страны и приобрела большой резонанс в кругу ученых-гуманитариев, в том числе и в ТГУ, где была организована целая конференция по итогам философской дискуссии. В ее

работе приняли участие преподаватели и студенты ИФФ. Она же имела непосредственное воздействие на Гриневича.

На конференции возникла принципиальная дискуссия между А.И. Даниловым (ученик профессора Неусыхина, доцент кафедры древней и средней истории, после отъезда из Томска Гриневича стал ее заведующим) и профессором Гриневичем. Причиной этой дискуссии стала недавно опубликованная в «Ученых записках Томского университета» статья Гриневича «Солон (до 594 г. до н.э.). Исследовательский этюд по истории Афин VI в. до н.э.», не имевшая, казалось бы, какого бы то ни было прямого отношения к советской действительности, политике, идеологии и современности вообще. Данилов обрушился с резкой критикой на Гриневича, обвинив его в приверженности «традиции буржуазного объективизма», которые он усмотрел в этой работе. Он критиковал Гриневича за «немарксистское решение важного вопроса в исторической науке»²⁴.

После этих событий профессор Гриневич больше не мог оставаться в стенах Томского госуниверситета. В конце 1948 г. из районного отделения милиции ему было дано предписание в течение 48-ми часов покинуть Томск, после чего он уехал из города. С 1948 по 1953 гг. Гриневич состоял профессором Кабардинского пединститута (Нальчик). С 1953 и до 1966 гг. он заведовал кафедрой древней истории и археологии Харьковского университета²⁵.

Следующий этап борьбы (1949–1953 гг.) с космополитизмом и борьба против «безродных космополитов», включал в себя ряд специальных научно-отраслевых дискуссий, в том числе дискуссию по вопросам языкознания и критики школы академика Н.Я. Марра, которые опосредованно ударили по советским историкам.

В порядке контроля за выполнением директив ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам на ИФФ ТГУ проводились посещения лекций заведующими кафедрами и сотрудниками деканата. Уже новый декан факультета – доцент А.А. Скворцова – проверяла постановку курса «Введение в языкознание», читавшегося профессором Дульзоном, а заместитель декана доцент А.И. Данилов и и.о. заведующего кафедрой истории СССР А.П. Бородавкин неоднократно проверяли чтение курса истории СССР старшим преподавателем кафедры истории СССР ТГУ Лившицем. Работа последнего стала предметом обсуждения на кафедре истории СССР, где ему было указано на недостатки в использовании исторического материала читаемого курса в воспитательных целях²⁶.

Последовавшие репрессии в отношении Лившица были направлены преимущественно против его поэтического творчества и его стихов²⁷.

Письмо секретариата томской литературной группы «Бездейные стихи поэта Д. Лившица», помещенное в газете «Красное знамя», содержало обвинения его в «бездействии, декадентстве, космополитизме»²⁸. Также его обвиняли в национализме (сионизме), проведении антисоветской агитации, в сочувствии государству Израиль и т.п. Лившиц был осужден Томским областным судом 2 декабря 1950 г. по ст. 58-10 ч. 1 УК РСФСР («Пропаганда или агитация, содержащая призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений, а равно распространение или изготовление или хранение литературы того же содержания») на 10 лет лишения свободы²⁹.

После нескольких жалоб на решение суда, направленных Генеральному прокурору СССР, в декабре 1955 г. Лившиц был досрочно освобожден на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 3 октября 1955 г., а 15 октября 1958 г. был полностью реабилитирован «за отсутствием состава преступления» и продолжил работу в Томске техническим редактором Томского книжного издательства³⁰.

В ходе борьбы с космополитизмом профессор кафедры литературы и русского языка ТГУ Дульзон (основное место его работы – ТГПИ) в 1948 г. был вынужден уйти из университета. Причиной его ухода было мнение Ученого совета ТГУ, что Дульзон преподносил материал «с точки зрения буржуазного объективизма» и мало внимания в своих лекциях уделял роли советских лингвистов, в частности академику Марру, в развитии языкознания³¹.

Служебное рвение партийного руководства и администрации на местах и в вузах порой гипертрофировало изначальные установки и задачи, которые ставились перед ними областным партийным руководством, и дело доходило до парадокса. Например, на закрытых партийных собраниях ТГПИ, проходивших в начале 1947/48 учебного года, Дульзон подвергся острой критике за ссылки в его лекционных курсах на иностранных ученых, дореволюционных русских буржуазных и либеральных «низкопоклонников», а также за «не внимание к трудам советских ученых», в том числе академика Н.Я. Марра. Спустя некоторое время Марр уже сам станет объектом нападок и критики как в центре, так и в регионах, а профессор Дульзон в ТГПИ будет обвинен уже в «буржуазном

объективизме» и «марризме» – приверженности материалистическому учению академика Марра³².

Символична и показательна судьба Кугеля. Он одновременно – и активный участник идеологических кампаний, идейный борец с проявлениями всевозможных отклонений в среде своих коллег (чего стоит пример того, когда он активно боролся против Гриневича), но в то же время и жертва этих кампаний на завершающем этапе. Он всегда был активным участником дискуссий на собраниях и заседаниях кафедры, факультета, университета, критиковал при случае своих коллег, но в итоге сам пал жертвой сложившейся и активно поддерживаемой им самим системы взаимного уничтожения.

В 1951 г. в качестве руководителя методологического семинара ИФФ ТГУ Кугель выступил на одном из собраний по вопросам языкознания в рамках развернувшегося преследования «марризма» и его последователей. Его позиция вызвала острую критику, после чего его «за искажение политики партии по национальному вопросу, за обман партии и непартийное поведение» решено было исключить из членов ВКП(б), кроме того, его еще обвинили и в антимарксистской позиции³³.

В «Справке о состоянии дел на историко-филологическом факультете Томского государственного университета им. В.В. Куйбышева», составленной заместителем заведующего Отделом пропаганды и агитации Томского обкома ВКП(б) говорилось: «Тов. Кугель в своих лекциях не дает глубокого марксистского анализа историческим событиям. При чтении лекции 12 февраля [1948 г. – Д.Х.] “Венский конгресс, европейская реакция. Священный союз и его разложение” <...> тов. Кугель допускает переоценку роли немецкого народа в изгнании Наполеона из Германии и принижает роль русского народа»³⁴.

Кугель был уволен из университета в 1951 г., а через некоторое время на него было заведено уголовное дело, и он был арестован Управлением МГБ по Томской области. Как «выяснилось» в ходе следствия, «...он на протяжении 1946–1950 гг. в своих лекциях и выступлениях систематически высказывал клеветнические измышления на советскую действительность, с антисоветских позиций извращал учение классиков марксизма-ленинизма, клеветал на создателя Советского государства и восхвалял врагов народа»³⁵. Негативную роль в его судьбе сыграло также его буржуазное происхождение: сын минского лесопромышленника, он служил в редакции газеты «Будильник» в период немецкой и польской оккупации города во время Гражданской войны, был активным бундовцем и т.д.

По воспоминаниям профессора Б.Г. Могильницкого (в 1946–1951 гг. – студент исторического отделения ИФФ ТГУ), Кугель мог пострадать и из-за особенностей своего непростого характера и вызывающего поведения: «Р.Е. Кугель, я думаю, пострадал, прежде всего, из-за своего, позволю себе сказать, тщеславия, из-за своего языка. Кугель был малопрятный человек <...> оказался в Томске, где сразу повел борьбу за чистоту партийной линии, боролся с Гриневичем, все время разоблачал его. Формально, на том основании, что тот не марксист, что он читает лекции, далекие от марксизма, а вот истинный марксист это и есть Р.Е. Кугель. Читал он лекции очень ярко, хотя что он там говорил, по сути, мало чего полезного было сказано <...> Хотя, у него иногда бывали прозрения: когда, например, победила революция в Китае, он предрекал, что еще не известно, по какому пути пойдет Мао. Вот такими вещами были украшены все его лекции, и все это постепенно создавало ту гремучую смесь, которая и привела к его аресту, что было, конечно, несправедливо, и доля вины факультета здесь имеется»³⁶.

В итоге он был осужден Томским областным судом по статьям 58-3 («Сношения в контрреволюционных целях с иностранным государством или отдельными его представителями, а равно способствование каким бы то ни было способом иностранному государству, находящемуся с Союзом ССР в состоянии войны или ведущему с ним борьбу путем интервенции или блокады») и 58-10 («Пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений, а равно распространение или изготовление или хранение литературы того же содержания» – т.н. «Антисоветская агитация») УК РСФСР и приговорен к 10 годам исправительно-трудовых лагерей с конфискацией имущества и поражением в правах на 5 лет³⁷.

Отбывал наказание Кугель недолго. В 1957 г. он был реабилитирован, вышел на свободу, некоторое время проживал в Томске, после чего был полностью реабилитирован, уехал в Москву, где защитил написанную еще в Томске до своего ареста докторскую диссертацию «Вступление Италии в Первую мировую войну»³⁸.

* * *

На примере судеб нескольких томских историков мы рассмотрели различные модели и примеры развития идеологических кампаний и их последствий.

Что же отличает их от аналогичных кампаний в Москве и Ленинграде?

Прежде всего, меньший градус накала этих кампаний. Они затрагивали незначительное количество провинциальных историков, заканчиваясь для большинства из них относительно благополучно. Историки, попавшие под этот каток, имели возможность смены места работы (К.Э. Гриневиц, А.П. Дульзон, В.Ю. Гессен), хотя реальные пострадавшие, подвергшиеся уголовному преследованию все же были (Д.Л. Лившиц, Р.Е. Кугель). Благодаря смерти Сталина и наступления хрущевской «оттепели», они в скором времени были реабилитированы.

На примере историко-филологического факультета и самого ТГУ, в отличие от факультетов московских и ленинградских вузов, видно, что в них не проявлялось так рьяно собственной инициативы в борьбе с космополитизмом, специально не устраивалась охота на ведьм. Свою лояльность в данном вопросе проявляли не только преподаватели и руководство факультета и университета, но также комсомольские и частично партийные органы.

Это обстоятельство было характерно для всех периферийных вузов. Е.С. Генина, исследуя фактор, сдерживавший кадровую «чистку» в вузах Сибири, отмечала, что в этом регионе ощущался явный недостаток квалифицированных специалистов: «Это обстоятельство, в первую очередь, заставляло региональные органы власти мириться с присутствием в вузах “идейно и политически неблагонадежных”, ограничиваясь функцией контроля»³⁹.

Идеологические кампании имели двунаправленные последствия. Они, с одной стороны, выдавливали историков из вузов, заставляя их перебираться в другие места, в другие вузы и научные учреждения, и тем самым наносился непоправимый ущерб развитию исторического знания в данном учреждении. Но с другой стороны, «благодаря» этим кампаниям, в провинциальные вузы отправлялись «в ссылку» видные советские ученые, тем самым создавался мощный базис для их развития. Примером тому может стать приезд в Томск профессора И.М. Разгона, уволенного в 1949 г. в результате кампании по борьбе с космополитизмом из МГУ и оказавшегося в ТГУ, где он возглавил кафедру истории СССР, заложив прочные основы для создания томской и даже сибирской исторической школы.

Примечания (Endnotes)

¹ *Хаминов Д.В.* Историческая наука и историки тыла в экстремальных условиях военного времени (на примере Сибири 1941 – 1945 гг.) // Русин. 2015. № 2 (40). С. 213.

- ² *Хаминов Д.В.* Историческая наука и историки тыла в экстремальных условиях военного времени (на примере Сибири 1941 – 1945 гг.) // Русин. 2015. № 2 (40). С. 214.
- ³ *Могильницкий Б.Г.* Вспоминая пережитое // Историческому образованию в Сибири 90 лет: Исторический факультет Томского государственного университета в воспоминаниях и документах. Томск, 2008. С. 139.
- ⁴ Центр документации новейшей истории Томской области (ЦДНИ ТО). Ф. 321. Оп. 1. Д. 90. Л. 6.
- ⁵ ЦДНИ ТО. Ф. 321. Оп. 1. Д. 90. Л. 1–4.
- ⁶ Красное знамя (Томск). 1938. 8 янв.
- ⁷ ЦДНИ ТО. Ф. 321. Оп. 1. Д. 90. Л. 3.
- ⁸ Красное знамя. 1939. 18 апр.
- ⁹ ЦДНИ ТО. Ф. 321. Оп. 1. Д. 90. Л. 8–9.
- ¹⁰ Там же. Л. 68, 68об.
- ¹¹ Там же. Л. 7.
- ¹² Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. Р-815. Оп. 1. Д. 4305. Л. 25.
- ¹³ *Фоминых С.Ф., Некрылов С.А., Берцун Л.Л., Литвинов А.В.* Профессора Томского университета: Биографический словарь. Т. 2. Томск, 1998. С. 125, 126.
- ¹⁴ ГАТО. Ф. Р-815. Оп. 1. Д. 4299. Л. 68; *Хаминов Д.В.* Историческое образование и наука в Томском университете в конце XIX – начале XXI в. Томск, 2011. С. 52, 88, 106–112.
- ¹⁵ *Быконя В.В.* А.П. Дульзон (к 100-летию со дня рождения) // *Linguistica Uralica*. 2000. Т. XXXVI. № 2. С. 149–152.
- ¹⁶ *Фоминых С.Ф., Некрылов С.А., Берцун Л.Л., Литвинов А.В.* Профессора Томского университета: Биографический словарь. Т. 3. Томск, 2001. С. 141–145.
- ¹⁷ *Галашова Н.Б.* Из личного дела поэта Д.Л. Лившица // Тоталитаризм и тоталитарное сознание. Вып. 4. Томск, 2001. С. 25, 26.
- ¹⁸ Против объективизма в исторической науке [Передовая] // Вопросы истории. 1948. № 12. С. 8.
- ¹⁹ ЦДНИ ТО Ф. 607 Оп. 1 Д. 879. Л. 39.
- ²⁰ ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 328. Л. 55.
- ²¹ ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 327. Л. 24.
- ²² Там же. Л. 25.
- ²³ ЦДНИ ТО Ф. 607 Оп. 1 Д. 879. Л. 39.
- ²⁴ За советскую науку! (Томск) [Многотиражная газета ТГУ]. 1947. 14 окт.
- ²⁵ *Фоминых С.Ф., Некрылов С.А., Берцун Л.Л., Литвинов А.В.* Профессора Томского университета: Биографический словарь. Т. 2. Томск, 1998. С. 126.
- ²⁶ ГАТО. Ф. Р-815. Оп. 1. Д. 4310. Л. 145.
- ²⁷ *Галашова Н.Б.* Из личного дела поэта Д.Л. Лившица // Тоталитаризм и тоталитарное сознание. Вып. 4. Томск, 2001. С. 26–31.
- ²⁸ Красное знамя. 1947. 8 апр.
- ²⁹ *Генина Е.С.* Кампания по борьбе с космополитизмом в Томской области (конец 1940-х – начало 1950-х гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 306. С. 58.

- ³⁰ *Галашова Н.Б.* Из личного дела поэта Д.Л. Лившица // Тоталитаризм и тоталитарное сознание. Вып. 4. Томск, 2001. С. 29, 30.
- ³¹ ГАТО. Ф. Р-815. Оп. 1. Д. 2106. Л. 3.
- ³² ЦДНИ ТО. Ф. 321. Оп. 3. Д. 1. Л. 19об., 20.
- ³³ ЦДНИ ТО. Ф. 115. Оп. 6. Д. 5. Л. 40.
- ³⁴ ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп. 43. Д. 22. Л. 41.
- ³⁵ *Генина Е.С.* Кампания по борьбе с космополитизмом в Томской области (конец 1940-х – начало 1950-х гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 306. С. 58.
- ³⁶ *Могильницкий Б.Г.* Вспоминая пережитое // Историческому образованию в Сибири 90 лет: Исторический факультет Томского государственного университета в воспоминаниях и документах. Томск, 2008. С. 139, 140.
- ³⁷ *Боль людская: Книга памяти жителей Томской области, репрессированных в 1920-х – начале 1950-х гг.* Т. 2. Томск, 2016. С. 183.
- ³⁸ *Куперт Ю.В.* Штрихи былого // Историческому образованию в Сибири 90 лет: Исторический факультет Томского государственного университета в воспоминаниях и документах. Томск, 2008. С. 167, 168.
- ³⁹ *Генина Е.С.* Наступление на научно-педагогическую интеллигенцию Сибири в период борьбы с космополитизмом (1949 – 1953 гг.) // Известия Алтайского государственного университета. 2008. № 4-5 (60). С. 44.

Автор, аннотация, ключевые слова

Хаминов Дмитрий Викторович – канд. ист. наук, доцент Национального исследовательского Томского государственного университета. khaminov@mail.ru

За каждым периодом и поворотом в истории государств, помимо общих характеристик развития и концепций, всегда стоят судьбы конкретных людей. Поэтому крайне важно изучать биографии, судьбы, социальный портрет представителей определенной общности, однородной группы (профессиональной, социальной, этнической). Важно в том числе и по той причине, что на их примере проявляются наиболее рельефно особенности событий прошлого, специфика этих процессов. При этом важно учитывать и региональный аспект. Применительно к России особенно важно учитывать специфику периферии. Огромная территория страны, неравномерность ее развития, многофакторность социальных, экономических, культурных, интеллектуальных сторон жизни людей, различным образом отражается на схожих процессах в отдельных частях России. В настоящей статье, основываясь на ранее неизвестных архивных документах, на материалах крупнейшего и старейшего в Азиатской части России томского научно-образовательного комплекса, на примере биографии четырех историков и одного филолога, раскрыта местная специфика проведения идеологических кампаний периода «позднего» сталинизма. В статье приведены биографические и историографические данные, отражающие специфику периферийных высших

учебных заведений первого послевоенного десятилетия. Также охарактеризованы обстоятельства работы пяти университетских преподавателей истории, анализируется их научная деятельность, их место и участие в идеологических кампаниях. Основное внимание уделено различным вариантам последствий идеологических кампаний для этих историков, тем результатам, к которым они пришли – от самых «нейтральных» до трагических последствий в профессиональной и личной жизни историка. Опираясь на конкретные судьбы и научные биографии сибирских историков, делаются выводы о специфике и характере проведения данной кампании в томских высших учебных заведениях по сравнению с московскими и ленинградскими.

Послевоенный («поздний») сталинизм, высшая школа, высшее учебное заведение, историческое образование, историческая наука, историография, идеологическая кампания, антисемитизм, Сибирь, Томск, Томский государственный университет, К.Э. Гриневич, А.П. Дульзон, Р.Е. Кугель, В.Ю. Гессен, Д.Л. Лившиц.

References (Articles from Scientific Journals)

1. Bykonya V.V. A.P. Dulzon (k 100-letiyu so dnya rozhdeniya) [A.P. Dulzon (On the 100th Anniversary of His Birth)]. *Linguistica Uralica*, 2000, vol. 36, no. 2, pp. 149–152. (In Russ.).
2. Khaminov D.V. Istoricheskaya nauka i istoriki tyla v ekstremalnykh usloviyakh voennogo vremeni (na primere Sibiri 1941 – 1945 gg.) [Historical Science and Historians on the Home Front under Extreme Wartime Conditions: The Example of Siberia, 1941 – 1945]. *Rusin*, 2015, no. 2 (40), pp. 210–226. (In Russ.).
3. Genina E.S. Kampaniya po borbe s kosmopolitizmom v Tomskoy oblasti (konets 1940-kh – nachalo 1950-kh gg.) [The Campaign against Cosmopolitanism in the Tomsk Region (late 1940s – early 1950s)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2008, no. 306, pp. 57–61. (In Russ.).
4. Genina E.S. Nastuplenie na nauchno-pedagogicheskuyu intelligentsiyu Sibiri v period borby s kosmopolitizmom (1949 – 1953 gg.) [The Attack on the Scientific and Pedagogical Intelligentsia of Siberia during the Struggle Against Cosmopolitanism (1949 – 1953)]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2008, no. 4-5 (60), pp. 38–45. (In Russ.).

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

5. Galashova N.B. Iz lichnogo dela poeta D.L. Livshitsa [From the Personal File of the Poet D.L. Livshits]. *Totalitarizm i totalitarnoe soznanie* [Totalitarianism and the Totalitarian Consciousness]. Tomsk, 2001, vol. 4, pp. 25–31. (In Russ.).

6. Fominykh S.F., Nekrylov S.A., Bertsun L.L., Litvinov A.V. Professora Tomskogo universiteta: Biograficheskiy slovar [The Professors of Tomsk University: A Biographical Dictionary.]. Tomsk, 1998, vol. 2, pp. 125–127. (In Russ.).

7. Fominykh S.F., Nekrylov S.A., Bertsun L.L., Litvinov A.V. Professora Tomskogo universiteta: Biograficheskiy slovar [The Professors of Tomsk University: A Biographical Dictionary.]. Tomsk, 2001, vol. 3, pp. 141–145. (In Russ.).

8. Khaminov D.V. Istoricheskoe obrazovanie i nauka v Tomskom universitete v kontse XIX – nachale XXI v. [Historical Science and Historical Education at Tomsk University from the late 19th to the early 21st Centuries.]. Tomsk, 2011, pp. 52, 88, 106–112. (In Russ.).

Author, Abstract, Key words

Dmitriy V. Khaminov – Candidate of History, Senior Lecturer, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russia). khaminov@mail.ru

Every period and every turn in the history of states, apart from general development trends and concepts, always bring out the destinies of individuals. Thus, it is essential to research into biographies, destinies, social portraits of people representing a certain community, a homogeneous group (professional, social, ethnic, etc.). Such research is also instrumental in revealing most vividly the specific features of the past events and processes. Moreover, its regional aspect needs to be considered. In relation to Russia, its periphery, due to its specificity, should be taken into consideration. The country's huge territory, the unevenness in its development and the multi-factor character of social, economic, cultural and intellectual aspects of people's life impact similar processes in a different way in different parts of Russia. Based on previously unknown archival documents, on materials of the research and educational center of Tomsk, the oldest and largest one in the Asiatic part of Russia, the present article shows the local specific features of the ideological campaigns of late Stalinism featuring the biographies of four historians and one philologist. The author refers to biographical and historiographical data specific to peripheral higher education institutions during the first post-war decade. The article describes the circumstances in which the five university professors worked, including their research and participation in ideological campaigns. The focus is made on the impacts of the ideological campaigns on each of the historians, with their consequences ranging from "neutral" to tragic ones as to their professional and personal lives. Drawing on the specific destinies and research biographies of the Siberian historians the author makes conclusions about the specifics and character of this campaign at higher education institution of Tomsk as compared to those of Moscow and Leningrad.

Post-War (Late) Stalinism, graduate school, higher education institution, historical education, historical science, historiography, ideological campaign, anti-Semitism, Siberia, Tomsk (City of), Tomsk State University, Konstantin E. Grinevich, Alexander P. Dulzon, Ruvim E. Kugel, Vladimir Yu. Gessen, David L. Livshits.

БИБЛИОТЕКИ И БИБЛИОТЕЧНОЕ ОБСЛУЖИВАНИЕ НАСЕЛЕНИЯ БАШКИРИИ В XX ВЕКЕ

Z. Sabirova

Libraries and Library Services for the Population of Bashkiria in the Twentieth Century

В конце XX – начале XXI вв. стало привычным рассматривать различные направления деятельности библиотек (такие, как обслуживание читателей, комплектование фондов, методическая работа) вне связи с развитием библиотечного дела в целом, как единой системы. Это не позволяло раскрыть взаимосвязь отдельных направлений работы с общими проблемами библиотечного дела, а также развитием культуры и государственности в целом.

С другой стороны, в обыденном сознании человека, развитие которого невозможно без источников информации, в последнее время «библиотека» ассоциируется с библиотеками широкого профиля – государственными, национальными, республиканскими, или общей направленности, как например юношеская, школьная библиотеки¹.

Еще совсем недавно ни одно учреждение, школа, село, интернат, завод, фабрика не могли быть представлены нами без своей библиотеки или лектория.

К 1900 г. в Уфимской губернии существовала Уфимская городская общественная библиотека, и, что интересно, председателем комитета по управлению ею был городской голова². Уфимская городская библиотека, получившая в апреле 1909 г. наименование «Аксаковской», имела большой книжный фонд, в том числе и издания на тюрки. Большими собраниями литературы были известны библиотеки Уфимского губернского статистического комитета, купца Н.К.Блохина, а также библиотеки, собиравшиеся в медресе «Усмания», «Хакимия», «Галия»³. Активно работал Комитет по устройству народных чтений в г. Уфе, председателем которого был протоиерей Иоанн Иоаннович Добряков, а его товарищем (заместителем) – Владимир Александрович Богданов, старший чиновник особых поручений при Уфимском губернаторе⁴. При губернском комитете Уфимского попечительства о народной трезвости существовал особый отдел по устройству народных чтений

в г. Уфе. Всего же в губернии числилось 75 библиотек-читален, 8 читален при чайных, 105 пунктов народных чтений⁵.

Иметь частную библиотеку считалось хорошим тоном.

К примеру, ученый-востоковед, педагог-просветитель, писатель Ризаитдин Фахретдинов имел библиотеку с ценными печатными экземплярами в большинстве своем арабской графики. Некоторые из них мы можем встретить в фондах Национальной библиотеки им. З. Валиди. Кроме того, он оставил собственное богатейшее наследие, которое частично попало в Национальную библиотеку им. Валиди. Рукописная часть его работ составила коллекцию в Институте восточных рукописей РАН (г. Санкт-Петербург) и Научном архиве Уфимского научного центра РАН. Среди его разносторонних сочинений и по сей день остаются актуальными его назидательно-поучительные сочинения, призывающие детей, подростков и молодежь к самовоспитанию, самообразованию, самосовершенствованию, укрепляющие любовь к книге в том числе⁶.

То есть произошла трансформация личной библиотеки в общественную.

Судя по данным 1912 г., мы наблюдаем некоторое подобие начала отраслевого деления библиотек. Указывались библиотеки общественные и библиотеки при учреждениях⁷. Так, функционировали библиотека-читальня Общественного собрания (заведовала ею дворянка Елена Александровна Стобеус), Общества вспомоществования частному служебному труду, Общества офицеров 190-го пехотного Очаковского полка (просуществовала до 1916 г., заведующим являлся штабс-капитан Мусницкий), Уфимского вольно-пожарного общества, библиотека «Восточная лира» (заведовала Мария Николаевна Шейнкман), а также библиотеки при учреждениях – при казенном винном складе⁸. Позже упоминается библиотека при Уфимской губернской земской управе (заведовали князь Кугушев и Василий Викторович Архангельский)⁹.

Как правило, финансирование этих общественных библиотек осуществлялось из добровольных пожертвований членов тех же обществ, пополнение печатными изданиями происходило за счет поступлений от членов обществ и закупок у книготорговцев. Например, в таких лавках, как лавка А.П. Дряхлова. В его рекламе говорилось: «Продаются учебники для всех средних и низших учебных заведений, новые и подержанные, первые со скидкой 5-10 %, а вторые в половине печатной цены с небольшою надбавкою за переплет. Полные собрания сочинений лучших русских и иностранных писателей, тоже большою частию со скидкой

5-10 % с печатной цены. Новые последних изданий. Пересылка на счет покупателей. Имеется также большой выбор: книг духовного, научного и беллетристического содержания, детских, народных, специальных медицинских, юридических, сельскохозяйственных, ремесленных, справочных и прочих...»¹⁰. Губернский комитет попечительства о народной трезвости также помещал объявления следующего содержания: «Книги разного содержания, разрешенные Министерством народного Просвещения для народных библиотек и школ ценою от 1 коп. и дороже продаются в центральном складе...»¹¹.

При новометодном уфимском медресе «Галия» также имела своя «солидная» библиотека. Медресе существовало на деньги состоятельных уфимских меценатов Салимгарея Янтурина, Садретдина Назирова, Сабирзяна Шамгулова и др. Бывший шакирд медресе М. А. Магдеев пишет: «В фонде библиотеки имелись многочисленные книги на арабском, турецком, русском и татарском языках. Из периодической печати выписывали все, в то время издаваемых газет и журналов на татарском языке, а именно: газеты – Вақыт (в Оренбурге), Юлдуз (Казань), Кояш (Казань), Баянул хак (Казань), Нур (Петербург), Сибиря (Омск), Тормош (Уфа), Ирек (Уфа), Казак (Оренбург) на казакском языке, Элгалэмолислам (Уфа на арабском языке). Уфимский край (Уфа на р.яз.), Русские ведомости (Уфа р.), Известия, Таржеман (Крым). Из журналов выписывали: Шура (Оренбург), Ан (Казань), Этдинвэл Эдэп (Казань), Акол (Казань), Суюнбикэ (Казань), Ялт-Юлт (Казань), Мугаллим (Астрахань), Кармак (Троицк), Иктисад (Казань)... Журналы Шахбал и Тюрк Йорды на тюркском языке выписывались из Турции»¹². В 1916 г. во время торжеств в честь празднования 10-летия основания медресе группа крымских студентов преподнесла в дар многотомный словарь Брокгауза и Ефрона. Известно, что в уфимских библиотеках имелись книги, поступившие из Крыма¹³.

«Каталог книг библиотеки учеников Уфимской духовной семинарии» состоял из 7-ми отделов («Священное писание и богословие», «Церковная история», «Философия, психология и педагогика», «Естественно-математические науки», «Гражданская история и география», «Словесность», «Справочные издания и ноты»), а также отдел «Журналы»¹⁴. В разделе «Гражданская история и География» мы можем увидеть различные книги по всемирной и отечественной истории: «Австралия. История открытия и колонизации ея» (СПб., 1871), работы Бестужева-Рюмина, Богдановича «Современный Китай» (СПб., 1901), работы о природе и животном мире Гартвига, об эфиопах и греках,

«Биографии промышленных деятелей» Смайла, «Описание Оренбургской епархии» Черемшанского (Уфа, 1899), «Путеводитель по Крыму», о битвах и войнах, «Борьба рас в Америке» Диксона, «Как люди живут на белом свете: Немцы, Испанцы, Итальянцы, Турки, Англичане, Чехи, Поляки, Русины» Водовозова (СПб., 1894–1897 гг.)¹⁵.

«Каталог библиотеки Уфимского общественного собрания» издан без вступительного слова и характеристики общего количества печатных изданий, в ней хранящихся. По структуре можно увидеть, что она состояла из 13-ти разделов, привлекающих внимание читателя широтой представленных дисциплин и научных направлений. В каталоге было обозначено более 2 000 наименований¹⁶.

Библиотека Пермского научно-промышленного Музея также была весьма богата. Каталог ее состоял из 11 разделов, в числе которых были «Горно-заводский», «Железнодорожный», «Метеорология», «Медицина и ветеринария», «Периодические издания», «Справочные книги, уставы, отчеты и проч.», «История Пермского края». В предисловии к Каталогу было сказано: «...Наибольший интерес представляют книги, относящиеся к литературе местного края. Таковых книг в настоящее время имеется...1222 №№ 212-ти авторов. Между имеющимися книгами есть, несомненно, довольно редкие, как например: «Древнейшие грамоты, собранные в Пермской губернии» Берха, его же «Путешествие в г.г. Чердынь и Соликамск»..., «Хозяйственное описание Пермской губернии» Н. Попова... Чтобы дать возможность пользоваться этими книгами лицам, интересующимся изучением Пермского края, Совет Музея решил в первую очередь издать отдел местной литературы, а в будущем, когда позволят средства, издать каталог и всей библиотеки... Совет музея покорнейше просит лиц, интересующихся местным краем и сочувствующих просветительным целям Музея, указать недостатки настоящего издания, ...а также указать на какие либо редкие издания, которые можно было бы приобрести в собственность Музея или, по крайней мере, временно воспользоваться ими для целей изучения края»¹⁷.

К началу 1917 г. в Уфимской губернии насчитывалось 340 библиотек, в том числе 13 городских и 327 сельских, из которых 20 % находились в инородческих (башкирских, татарских, чувашских, марийских, удмуртских) селах. Очевидно, что рост потребности общества вызвал увеличение количества этих учреждений в начале XX в. Человеческий разум устремлялся к самостоятельному поиску информации, ее анализу, и, как следствие,

выражению себя и своих мыслей через книгу. Но пока развитие библиотечной системы шло хаотично.

7 июня 1918 г. большевистский Совнарком принимает подготовленное В.И. Лениным постановление «О постановке библиотечного дела», а в июле 1918 г. выходит декрет «Об охране библиотек и книгохранилищ РСФСР». Таким образом, библиотечное дело получает государственную поддержку и организацию. И вот уже в сентябре того же года на Совещании секретарей районных комитетов РКП(б) принимается постановление об организации Агитационных отделов, которое обязывает низовые организации создавать библиотеки, читальни, клубы, вести культурно-просветительную комиссию, устраивать лекции¹⁸.

С этих пор библиотеки становятся не только элементом социальной инфраструктуры общества, но и политическим инструментом в руках партии большевиков, направляющим сознание человека на решение конкретных задач, как общегосударственного (политического и народнохозяйственного), так и личного характера. 23 мая 1929 г. на Всероссийской конференции библиотечарей обсуждалась практическая роль библиотек в проведении культурной революции, усиление партийного руководства библиотечной работой, увеличение сети библиотек¹⁹.

С 9 июня 1921 г. в столице Башкирии Уфе была открыта для широкого читателя Республиканская библиотека, именуемая ныне Национальная библиотека им. З. Валиди. В 1920-х – 1930 гг., когда школы были плохо обеспечены учебниками и литературой, а материальное положение учителей было тяжелым²⁰, поддержка и развитие библиотечного дела были весьма своевременны, поскольку открывали нуждающимся бесплатный доступ к знаниям, к информации. И к 1995 г. в ее фондах уже насчитывалось свыше 3 млн книг по всем отраслям знаний на башкирском, русском, татарском, арабском, тюркском, английском, французском, немецком и других языках. В отделе редких книг имеются рукописные книги XV–XVI вв. по философии, логике, медицине, праву, языкознанию. Так Республиканская библиотека стала «государственной научной библиотекой универсального профиля, республиканским хранилищем отечественных произведений печати, рукописных книг, национальным хранилищем литературы на языках народностей Башкирской АССР, научно-методическим центром по руководству работой государственных массовых библиотек, базой управления культурой Министерства культуры БАССР по координации и кооперированию деятельности библиотек всех ведомств и организаций на территории Башкирской АССР и оказанию методической помощи им»²¹.

В задачи ее деятельности входило «а) оказание партийным и советским органам в коммунистическом воспитании населения, в развитии народного хозяйства, науки и культуры путем широкого использования всех средств пропаганды литературы и руководства чтением; б) широкая пропаганда политической, научной, производственной и специальной литературы, а так же справочно-библиографическое и информационное обслуживание всех читателей республики, местных партийных, советских и хозяйственных органов, предприятий, совхозов и колхозов, поднятие удельного веса в составе читателей библиотеки специалистов народного хозяйства и культуры, научных работников, рационализаторов и изобретателей; в) всемерное улучшение организационно-методического руководства массовыми библиотеками и усиление деятельности по координации и кооперации работы библиотек разных ведомств в целях практического осуществления одной системы обслуживания населения книгой; г) активное участие в научной разработке актуальных проблем библиотековедения и библиографии и в первую очередь, научное обобщение и внедрение передового опыта в практику работы библиотек Башкирской АССР»²².

Тем, кто был занят в производстве, а также техническим работникам фабрик и заводов, инженерам, служащим проектных бюро и т.д. гораздо интереснее было то, что в фондах центральной библиотеки содержится более 1 млн экземпляров изданий по специальным видам технической литературы (стандарты, технические условия, промышленные каталоги, патенты и многое другое)²³.

Как известно, Н.К. Крупская являлась активным деятелем в продвижении библиотечного дела и распространении книгочтения в разных возрастных группах. Под ее руководством Центральная библиотечная комиссия при Наркомпросе РСФСР вынесла постановление об открытии профсоюзных библиотек для общего пользования²⁴. 27 декабря 1936 г. на совещании по работе фабрично-заводских библиотек Н.К. Крупская выступила с докладом на тему «Библиотека – друг и помощник читателя»²⁵. А с 25 декабря 1936 г. в Москве начало работу Всесоюзное совещание по работе фабрично-заводских библиотек, созванное ЦК ВЛКСМ и ВЦСПС²⁶. Открывается новая веха в развитии специализации библиотечного дела по народно-хозяйственным отраслям и профессиям: проводятся смотры библиотек и библиотечного дела, конференции работников массовых технических библиотек предприятий, организуется «библиотечный поход», к участию в котором привлекаются безра-

ботные просвещенцы, проходит Всесоюзная библиотечная перепись²⁷. Библиотечное дело становится делом государственным, а наличие библиотеки даже в мелких учреждениях и организациях становится показателем культуры и «окультуривания» населения.

Работа библиотек и библиотечных учреждений приобретает также и разноплановость. Во второй половине XX в. Республиканская, районные, городские, сельские библиотеки, помимо выставок и подборок, посвященных “круглым” датам нашей истории, жизни известных людей, организовывали довольно часто тематические специализированные лекции и выставки. Нередко эта работа готовила «на заказ» для конкретной категории читателей (рабочих заводов по профилю, или для определенной аудитории в связи с новыми правилами, постановлениями, инновациями). Большое участие в этом принимала интеллигенция. Так, в 1954 г. работники начальных и средних школ 40 краев и областей РСФСР собрали и послали в районы освоения залежных земель Башкирской АССР 100 библиотек с общим количеством 100 тыс. книг²⁸.

В 1958 г. по итогам Всесоюзного смотра профсоюзных учреждений культуры дипломами «Лучший клуб профсоюзов», «Лучшая библиотека профсоюзов» и денежными премиями были награждены 350 клубов, домов культуры и библиотек²⁹.

После внеочередного XXI съезда КПСС, поставившего задачу создания материально-технической базы коммунизма и обеспечения победы ССР в мировом экономическом соревновании с капиталистическими странами, библиотеки стали использоваться для пропаганды новейшей технической литературы. Как было сказано в «Обзоре работы библиотек Башкирской АССР по пропаганде технической литературы» (апрель 1959 г.), «все советские люди активно принялись... за широкое внедрение всего нового, передового», а поскольку величайшие научно-технические достижения нашего времени «вызывают интерес советских людей к вопросам науки и техники», «это обязывает библиотечных работников с максимальной полнотой удовлетворять такие запросы читателей и содействовать расширению научно-технического кругозора трудящихся, рекомендуя им литературу, которая знакомит с вопросами техники, с ее научными основами и историей, с важнейшими направлениями и проблемами технического прогресса, с замечательными достижениями науки и техники, с экономикой производства»³⁰.

Работники библиотек, руководствуясь этими решениями, организовывали непосредственно на предприятиях выездные книжные выставки технической и патентной литературы, тем

самым способствуя не только повышению в целом образовательного уровня и квалификации работников промышленных предприятий, но и оказывая практическую помощь по внедрению передовых технологий в производство.

Так, в 1958 г. в Дюртюлинской районной библиотеке были организованы книжные выставки «В помощь сельскому механизатору», «Химия в народном хозяйстве», «Химия на службе человека», «В помощь трактористу и комбайнеру»³¹. Библиотека им. Крупской в 1959 г. организовала обзоры общественно-политической литературы на Мясокомбинате, в артели «Смычка», а с 1965 г. – выставки на Уфимском нефтеперерабатывающем заводе, заводе горного оборудования и ряда строительных трестов. Специалистами этих заводов и предприятий было отобрано и внедрено в производство 170 изобретений, что, по протоколам заседаний бюро Кировского райкома КПСС, дало экономию государству в миллион рублей. Отделы иностранной литературы организовывали кружки по изучению английского, немецкого, арабского языков для самостоятельно изучающих языки или готовящихся к сдаче кандидатского минимума. Республиканская библиотека им. Крупской обслуживала около 2 000 таких читателей в 1965 г.³²

Донести необходимую и обновленную техническую информацию до работников промышленных предприятий – эту задачу ставили перед собой и выполняли библиотекари предприятий. В одной из заметок газеты завода «Автоприбор» за 1981 г. читаем: «Глубокое знание теоретических основ своей профессии, элементов инженерно-технических знаний необходимо каждому квалифицированному рабочему. Токарям, штамповщиками, термистам, предлагаем новые книги, поступившие в техническую библиотеку завода... В книге даны технические характеристики кузнечно-штамповочного оборудования, схемы и расчеты типовых технологических процессовковки и штамповки, режимы эксплуатации штампов... в доступной форме дано понятие о природе прочности и влиянии термической обработки на строение и свойства металлов, описание современной технологии и оборудования, применяемых на передовых заводах, освещены вопросы контроля качества и безопасности труда на предприятиях»³³.

Не меньшее внимание уделялось проведению подобных мероприятий и среди служащих и рабочих совхозов Башкирской АССР. В приказе № 38 министра культуры БАССР Г. Вахитова от 30 января 1959 г. «Об улучшении культурного обслуживания рабочих и служащих совхозов Башкирской АССР» читаем: «...Освободить помещения бывших клубов, красных уголков и библиотек, ранее

принадлежащих реорганизованным колхозам, для использования их по назначению, ...улучшить работу по книгообслуживанию работников совхозов, ...предусмотреть... открытие на центральных усадьбах, на отделениях и фермах совхозов, где нет соответствующих учреждений культуры, сельских клубов, библиотек и красных уголков за счет перераспределения сети культпросветучреждений внутри района; строительство, ремонт, благоустройство клубов и библиотек, приобретение для них оборудования, литературы и культинвентаря, привлекая в этих целях средства совхозов, местных Советов, потребкооперации, а также трудовое участие населения»³⁴.

Конечно, некоторые мероприятия, проводимые библиотеками для населения, иногда страдали формализмом, но, тем не менее, продолжали выполнять свою роль пропаганды литературы, книголюбия, когда книгочтение стало хорошим тоном для человека вне сословных, социальных, профессиональных или образовательных рамок, ломало «консервацию» внутри определенного социального слоя и помогало человеку интегрироваться в другие слои, сферы жизнедеятельности. И сейчас, в век нанотехнологий, мобильных систем и интернет-паутины, интенсивной социальной и территориальной миграции, библиотека не должна утратить эту свою важную для человечества и подрастающих поколений особенность и остаться важным звеном в общем, профессиональном и культурном развитии сельских и городских населенных пунктов, а также их районов. Десятилетие назад в России уже функционировало свыше 130 тыс. библиотек, в том числе 47 тыс. публичных, 66 тыс. школьных, 3 тыс. вузовских и средних специальных учебных заведений, 300 библиотек Российской академии наук, 3,5 тыс. научно-технических, 720 сельскохозяйственных, 1 500 медицинских, большое количество библиотек в военных частях и других организациях. Читателями только публичных библиотек являлись более 46 млн человек, которые ежегодно посещали их 459,4 млн раз. Насчитывалось более 22,5 млн. сайтов библиотек³⁵.

Исследование роли библиотек в развитии общества указывает нам на рост социальной полифункциональности библиотек в XX – XXI вв. Это происходило и происходит не только в одностороннем порядке, то есть в силу «профессионального осознания ими своей особой миссии в развитии коммуникативных связей и отношений»³⁶, но и «обратной отдачи» общества в целом, и определенных его слоев в частности. То есть деятельность библиотек развивается в актуальных направлениях, а именно в сторону обслуживания сферы бизнеса, молодежи, семьи, учителей, информационного

рынка, PR-технологий при подготовке вузов к лицензированию. Каждое из перечисленных в той или иной степени имеет отношение к развитию социума (общества и/или человека) населенных пунктов, и вносит сюда, как и библиотеки, свой, определенный, вклад, то есть участвует в процессе социокультурного воспроизводства. Поэтому изучение библиотечной системы и библиотечного обслуживания населения должно быть продолжено.

Примечания (Endnotes)

- ¹ *Валева З.Р.* Основы психологии личности. Уфа, 2015. С. 34, 58.
- ² Адрес-календарь Уфимской губернии на 1900 г. Уфа, 1900. С. 145.
- ³ *Рахматуллина З.Р.* Культура и духовная жизнь башкирского народа в начале XX века // Труды Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра Российской академии наук. Вып. III. Уфа, 2006. С. 61.
- ⁴ Адрес-календарь Уфимской губернии на 1900 г. Уфа, 1900. С. 146.
- ⁵ Уфимский адрес-календарь на 1903 г. Уфа, 1903. С. 177.
- ⁶ *Абдрафикова Г.Х.* Творческое наследие Р. Фахретдинова как источник духовной культуры народов России и мусульманского Востока // Филологические науки: Вопросы теории и практики. 2015. № 7-2 (49). С. 13–15.
- ⁷ Адрес-календарь Уфимской губернии на 1900 год. Уфа, 1900. С. 64. Адрес-календарь Уфимской губернии на 1901 г. Уфа, 1900. С. 64; Адрес-календарь Уфимской губернии на 1913 г. Уфа, 1913. С. 64.
- ⁸ Адрес-календарь Уфимской губернии на 1912 г. Уфа, 1912. С. 51; Адрес-календарь Уфимской губернии на 1913 г. Уфа, 1913. С. 64; Адрес-календарь Уфимской губернии на 1916 г. Уфа, 1916; Адрес-календарь Уфимской губернии на 1917 г. Уфа, 1917.
- ⁹ Адрес-календарь Уфимской губернии на 1915 г. Уфа, 1915. С. 68.
- ¹⁰ Адрес-календарь Уфимской губернии на 1901 г. Уфа, 1900. [Б. с.]
- ¹¹ Адрес-календарь Уфимской губернии на 1900 г. Уфа, 1900. С. 159.
- ¹² Национальный архив Республики Башкортостан. Ф. 4767. Оп. 1. Д. 2. Л. 64-65.
- ¹³ *Салихов А.Г.* Башкирско-крымско-татарские культурные и литературные связи (конец XIX – начало XXI века) // Филологические науки: Вопросы теории и практики. 2015. № 2-1 (44). С. 178.
- ¹⁴ Каталог книг библиотеки учеников Уфимской духовной семинарии. Уфа, 1905. С. 3.
- ¹⁵ Там же. С. 45–54
- ¹⁶ Каталог библиотеки Уфимского общественного собрания. Уфа, 1909.
- ¹⁷ Библиотека Пермского Научно-Промышленного Музея. Вып. 1. Каталог книг о Пермском крае. Пермь, 1907. С. 3–5.
- ¹⁸ Культурная жизнь в СССР: 1917 – 1927 гг.: Хроника. Т. 1. М., 1975. С. 60, 67, 77.
- ¹⁹ Культурная жизнь в СССР: 1928 – 1941 гг.: Хроника. Т. 2. М., 1979. С. 119.

- ²⁰ *Сабирова З.Р.* Некоторые аспекты проведения «культурной революции» в Советской России: Региональный опыт // Вестник Челябинского государственного университета: История. 2015. № 16 (371). С. 56.
- ²¹ Национальный архив Республики Башкортостан (НА РБ). Ф. Р-1902. Оп. 1. Д. 518. Л. 3–45.
- ²² Там же.
- ²³ Башкортостан: Краткая энциклопедия. Уфа, 1996. С. 176
- ²⁴ Красный библиотекарь (Москва). 1930. № 3. С. 9.
- ²⁵ Комсомольская правда. 1936. 26 дек.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Красный библиотекарь. 1930. № 3. С. 7; Правда. 1929. 4 авг.
- ²⁸ Учительская газета (Москва). 1954. 14 апр. С. 1.
- ²⁹ Правда. 1958. 10 апр. С. 6.
- ³⁰ НА РБ. Ф. 1902. Оп. 1. Д. 194. Л. 1.
- ³¹ Там же. Л. 5.
- ³² НА РБ. Ф. 207. Оп. 44. Д. 107. Л. 29–31; *Сабирова З.Р.* Социальные функции деятельности библиотек: К истории библиотечного дела в Башкортостане // Библиотека в контексте российской социокультурной истории: Краеведческий аспект. Уфа, 2016. С. 120.
- ³³ Автоприбор (Октябрьский). 1981. 14 авг. № 33.
- ³⁴ НА РБ. Ф. 1902. Оп. 1 Д. 194. Л. 105–108.
- ³⁵ *Пашин А.И.* Управление библиотечным делом: Системный подход. М., 2008. С. 29.
- ³⁶ *Сатарова Л.Х.* Библиотека и современная эпоха: Новые пространства межкультурного взаимодействия в поликультурной библиотеке как фактор развития современного общества // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2013. № 4-1. С. 142.

Автор, аннотация, ключевые слова

Сабирова Зухра Рамилевна – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра Российской академии наук. timerbulat2009@mail.ru

В статье на основе архивных документов и малоизвестных материалов периодической печати, впервые в региональной отечественной историографии, рассматривается история библиотечного обслуживания населения Башкирии в XX в. Эта актуальная тема до сих пор остается малоизученной. Особое внимание уделяется основным закономерностям развития библиотечного дела в контексте социально-политической истории России. В результате целенаправленной политики Советского государства и интенсивного развития библиотечной сети в XX в. библиотеки стали не только источником знаний и информации, но и инструментом пропаганды. Посещение библиотеки и чтение библиотечных книг перестало быть формой времяпровождения и частью повседневности –

оно превратилось в форму коммунистического воспитания населения. Главным достижением Советского государства в библиотечном деле стала разветвленная система государственных библиотек и многообразный опыт библиотечного обслуживания населения. В современной Башкирии работают как социальные виды универсальных библиотек (публичная, для слепых, детская, юношеская, вузовская, академическая, отраслевые), так и специальные отраслевые (медицинские, сельскохозяйственные, технические, художественные и другие). Автор приходит к выводу, что, несмотря на активное использование населением Интернета, библиотеки не должны потерять позиции источника знаний и достоверной информации для самых разных сфер использования.

Республика Башкортостан, башкиры, культура, библиотечное дело, библиотека, государственная библиотека, общественная библиотека, частная библиотека, библиотечная сеть, библиотечное обслуживание, библиотекарь, Уфа.

References

(Articles from Scientific Journals)

1. Abdrafikova G.Kh. Tvorcheskoe nasledie R. Fakhretdinova kak istochnik dukhovnoy kultury narodov Rossii i musulmanskogo Vostoka [The Creative Legacy of R. Fakhretdinov as a Source of the Spiritual Culture of the Peoples of Russia and the Muslim East.]. *Filologicheskie nauki: Voprosy teorii i praktiki*, 2015, no. 7-2 (49), pp. 13–15. (In Russ.).
2. Sabirova Z.R. Nekotorye aspekty provedeniya “Kulturnoy revolyutsii” v Sovetskoy Rossii: Regionalnyy opyt [Some Aspects of the Cultural Revolution in Soviet Russia: A Regional Experience.]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta: Istoriya*, 2015, no. 16 (371), pp. 51–60. (In Russ.).
3. Salikhov A.G. Bashkirsko-krymsko-tatarskie kulturnye i literaturnye svyazi (konets XIX – nachalo XXI veka) [The Cultural and Literary Connections between the Bashkirs and the Crimean Tatars (End of the 19th –Beginning of the 21st Centuries).]. *Filologicheskie nauki: Voprosy teorii i praktiki*, 2015, no. 2-1 (44), pp. 178–183. (In Russ.).
4. Satarova L.Kh. Biblioteka i sovremennaya epokha: Novye prostranstva mezhkulturnogo vzaimodeystviya v polikulturnoy biblioteke kak faktor razvitiya sovremennogo obshchestva [The Library and the Contemporary Era: New Spaces of Intercultural Interaction in a Multicultural Library as a Factor in the Development of Modern Society.]. *Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta kultury i iskusstv*, 2013, no. 4-1, pp. 145–148. (In Russ.).

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

5. Rakhmatullina Z.R. Kultura i dukhovnaya zhizn bashkirskogo naroda v nachale XX veka [The Culture and Spiritual Life of the Bashkir People in the Early 19th Century.]. *Bashkiry v Bashkortostane v XX stoletii: Istoricheskie ocherki (Trudy Instituta istorii, yazyka i literatury Ufimskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk.*

Упр. III) [Bashkirs in Bashkortostan in the 19th Century: Historical Essays (Works of the Institute of History, Language and Literature of the Ufa Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, vol. 3).]. Ufa, 2009, pp. 52–70. (In Russ.).

6. Sabirova Z.R. Sotsialnye funktsii deyatelnosti bibliotek: K istorii bibliotchnogo dela v Bashkortostane [The Social Functions of Library Activities: Toward a History of Librarianship in the Bashkortostan Republic.]. *Biblioteka v kontekste rossiyskoy sotsiokulturnoy istorii: Kraevedcheskiy aspekt* [The Library in the Context of Russian Social and Cultural History: The Local History Aspect.]. Ufa, 2016, pp. 119–121. (In Russ.).

(Monographs)

7. Pashin A.I. Upravlenie bibliotchnym delom: Sistemnyy podkhod [Library Management: A Systematic Approach.]. Moscow, 2008, p. 29. (In Russ.).
8. Valeeva Z.R. Osnovy psikhologii lichnosti [The Basics of the Psychology of Personality.]. Ufa, 2015, pp. 34, 58. (In Russ.).

Author, Abstract, Key words

Zukhra R. Sabirova – Candidate of History, Senior Research Fellow, Institute of History, Language and Literature, Ufa Scientific Center, Russian Academy of Sciences (Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia). timerbulat2009@mail.ru

The article is the first study in Russia’s regional historiography to look into the history of library services rendered to the population of Bashkiria (the Republic of Bashkortostan) in the 20th century, drawing on archival documents and largely unknown periodical materials. As this important topic requires more solid research to be done, this study largely focuses on major developments of library business in the socio-political history of Russia. As a result of targeted policies of the Soviet state and drastic expansion of library network in the 20th century, libraries, being a source of knowledge and information, turned into a propaganda tool. From being a pastime and part of everyday activity the attending of libraries and reading of library books became a form of communist education of the population. The Soviet state’s library policies excelled in creating a diversified network of libraries and library services for the population. Now in the Republic of Bashkortostan there are both socially-oriented universal libraries (libraries for children, youth, the blind, university/academic ones, etc.) and specialized libraries (medical, agricultural, technical, art ones, etc.). The author concludes that in spite of the population’s intensive use of the Internet libraries should not lose their position as a source of knowledge and authentic information in any area.

Republic of Bashkortostan, Bashkirs, culture, librarianship, library, state library, public library, private library, library network, library services, librarian, Ufa (City of).

РОССИЯ И МИР Russia and the World

Е.А. Осипов

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ РЕФОРМА 1965 ГОДА КАК ФАКТОР СБЛИЖЕНИЯ МЕЖДУ МОСКВОЙ И ПАРИЖЕМ*

E. Osipov

The 1965 Soviet Economic Reform as a Factor in the Rapprochement between Moscow and Paris

Советско-французские отношения второй половины 1960-х – первой половины 1970-х гг. стали настоящим символом периода разрядки международной напряженности. Визит президента Франции генерала Шарля де Голля в СССР в 1966 г., создание Большой советско-французской комиссии, подписание советско-французского Протокола 1970 г. и Принципов сотрудничества между СССР и Францией в 1971 г., регулярные встречи на высшем уровне и постоянные политические консультации, позволившие прийти к компромиссам в самые сложные моменты переговоров по Четырехстороннему соглашению по Западному Берлину и, особенно, по Заключительному акту СБСЕ – яркие примеры успешного двустороннего сотрудничества между Москвой и Парижем.

Степень важности экономического фактора в развитии отношений между странами можно оценивать по-разному.

С одной стороны, политические предпосылки, конечно, доминировали при принятии решений обеими сторонами. Очевидно, что разрядка международной напряженности – процесс прежде всего политический. И даже крупные советско-французские

проекты в области экономики, такие как совместное цветное телевидение «СЕКАМ» или участие французской фирмы «Рено» в создании крупнейшего в СССР предприятия по производству грузовых автомобилей – Камского автомобильного завода (Камаз), – были изначально обусловлены именно политическими соображениями¹.

С другой стороны, Москва и Париж в 1966 г. договорились о создании постоянно действующей Смешанной советско-французской комиссии (получившей название «Большой комиссии»), в которую должны были входить «высокопоставленные представители обеих стран с тем, чтобы она регулярно рассматривала практические вопросы выполнения существующих торговых, экономических и научно-технических соглашений...»² В январе 1967 г. состоялась первая сессия этой комиссии. С тех пор сессии проводились регулярно, поочередно в СССР и во Франции, и часто вносили ощутимый вклад в развитие двусторонних отношений.

Работа Большой комиссии привела к созданию уникального для периода Холодной войны механизма экономического сотрудничества между государствами из разных военно-политических блоков. Создание подобного механизма стало возможным не только благодаря благоприятной политической конъюнктуре, но и не в последнюю очередь благодаря взаимному интересу и стремлению к развитию экономических связей. Таким образом, несмотря на то, что сближение Москвы и Парижа в период разрядки было по своей природе политическим процессом, экономические предпосылки сыграли в нем значительную роль.

Середина 1960-х гг. – период не только развития разрядки, но и проведения в СССР масштабной экономической реформы, которую часто связывают с именем председателя Совета министров СССР А.Н. Косыгина. Во Франции с самого начала пристально следили за ее проведением. Как во Франции оценивали экономическую реформу Косыгина – тема настоящей статьи. В качестве источников использованы материалы Архива экономики и финансов Франции, большая часть из которых до этого не была введена в научный оборот ни в отечественной, ни в зарубежной историографии.

Речь идет о записках и телеграммах посольства Франции в СССР, рабочих документах и справках французской делегации в Организации экономического сотрудничества и развития, а также отчетах подкомитета НАТО по экономической политике СССР, которые французская сторона готовила для саммитов Североатлантического Альянса. В этих материалах подробно анализи-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РНФ «“Мировая система социализма” и глобальная экономика в середине 1950-х – середине 1970-х годов: эволюция теории и практики экономического и технологического лидерства СССР» (№ 17-18-01728).

руется каждый аспект реформы. Так, в одном из рабочих документов Организации экономического сотрудничества и развития от 22 января 1969 г. подобное внимание к экономической политике СССР в Пятой республике объяснялось, во-первых, размерами советской экономики – второй экономики мира, а, во-вторых, степенью влияния Москвы на страны Восточной Европы, что было особенно важно для Парижа³.

Один из главных мотивов для реализации политики разрядки для де Голля состоял как раз в том, чтобы, воспользовавшись налаженными политическими связями с СССР, утвердить французские интересы на рынке Восточной Европы и навязать там конкуренцию ФРГ⁴.

В упомянутом документе экономическая реформа 1965 г. названа одним из самостоятельных этапов развития советской экономики, наряду с Военным коммунизмом, НЭПом и периодом централизованного планирования (так в тексте называется весь сталинский период, при этом индустриализация и коллективизация не выделяются в качестве отдельных периодов в истории советской экономики)⁵. Более того, реформа вписана в более широкий контекст. Если ее начало отнесено к 1965 г., как и принято в современной российской историографии, то подготовка к ней началась значительно раньше, еще с 1960 г., когда стартовал первый этап реформы ценообразования. До 1960 г. «система планирования была ориентирована на количественные показатели, и цены, соответственно, играли второстепенную роль. И, напротив, они приобрели первостепенное значение с того момента, как началось внедрение экономических и торговых механизмов по измерению показателей эффективности и их сравнению»⁶.

Таким образом, постепенный отход от количественных показателей при планировании, по мнению французских экспертов из Организации экономического сотрудничества и развития, начался еще в 1960 г. Первый этап реформы ценообразования продолжался пять лет (1960–1965 гг.) и состоял главным образом во введении понятия «прибыль». Средняя цена на товар отныне учитывала маржу в 12-15 % по сравнению со стоимостью производства, которая после произведения обязательных выплат в пользу государства составляла фонд предприятия. Подобная система, по мнению экспертов, имела ряд проблем. Во-первых, повсеместное использование «средней» цены не позволяло реализовать преимущества конкретных предприятий и, соответственно, не стимулировало рост производительности. Во-вторых, «расчет стоимости производства не учитывал вложенный капитал и искажал показатели рентабель-

ности предприятий»⁷. Таким образом, реформа ценообразования, начавшаяся в 1960 г., предвосхитила собственно экономическую реформу 1965 г., которая должна была устранить выше перечисленные проблемы советской экономики.

Пристальное внимание в документах уделяется и советской реформе 1963 г., когда после попытки укрупнения совнархозов в итоге был воссоздан Высший совет народного хозяйства (ВСНХ). В записке французского посольства в СССР от 20 марта 1963 г. эта реформа оценивается как постепенное признание ошибочности политики Н.С. Хрущева по созданию совнархозов в 1957 г. и возвращение к прежней практике централизованного управления промышленностью, которое существовало до прихода Хрущева к власти. В документе отмечается, что после 1963 г. «союзные структуры, такие как ВСНХ, Госплан и Госстрой, получили полномочия прямого руководства над региональными совнархозами»⁸, что делало очевидным значение реформы.

Косвенным подтверждением этого было сочтено возвращение Н.К. Байбакова на руководящие должности. В 1958 г. Байбаков, не согласный с планами Хрущева по децентрализации управления промышленностью, был переведен с поста председателя Госплана СССР на второстепенную должность председателя Краснодарского совнархоза. Однако, в 1963 г. он стал председателем Государственного комитета химической и нефтяной промышленности при Госплане СССР, имевшем стратегическое значение, а с 1965 г. снова возглавил Госплан СССР. То, что Байбаков был одним из ближайших соратников Косыгина, также отмечалось в документе⁹.

Таким образом, анализ действий советского руководства привел французских экспертов к заключению, что Косыгинская реформа 1965 г. была подготовлена еще событиями 1960 и 1963 гг., и даже составляла в совокупности с ними самостоятельный период в истории развития советской экономики.

Главной причиной, заставившей советское руководство пойти на проведение реформ, авторы отчета подкомитета НАТО по экономической политике СССР от 4 мая 1966 г. называют заметное замедление темпов роста советской экономики (в 1959–1965 гг. ее годовой рост составил по официальным данным 6,6 % вместо запланированных 7,1-7,4 %, а по западным источникам – всего 5 %), связанное прежде всего с неудачами в развитии сельского хозяйства¹⁰. При этом в западных странах, в том числе и в США, рост, наоборот, ускорился.

В качестве еще одной причины реформы указывалось то, что впервые за долгое время в СССР к принятию экономических

решений стали привлекать экспертные группы ученых. В одной из аналитических записок Организации экономического сотрудничества и развития отмечается, что «в сталинскую эпоху критерии планирования разрабатывались исключительно администрацией; экономисты о них не знали и, соответственно, не имели никакой возможности их обсуждать или анализировать. Впоследствии же информация стала более многочисленной и точной: экономическая ситуация могла теперь быть изучена экономистами, независимыми от Госплана. Их исследования быстро привели к критике существующих механизмов и к разработке предложений по ревизии [Существующей системы. – *Е.О.*], некоторые из которых в итоге были приняты»¹¹.

Помимо экспертных групп в одной из дипломатических записок посольства Франции в СССР от 14 февраля 1959 г. обращалось внимание на другое обстоятельство: в первые годы нахождения Хрущева у власти в СССР появилось сразу несколько новых научных экономических центров, что позволило существенно расширить масштаб экономических исследований в стране. Если до этого существовал только Институт экономики РАН, то теперь начали свою работу Институт международной экономики и международных отношений РАН (1956 г.), Научно-исследовательский экономический институт при Госплане СССР (1955 г.) и Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения РАН (1957 г.)¹².

Также в документах отмечалось, что в целом «более свободная интеллектуальная атмосфера» в СССР после смерти Сталина позволила более открыто критиковать недостатки плановой экономики в СССР, а значит, тоже способствовала проведению серьезных реформ¹³.

Экономическая реформа 1965 г., на взгляд французских экспертов, должна была реализовываться в трех направлениях. Во-первых, выстраивание иерархии органов планирования и перераспределение компетенций между ними с целью упрощения процедуры. Иными словами, речь шла о полноценном восстановлении отраслевого (централизованного) метода управления промышленностью. Во-вторых, изменение системы ценообразования – упразднение фиктивных, то есть установленных с помощью внеэкономических и субъективных критериев, цен. В-третьих, совершенствование принципов работы предприятий с целью повышения производительности труда и увеличения заинтересованности предприятий в техническом прогрессе и качестве производимой ими продукции¹⁴. Работа по этим трем направлениям должна была привести к

решению двух главных задач реформы: «с одной стороны упрощение работы аппарата планирования, чья сложность угрожала его парализовать, с другой стороны, расширение полномочий предприятий»¹⁵.

В архивных документах неоднократно отмечается, что реформа носила действительно масштабный характер, и реализовать ее в полной мере было очень сложно. Выделялись три главных проблемы реформы, от решения которых зависел ее успех: проблема плановых показателей, вопрос прибыли (стимулирования предприятий) и трудности переходного периода.

Что касается плановых показателей, то французские аналитики из Организации экономического сотрудничества и развития утверждали, что «вопреки распространенному на Западе мнению, советские предприятия никогда не были полностью лишены инициативы и не были подчинены всеобщему контролю»¹⁶. Однако всю имевшуюся у них автономию предприятия тратили на «совмещение своих интересов с требованиями, которые им выдвигались. Распределяя свои усилия, предприятия стремились получить те плановые задания, которые было легко выполнить и перевыполнить, ограничивая при этом свою “сверхпроизводительность”»¹⁷, чтобы в будущем не получить более высоких плановых требований. В конечном счете, прямо или косвенно, плановые показатели предопределяли всю деятельность предприятия. Частичное их упразднение в результате экономической реформы 1965 г., особенно отход от количественных критериев, создавало новую ситуацию в советской экономике и сильно повышало значимость такого фактора, как прибыль.

Составители документов подробно анализировали разницу в определении термина «прибыль» в СССР и на Западе, обращая внимание на сложность реализации этой части реформы. В частности, отмечалось, что если в СССР прибыль равна разнице между ценой на товар и себестоимостью, а цены директивно устанавливаются государством, то единственная возможность увеличения прибыли – снижение стоимости производства, то есть снижение качества, что противоречило цели реформы. В совокупности с жесткой регламентацией распределения доходов внутри предприятия, все это делало задачу повышения заинтересованности предприятий в результатах своего труда сложно выполнимой¹⁸.

Реформа реализовывалась постепенно, в несколько этапов. Еще в 1964 г. в качестве эксперимента на новый режим работы перешли два предприятия по производству одежды, а в 1965 г. – несколько сотен текстильных фабрик. Масштабные перемены

начались только в 1966 г., когда под действие реформы попали уже более 700 предприятий. А в 1967 г. на новый режим перешли уже целые отрасли экономики (в сумме 7 тысяч предприятий, на которых работало около 10 млн человек)¹⁹.

Масштабная реформа советской экономики оценивалась во Франции со сдержанным оптимизмом.

Так, вполне положительно оценивалось изменение системы ценообразования. Пересчет цен с целью повышения рентабельности предприятий привел к их росту в среднем на 10-11%. И если критерии ценообразования в СССР по-прежнему оставались «неясными и по меньшей мере спорными», все же реформа стала важным шагом к «более обоснованным ценам, что, в свою очередь, стимулировало повышение рентабельности предприятий»²⁰.

Положительные изменения произошли и в сфере зарплат. Предприятия получили возможность варьировать величину зарплат, что повышало их роль в экономике в целом и позволяло лучше стимулировать работников. Благодаря реформе, в СССР выросла средняя зарплата (в 1967 г. рост составил 4 %)²¹. А в одной из телеграмм французского посольства в Москве, отправленной в Париж в декабре 1966 г., указывалось, что в СССР сохраняется традиционная для страны «трилогия целей развития экономики – «увеличение экономического потенциала страны, развитие средств обороны, улучшение качества жизни населения, но акцент сделан на последнем»²².

Неоднократно во французских документах экономическая реформа 1965 г. сравнивалась с НЭПом. Аналитики из Организации экономического сотрудничества и развития отмечали, что при проведении реформы учитывался опыт НЭПа, «хотя до 1966 г. ленинские методы управления экономикой не признавались и не применялись»²³. При этом, речь шла «не о возвращении к практике 20-х гг. XX века, а о создании условий, позволяющих промышленности, сельскому хозяйству, транспорту и торговле работать эффективнее»²⁴. Вообще, для французских, как и в целом для западных, специалистов по СССР, было характерно регулярное противопоставление политики Ленина и Сталина с явным предпочтением в пользу первого.

Для Франции пристальное внимание к совершившимся в СССР экономическим преобразованиям имело явный прикладной характер. Де Голль и его окружение не сомневались, что развитие отношений с СССР необходимо Франции для отстаивания ее интересов и независимости²⁵.

Заметное улучшение климата советско-французского сотрудничества началось еще в 1964 г., когда во время визита в Париж министра внешней торговли СССР Н.С. Патоличева было подписано первое межгосударственное соглашение²⁶.

Но для подлинного прорыва в двусторонних отношениях нужен был серьезный импульс. Если в политическом смысле таким импульсом стал выход Франции из военной организации НАТО в 1966 г. и, в целом, начало разрядки международной напряженности, то в экономической сфере как раз проведение в СССР масштабных реформ стало одним из главных факторов в создании того самого уникального для Холодной войны механизма экономического сотрудничества между Москвой и Парижем.

В одной из справок подкомитета НАТО по экономической политике СССР от 4 мая 1966 г., то есть всего за несколько недель до легендарного визита президента Франции Шарля де Голля в СССР²⁷, отмечалось, что «при условии преодоления бюрократического сопротивления результаты работы предприятий могут быть улучшены благодаря введению стимуляторов, основанных на более рациональных показателях прибыли и благодаря мерам, открывающим для предприятий более широкие возможности для инициативы»²⁸. В целом, в документе отмечалось, что предпринимаемая в СССР реформа представляет собой «самую серьезную попытку заинтересовать промышленность в результатах своего производства и заставить предприятия учитывать интересы потребителей»²⁹.

Для Франции особенно важным стало то, что в экспертных заключениях подкомитета НАТО по экономической политике СССР в мае 1966 г. был сделан следующий вывод: «Несмотря на то, что реформа не сильно затрагивает вопросы внешней торговли, есть основания полагать, что поиск экономической эффективности приведет советское руководство к пересмотру своей политики в этой области <...> и к серьезным последствиям, которые изменят структуру и географию советской внешней торговли»³⁰.

С середины 1960-х гг. начали происходить серьезные изменения в советской внешней торговле, во французских документах даже сообщалось о «торговом возрождении СССР»³¹. Внешняя торговля перестала играть роль «простого регулятора плана» и превратилась в «фактор ускорения экономического роста»³². Эти изменения были закреплены на XXIII съезде КПСС, за ходом которого во Франции очень внимательно наблюдали. Особый интерес французам к съезду объяснялся тем, что он прошел в марте–апреле 1966 г., то есть непосредственно перед визитом де Голля в СССР.

Изменение концепции внешней торговли СССР в середине 1960-х гг. связывалось с тем, что новое руководство советской экономики во главе с Косыгиным осознало, что СССР в своем развитии достиг уровня, преодолеть который невозможно без иностранной помощи и что для сокращения отставания в промышленном развитии Москве необходимо в торговле с западными странами отойти от простого обмена товарами в пользу подлинного технологического сотрудничества»³³.

Для Франции подобные изменения в СССР были выгодны, поскольку в Пятой республике в то время как раз активно разрабатывались проекты по технологическому сотрудничеству со странами Восточной Европы. Ярким примером этого стало то, что в 1966 г. французский автогигант «Рено» договорился с правительством Румынии о создании в стране завода «Дачия», начавшего впоследствии производить в больших объемах не только уже существовавшие к тому времени модели «Рено», но и новые модели, ориентированные на восточноевропейский рынок. Учитывая, что до этого западные фирмы в основном ограничивались лицензионным производством своей продукции на территории стран «соцлагеря», можно сказать, что французы произвели революцию в торговле между двумя блоками.

В середине 1960-х гг. изменилась не только концепция, но и формат внешней торговли СССР. В 1965 г. с целью улучшения торговых показателей начался процесс создания двусторонних экономических комиссий с развивающимися странами. Первой такой страной стал Египет, впоследствии были созданы двусторонние комиссии с Ираном и Индией. Во французских документах отмечалось, что СССР создавал комиссии со странами, «которые уже имели или стремились к тесному экономическому сотрудничеству с Западной Европой»³⁴. Таким образом, перед визитом де Голля в СССР, то есть в начале реализации масштабных преобразований, сложился благоприятный фон для будущего прорыва в советско-французских экономических отношениях, и создание Большой комиссии по итогам визита стало логичным следствием постепенного сближения двух стран еще с 1964 г.

Если первые результаты экономических преобразований в СССР и их масштаб оценивались экспертами во Франции положительно, то в долгосрочной перспективе прогноз был гораздо более пессимистичным.

Так, в уже упоминавшемся отчете подкомитета НАТО по экономической политике СССР от 4 мая 1966 г. отмечалась уверенность экспертов в том, что СССР не сможет придать своей экономике

необходимую эффективность и гибкость без, по меньшей мере, тех глубинных изменений, которые уже происходили в тот момент в Югославии. Советские же преобразования уступали реформам в Югославии, где, по мнению французских аналитиков, была создана «квази-либеральная» экономика³⁵.

В документах прозорливо отмечалось, что при реализации масштабных преобразований «советское руководство в какой-то момент окажется перед фундаментальным выбором: продолжать движение по пути к рыночной экономике или нет»³⁶ и, скорее всего, выберет второе. И снова реформа 1965 г. сравнивалась с НЭПом, при котором введение элементов рыночной экономики соседствовало с сохранением «командных высот в экономике» за государством. Так же и в 1960-е гг.: положительный эффект от повышения заинтересованности предприятий в результатах своего труда во многом нивелировался сохранением централизованной системы планирования.

В целом, французские аналитические документы по советской экономике показывали, что в середине 1960-х гг. сложились благоприятные факторы для резкой активизации экономического сотрудничества между СССР и Францией, но при этом предупреждали, что действовать надо было быстро, поскольку эти факторы в будущем могли измениться.

Потенциал у советско-французского экономического сотрудничества действительно был серьезным. Помимо благоприятной политической конъюнктуры и структурного сходства советской и французской экономик (большой государственный сектор), советско-французские экономические связи строились на идее взаимодополняемости. В СССР большее внимание уделялось фундаментальным исследованиям, а во Франции лучше были развиты прикладные направления, что как раз и составляло основу взаимного интереса Москвы и Парижа к развитию двустороннего экономического сотрудничества³⁷.

Таким образом, масштабные экономические преобразования в СССР в середине 1960-х гг., находившиеся под пристальным вниманием французских специалистов по СССР и советской экономике, в совокупности с политикой разрядки международной напряженности позволили качественно преобразовать советско-французские экономические связи. Из документов французских архивов становится понятным, что в Пятой республике скептически относились к перспективам и долгосрочным последствиям экономической реформы 1965 г. в СССР, однако, положительно оценивали ближайшую перспективу, особенно в том, что

касались большей открытости советской экономики в сторону западных стран и технологий.

Неслучайно, что как раз в первые восемь лет после начала реализации реформы и визита Шарля де Голля в СССР, ставшего символом эпохи разрядки, товарооборот между Францией и СССР увеличился в четыре раза и был реализован ряд очень крупных совместных проектов.

Примечания (Endnotes)

- 1 Rey M.-P. Les fruits de la détente dans les relations franco-soviétiques // Relations internationales. 1986. № 45. P. 67–85; *Vaisse M.* La grandeur: Politique étrangère du général de Gaulle. Paris, 2013. P. 414–434.
- 2 Советско-французские отношения 1965 – 1976 гг.: Документы и материалы. М., 1976. С. 31.
- 3 Centre des Archives Economiques et Financières (CAEF). B 44151. Organisation de cooperation et de developpement economiques. Groupe de travail du comité des échanges. Note du Secrétariat. 22.01.1969.
- 4 Čech L. Nemecká spolková republika a jej zahraničná politika v rokoch prvej a druhej vlády “malej koalície” (1969 – 1974). Bratislava, 2014, pp. 30–32.
- 5 CAEF. B 44151. Organisation de cooperation et de developpement economiques. Groupe de travail du comité des échanges. Note du Secrétariat. 22.01.1969.
- 6 Ibidem.
- 7 Ibidem.
- 8 CAEF. B 44151. Note de l’ambassade de France en URSS. № 432. 20.03.1963.
- 9 Ibidem.
- 10 CAEF. B 44151. Rapport du Sous-Comité sur la Politique Economique Soviétique. NATO Confidential Document. AC/127-D. 04.05.1966.
- 11 CAEF. B 44151. Note du Secrétariat. Organisation de cooperation et de developpement économiques. TC/WP (68)1. 22.01.1969.
- 12 CAEF. B 44151. Ambassade de France. Le conseiller économique et commercial. Note № 224. 14.02.1959.
- 13 CAEF. B 44151. Rapport du Sous-Comité sur la Politique Economique Soviétique. NATO Confidential Document. AC/127-D. 04.05.1966.
- 14 CAEF. B 44151. Organisation de cooperation et de developpement economiques. Groupe de travail du comité des échanges. Note du Secrétariat. 22.01.1969.
- 15 Ibidem.
- 16 Ibidem.
- 17 Ibidem.
- 18 Ibidem.
- 19 Ibidem.
- 20 Ibidem.

- 21 Ibidem.
- 22 CAEF. B 44151. Télégramme № 5280-89. 1.12.1969.
- 23 CAEF. B 44151. Organisation de cooperation et de developpement economiques. Groupe de travail du comité des échanges. Note du Secrétariat. 22.01.1969.
- 24 Ibidem.
- 25 *Канинская Г.Н.* Русское прошлое одного левого голлиста: Лео Амон (1908 – 1993) // Диалог со временем. 2017. № 60. С. 108.
- 26 *Дубинин Ю.В.* Еще раз о «Европе от Атлантики до Урала» // Новая и новейшая история. 2008. № 2. С. 105–108; *Осипов Е.А.* Помпиду – Брежнев: Документы из французских архивов // Международная жизнь. 2011. № 4. С. 106–121.
- 27 *Арзаканян М.Ц.* Великий де Голль: «Франция – это я!». М., 2012. С. 383–389; *Липкин М.А.* Визит Шарля де Голля в Советский Союз и вопросы внешнеполитической стратегии Москвы в 1966 – 1969 гг. // Quaestio Rossica. 2016. № 4. С. 261–274.
- 28 CAEF. B 44151. Rapport du Sous-Comité sur la Politique Economique Soviétique. NATO Confidential Document. AC/127-D. 04.05.1966.
- 29 Ibidem.
- 30 Ibidem.
- 31 CAEF. B 44151. Notes et etudes documentaires. № 3804. 19 juillet 1971. P. 6
- 32 Ibidem.
- 33 Ibidem. P. 18
- 34 CAEF. B 44151. Organisation de cooperation et de developpement economiques. Les programmes d’aide de l’URSS et des pays d’Europe Orientale, Document de travail. 18.09.1972.
- 35 CAEF. B 44151. Rapport du Sous-Comité sur la Politique Economique Soviétique. NATO Confidential Document. AC/127-D. 04.05.1966.
- 36 Ibidem.
- 37 CAEF. B 44151. Notes et etudes documentaires. № 3804. 19 juillet 1971. P. 19-20.

Автор, аннотация, ключевые слова

Осипов Евгений Александрович – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории Российской академии наук (Москва). eaossipov@gmail.com

Советско-французские отношения второй половины 1960-х – первой половины 1970-х гг. стали началом и символом разрядки международной напряженности. Для Франции одним из оснований развития экономического сотрудничества с СССР стала оценка французскими экспертами экономической реформы, которую советское правительство начало осуществлять в 1965 г. Эта оценка всесторонне отражена в документах, хранящихся в настоящее время в Архиве экономики и финансов Франции. Автор использовал эти документы как исторический источник впервые во французской и российской историографии. Анализ этих документов впервые раскрыл мнение французских экспертов по советской

экономике о замысле экономической реформы 1965 г., о первых шагах и первых трудностях в ее осуществлении, а также о перспективах ее реализации. Судя по этим документам, во Франции внимательно следили за ходом экономической реформы, проводимой премьер-министром СССР А.Н. Косыгиным, и готовились к серьезному изменению советской экономической политики, особенно во внешней торговле. Они уверенно предполагали, что советская экономика станет более открытой для западных товаров и технологий. В этом случае французское правительство рассчитывало воспользоваться налаженными политическими связями с СССР, чтобы утвердиться на рынке Восточной Европы и успешно конкурировать там с ФРГ. В то же время французские эксперты скептически относились к перспективам и долгосрочным последствиям экономической реформы 1965 г. Хотя эксперты были уверены в том, что в середине 1960-х гг. сложились благоприятные условия для активизации экономического сотрудничества Франции с СССР, они прозорливо предупреждали, что французскому правительству действовать надо быстро, поскольку эти условия в будущем могли измениться в худшую сторону.

Холодная война, разрядка международной напряженности, советско-французские отношения, внешняя торговля, международное экономическое сотрудничество, экономическая реформа 1965 г., Организация Североатлантического договора (НАТО), Н.С. Хрущев, Л.И. Брежнев, Шарль де Голль, А.Н. Косыгин.

Refereces (Articles from Scientific Journals)

1. Dubinin Yu.V. Eshche raz o "Evrope ot Atlantiki do Urala" [One More Time on "Europe from the Atlantic to the Urals"]. *Novaya i noveyshaya istoriya*, 2008, no. 2, pp. 105–108. (In Russ.).
2. Kaninskaya G.N. Russkoe proshloe odnogo levogo gollista: Leo Amon (1908 – 1993) [The Russian Past of One Left Gaullist: Leo Amon (1908 – 1993)]. *Dialog so vremenem*, 2017, no. 60, pp. 90–110. (In Russ.).
3. Lipkin M.A. Vizit Sharlya de Gollya v Sovetskiy Soyuz i voprosy vneshnepoliticheskoy strategii Moskvy v 1966 – 1969 gg. [The Visit of Charles de Gaulle to the Soviet Union and Moscow's Foreign Policy Strategy in 1966 – 1969]. *Quaestio Rossica*, 2016, no. 4, pp. 261–274. (In Russ.).
4. Osipov E.A. Pompidu – Brezhnev: Dokumenty iz frantsuzskikh arkhivov [Pompidou – Brezhnev: Documents from the French Archives]. *Mezhdunarodnaya zhizn*, 2011, no. 4, pp. 106–121. (In Russ.).
5. Rey M.-P. Les fruits de la détente dans les relations franco-soviétiques [The Fruits of Detente in Franco-Soviet Relations]. *Relations internationales*, 1986, no. 45, pp. 67–85. (In French).

(Monographs)

6. Arzakanyan M.Ts. Velikiy de Goll: "Frantsiya – eto ya!" [The Great de Gaulle: "I am France!"]. Moscow, 2012, pp. 383–389. (In Russ.).
7. Čech L. Nemecká spolková republika a jej zahraničná politika v rokoch prvej a druhej vlády "malej koalície" (1969 – 1974) [Foreign Policy of the Federal Republic of Germany during the Years of the First and the Second Governments of the "Small Coalition" (1969 – 1974)]. Bratislava, 2014, pp. 30–32. (In Slovak).
8. Vaisse M. La grandeur: Politique étrangère du général de Gaulle [The Grandeur: Foreign Policy of General de Gaulle]. Paris, 2013, pp. 414–434. (In French).

Author, Abstract, Key words

Evgeniy A. Osipov – Candidate of History, Senior Research Fellow, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia). eaosipov@gmail.com

The Soviet-French relations in the second half of the 1960s signaled the commencement of détente. One of the grounds for France to develop economic cooperation with the USSR was the French experts' appraisal of the economic reform which was launched by the USSR government in 1965. Their estimates and judgments are fully recorded in documents currently held in the Archive of France's Economy and Finances. Using these documents as historical sources for the first time in French and Russian historiography, the author discloses what the French pundits on soviet economics thought about the 1965 economic reform, its first steps and obstacles as well prospects of its implementation. The documents witness that France closely followed the course of the economic reform carried out by Prime Minister Kosygin anticipating serious changes in the Soviet economic policy, particularly, in foreign trade. The Soviet economy was believed to become more open toward the Western goods and technologies. In this case the French government intended to use its good political ties with the USSR to get France established on the East-European market as a successful competitor of the FRG (Western Germany), even though being skeptical about the long-term prospects and outcomes of the 1965 economic reform. Although the French economists were confident that the mid 1960s was the right time to expand France's economic cooperation with the Soviet Union, they rightly called on the French government to act fast as the situation in the future was likely to change for the worse.

Cold War, Détente, Soviet-French relations, foreign trade, international economic cooperation, economic reform of 1965, North Atlantic Treaty Organization (NATO), Nikita S. Khrushchev, Leonid I. Brezhnev, Charles de Gaulle, Aleksey N. Kosygin.

СОБЫТИЯ И СУДЬБЫ Landmarks in Human History

С.В. Джунджужов, С.В. Любичанковский

МИССИОНЕРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НИКОДИМА ЛЕНКЕЕВИЧА В КАЛМЫЦКОМ ХАНСТВЕ (1725 – 1734 годы)*

S. Dzhundzhuzov, S. Lyubichankovskiy

The Missionary Activity of Nicodemus Lenkeevich in the Kalmyk Khanate (1725 – 1734)

С XVIII в. миссионерская деятельность Русской православной церкви перешла в государственное ведомство и стала частью государственной политики. Синодом составлялись инструкции для миссионеров, формировался штатный состав православных миссий.

Однако миссионерская деятельность не становилась от этого менее сложной и опасной. Центров подготовки православных миссионеров в первой половине еще не существовало. Миссионерам приходилось селиться среди инородцев, самостоятельно изучать их язык, быт и верования, переводить на местные диалекты православные молитвы и выдержки из Писания, «подвигать» язычников к восприятию крещения. На природно-климатические и бытовые невзгоды накладывалась опасность от подстрекательских действий служителей языческих культов и духовенства иноверческих конфессий, видевших в православных миссионерах конкурентов, отбиравших у них духовную власть над местным населением.

Разнообразие народов и малых групп, населявших территорию Российской империи, требовало от миссионеров умения выстраивания с каждым из них доверительных отношений. Миссионеру

приходилось учитывать политические, экономические, социальные, культурологические, этнопсихологические факторы. Однако, как справедливо отметил два десятка лет назад известный историк православного миссионерства А.Б. Ефимов, «тысячелетний опыт веропроповеднического подвига в самых различных условиях духовенства и мирян, аристократии, государей и простолюдинов, ученых богословов и простых крестьян остается сегодня неизвестным и не востребуемым»¹.

К ним отчасти можно отнести и иеромонаха Никодима Ленкеевича, возглавлявшего первую православную миссию среди калмыков в 1725–1734 гг. Отчасти потому, что деятельность самой миссии привлекла внимание иеромонаха Гурия (А.И. Степанова), доцента Казанской духовной академии в 1906–1909 гг. Обильное цитирование Гурием архивных документов, многие из которых к настоящему времени, вероятно, безвозвратно утеряны, превращают его работы в ценный исторический источник². То же самое можно сказать об исследовательских изысканиях студентов академии, писавших в те годы работы по истории миссионерства среди калмыков³.

Рост научного и общественного интереса к национальной и конфессиональной политике Российской империи и истории РПЦ, наметившийся в 1990-е гг., коснулся и деятельности православных миссионеров среди калмыков⁴.

Начальному этапу христианизации калмыков, восприятию христианства представителем ханской династии, владельцем Петром Тайшиным, и действовавшей при его улусе православной миссии, посвящен раздел в монографии К.В. Орловой. Основываясь на современных статистических методиках, автор установила приблизительное количество окрещенных калмыков, что позволило ей сделать вывод «об определенном успехе первой православной миссии»⁵.

Предлагаемая вниманию читателя статья является первым специальным исследованием, посвященным миссионерской деятельности Никодима Ленкеевича, а также тех миссионеров, которые выполняли его указания или были его учениками, то есть представляли, в определенном смысле, «школу» Ленкеевича.

* * *

Никодим Ленкеевич, поляк по происхождению, родился в 1673 г. в Брянском повете Бельской земли. При крещении был назван Николаем. В 1715 г. принял монашеский постриг, а с ним и имя Никодим. В сочинении студента Казанской духовной

* Исследование выполнено в рамках проекта Российского научного фонда «Имперская политика аккультурации и проблема колониализма (на материалах урало-поволжских и центрально-азиатских территорий Российской империи)» (№ 17-18-01008).

академии А. Дмитриевского указывается, что в сан иеродьякона, а затем и иеромонаха, Никодим был рукоположен митрополитом Тобольским и Сибирским Феодором, стараниями которого стали христианами десятки тысяч язычников на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке. А. Дмитриевский высказал предположение, что калмыцкий язык Никодим мог выучить в то время, когда состоял монахом относившегося к Киево-Печерской лавре Ново-Печерского монастыря. На эту мысль его навел указ от 14 января 1717 г., повелевавший селить новокрещеных калмыков в близкой от Киева местности⁶.

Так знание калмыцкого языка и миссионерской работы предопределили назначение иеромонаха Никодима главой православной духовной миссии в Калмыцком ханстве.

Создание миссии определялось как политическими интересами государства – утверждение российского влияния в Калмыцкой степи при посредничестве крещеных калмыцких владельцев, – так и заинтересованностью РПЦ в увеличении паствы.

Начальной датой добровольного вхождения калмыков в состав Русского государства считается 1609 г., когда в крепостном сибирском городке Таре предводимая тайшей Хо-Урлюком 50-тысячная группировка торгоутских калмыков принесла присягу на подданство русскому царю. Позднее их примеру последовали представители других калмыцких сообществ: дербетов, хошоутов и тех же торгоутов. Миграция калмыков на Запад завершилась в 1630-е – 1690-е гг. с их расселением в степных просторах по берегам Яика (Урала), Волги (от Астрахани до Самары) и в Придонье. В 1690 г. далай-лама возвел в ханское достоинство калмыцкого правителя тайшу Аюку, сумевшего подчинить своей власти всех калмыков, кочевавших на этих территориях.

Отношения между Россией и Калмыцким ханством строились на договорной основе. При этом царское правительство относилось к калмыкам как к подданным с особым правовым статусом. Согласно шертной (договорной) записи 1657 г., калмыки должны были состоять «в вечном подданстве и послушанье». В 1672 г. обязательство «быть в вечном подданстве и ходить войною на неприятелей [России]» подтвердил хан Аюка⁷.

Однако наличие письменных обязательств не служило для калмыцких тайшей препятствием к их нарушению. Дореволюционные исследователи Г.И. Перетякович, В.Н. Витевский и другие отмечали, что правители калмыков по отношению к России продолжали держать себя совершенно независимо, свободно ведя сношения с Китаем и Тибетом, и не прерывали связей с Джунгарией, откуда

приходили к ним и уходили с Волги тысячи кибиток. Опустошительным набегам со стороны калмыков подвергались как русские поселения, так и владения народов, признавших себя подданными русского царя: башкир, ногайцев, татар. В одном из донесений говорилось: «Города воюют, села и деревни жгут, ногайские улусы разоряют и в полон емлют»⁸.

Русское влияние на калмыков проявлялось в восприятии христианства некоторыми их представителями. Уже во второй половине XVII в. проблема российского покровительства крещеных калмыков вышла на межгосударственный уровень. В шерти, взятой у Аюки в 1677 г. Астраханским воеводой князем К.О. Щербатовым, содержалось обязательство: «Буде которые калмыки по своим желательствам в православную христианскую веру крестятся, и тех им, тайшам и улусным их людям, не просить и об них Великому Государю не бить челом»⁹.

Символический акт принятия Аюкой ханского титула от далай-ламы означал утверждение тибетского буддизма в качестве государственной религии Калмыцкого ханства. На этом основании распространение христианства могло рассматриваться как покушение на государственный суверенитет, а право крещеных калмыков не подчиняться своим бывшим владельцам – как покушение на феодальную собственность. В 1700 г. зайсангом Яманом было сожжено поселение крещеных калмыков, располагавшееся вблизи Саратова, на впадавшей в Волгу реке Терешке. Аюка отказался призвать Ямана к ответственности, ссылаясь на право зайсангов «всегда забирать своих холопов»¹⁰. После этого Москва стала переселять крестившихся калмыков в малороссийские города Киев и Чугуев для последующей записи в казаки.

Правление Аюки продолжалось 52 года – с 1672-го по 1724-й. Он пережил своих старших сыновей, и к концу его правления в борьбу за ханский престол вступили наследники-внуки. Образовалось две противоборствующих группировки во главе с двоюродными братьями Дасангом и Дондук-Омбо. Каждая из них искала поддержки русского правительства. Но дальше всех пошел родной брат Дасанга Баксадай Доржи, изъявивший желание принять крещение. Под предлогом подачи жалобы на Дондук Омбо, Баксадай был отправлен Астраханским губернатором А.П. Волинским к императорскому двору. Обряд крещения состоялся в С.-Петербурге 24 ноября 1724 г. Восприемником ханского отпрыска пожелал быть сам Петр I. По его милости, новокрещеный калмыцкий владелец был наречен Петром Тайшиным. Тогда же были крещены семь зайсангов из свиты П. Тайшина.

Их восприемниками были А.Д. Меньшиков, канцлер Г.И. Головкин и другие сановники¹¹.

Обещая особое покровительство и содействие в возвращении захваченных двоюродными братьями улусов, Астраханский губернатор Волынский пытался склонить к восприятию православия родных братьев П. Тайшина – Дасанга и Нитар Доржи. Но, ссылаясь на старость и возможную потерю авторитета, Дасанг уклонился от смены исповедания. Его примеру последовал и Нитар, младший брат П. Тайшина¹².

Крещению калмыцкой знати, примеру которой должны были следовать подвластные им калмыки, Петр I придавал большое значение. В его указе от 20 января 1724 г. содержалось требование «склонять владельцев и законников их в христианство»¹³. 19 апреля 1724 г. последовал новый указ, предписывавший Синоду «приискать таких учителей, которые могли бы калмыцкого народа людей по благочестию приводить, и как такие учителя приисканы будут, доложить о том его Императорскому Величеству»¹⁴.

Крещение П. Тайшина открыло перспективу расширения постоянного русского присутствия в Калмыцкой степи путем создания духовной миссии при улусе крещеного владельца (постоянного посольства России при ханской ставке в это время не было, и сношения между ними осуществлялись через чиновников астраханской администрации). Общее руководство миссией предполагалось поручить Астраханской епархии. Но в Астрахани, как это следовало из донесения епископа Лариона, подходящих людей, «знающих калмыцкий язык и могущих путем проповеди приводить калмыков к познанию истинной веры», найти не удалось¹⁵.

Формирование миссии, постройку походной церкви и подборку для нее богослужебной утвари и книг Екатерина I поручила находившимся в Москве членам Синода – архиепископу Сорскому и подольскому Леониду, архимандриту Троице-Сергиева монастыря Гавриилу и архимандриту Новоспасского монастыря Иерофею. Помощниками к поставленному во главе миссии иеромонаху Никодиму Ленкеевичу были назначены учащиеся Славяно-греко-латинской академии Андрей Чубовский, Иван Ляхов, Максим Долматов, Петр Смирнов, Федор Львов. Вне зависимости от возраста и исполняемых обязанностей в миссии они продолжали числиться школьниками. Содержание миссионеров определялось из расчета: священнику 300 руб., школьникам по 100 руб. в год¹⁶.

Задачи миссии определялись инструкцией «О просвещении новокрещеных калмыков учениям христианской веры», данной иеромонаху Никодиму 25 января 1725 г. Инструкция предписывала:

обучать крещеных калмыков символам и догматам веры, а также переведенным на калмыцкий язык молитвам; исполнять православные обряды; отучать от прежних языческих пристрастий. 11-й пункт инструкции содержал указание: «О всех действиях рапортовать в Святейший Синод обстоятельно»¹⁷. Это указание формально защищало миссию от вмешательства в ее деятельность Астраханской епархии.

Ленкеевич руководил православной миссией с 1725 по 1734 гг. Изначально миссия создавалась для устройства христианской жизни тех калмыков, которые крестились с П. Тайшиным, поэтому до 1731 г. она располагалась непосредственно при кочевье крещеного владельца, а затем переместилась в Астрахань.

1 мая 1725 г. Ленкеевич со школьниками выехал в Степь и приступил к исполнению своих обязанностей. Вскоре выяснилось, что враждебно к его миссии относятся не только подстрекаемые буддистским духовенством знатные калмыки. Неприязненные отношения сложились у Ленкеевича и с самим крещеным владельцем Петром Тайшиным, рассматривавшим переход в христианство как возможность при поддержке России усилить свое политическое и экономическое влияние. Не содействовала (и даже чинила препятствия работе миссии) астраханская губернская администрация.

К этому времени, по настоянию губернатора Волынского, наместником Калмыцкого ханства был утвержден сын Аюки Черен Дондук. Не имея возможности противиться монаршей воле, П. Тайшин стал оспаривать первенство у старшего брата Дасанга. В конце мая подстрекаемый Дасангом Нитар Доржи напал на улус П. Тайшина и захватил в плен его жену и всех членов православной миссии. Сам П. Тайшин вынужден был бежать в Царицын и просить защиты у Астраханского губернатора. В итоге, чтобы заслужить прощение губернатора, Дасанг приказал убить Нитар Доржи и обвинил его во всех разбойных нападениях, в которых сам же и участвовал¹⁸.

После этого случая П. Тайшин обратился в Коллегию иностранных дел с прошением о постройке для него и крещеных калмыков отдельного городка вблизи Астрахани и передаче ему от других владельцев всех калмыков, воспринявших христианство. Однако, чтобы не провоцировать и без того напряженную обстановку вокруг крещеных калмыков, канцлер Г.И. Головкин уклонился от прямого ответа¹⁹.

Идею создания отдельного поселения для крещеных калмыков поддерживал и Ленкеевич. В 1729 г. он от имени самих крещеных

калмыков обратился в Синод с просьбой «определить новокрещеным особое место, чтоб не быть им обижаемым от прочих иноверных калмык»²⁰. В то же время иеромонах решительно противился установлению над ними власти П. Тайшина. В донесениях Синоду он неоднократно сообщал о продолжающейся приверженности П. Тайшина прежнему вероисповеданию и демонстративной поддержке буддистского духовенства: «Новообращенный Тайшин о подчиненных ему калмыках не токмо старания не имеет, но и малых их детей отвращал, а сам более со своими попами, нежели с православными сообщения имеет. Когда же получал жалование, то из него раздавал некрещеным калмыкам и попам моления ради идолам»²¹.

Помехи работе миссии чинили, как уже отмечалось, и астраханские губернаторы, по долгу службы обязанные всячески содействовать и защищать миссионеров. В 1726 г. Астраханский губернатор Волынский, сославшись на отсутствие предписания из С.-Петербурга, отказался стать восприемником жены владельца П. Тайшина. Он же, не поставив в известность Ленкеевича, держал под арестом «в железах» его учеников. Ленкеевич вынужден был просить у Синода для астраханских губернаторов специального указа об отсутствии запрета на проведение обряда крещения для всех калмыков, заявляющих о желании стать христианами.

В 1730 г. самый способный из его учеников Андрей Чубовский был отозван из миссии новым Астраханским губернатором генералом И.А. фон Мегденом для перевода калмыцких писем, а в 1735 г. из Астрахани последовало ходатайство о переводе Чубовского из миссионеров на гражданскую службу²².

По прибытии в кочевье Ленкеевич существенно изменил основную задачу миссии. Он не стал ограничиваться одной лишь опекой П. Тайшина и крестившихся с ним зайсангов. Главной задачей стало склонение к восприятию христианства как можно большего числа калмыков вне зависимости от улусной принадлежности.

Он обратил внимание, что жена П. Тайшина, как и жены крестившихся с ним калмыков, оставались буддистками. Главы семейств соглашались крестить своих жен и детей, если пример им в этом покажет чета Тайшиных. 20 сентября 1726 г. Ленкеевич уведомил архимандрита Гавриила, что «Божьей помощью, а моим недостойным советом, новокрещеного Петра Тайшина жена Церенянжи в праздник Рождества Пресвятыя богородицы, склонение свое ко крещению учинила было, за которую сам Петр Петрович ко мне с толмачом приходил, чтобы я с ним к господину губернатору Волынскому пошел и просил бы его в восприем-

ники». Окрестить Церенянжи в тот же год помешала уклончивая позиция Волынского, сославшегося на отсутствие полномочий²³. Однако уже самого факта согласия Церенянжи Тайшиной сменить вероисповедание оказалось достаточным для побуждения к тому же других владетельных и рядовых калмыков.

В 1727 и 1728 гг. были крещены сын П. Тайшина Алексей и зайсанг Цэрбэ (Николай) с семьей. По представленному Ленкеевичем реестру, в эти годы приняли крещение 176 душ. В 1729 г. иеромонаху Никодиму удалось побудить к восприятию христианства первых представителей буддистского духовенства. Православными христианами стали гелюнг Доржа (Давыд) и два гецуля – Даши (Филипп) и Мергень (Лука)²⁴. По подсчетам В. Рубилина, с 1725 по 1730 гг. им крещено было 432 человека²⁵.

Много внимания Ленкеевич уделял религиозному просвещению крещеных калмыков. Службы проходили в походной церкви Воскресения Христова, подаренной Петру Тайшину, как о том свидетельствовала надпись на иконостасе, самим императором Петром I. Сама церковь, по данным С.С. Белоусова, представляла собой специально оборудованную для богослужения кибитку, перевезившуюся в разобранном виде²⁶.

Проповедь велась на разговорном калмыцком языке. Со своими учениками Ленкеевич занимался переводами на калмыцкий язык православных молитв. Ими были переведены и представлены на утверждение в Синод Молитва господня, Символ веры и 10 заповедей в толковании. Сам он относился к переводческим способностям своих учеников весьма скептически: «Несмотря на знание калмыцкого языка <...> за недознанием риторического учения и терминов философских, настоящего перевода по-калмыцки сделать не могут»²⁷. Не следует забывать, что школьники, зачисленные в миссию, были взяты из младших классов. Они могли говорить на калмыцком языке, освоить калмыцкую грамоту, но для переводческой деятельности этих знаний было недостаточно. Не рекомендовал использовать представленные Ленкеевичем переводы секретарь Коллегии иностранных дел В. Бакунин. Свое мнение он обосновал в донесении от 12 января 1737 г.: «За правильный перевод он почестся не может, ибо есть весьма погрешения, за тем, что калмыцкий язык не регулярной и перед российским весьма краткой; они же [Школьники при Н. Ленкеевиче. – С.Д., С.Л.] обучались тому простому калмыцкому языку, что в книжном, в котором за краткостью оноаго вмешан и мунгальский язык, сходства не имеет»²⁸.

Миссия Ленкеевича инициировала сбор калмыцких религиозных текстов, обличающих буддизм как языческое заблуждение.

В частности, одно из таких сочинений Ленкеевич взял для ознакомления у крещеного калмыка Давида, бывшего до крещения калмыцким гелюнгом, и отослал в Синод²⁹.

Враждебное отношение к православной миссии со стороны знати и буддистского духовенства возрастало пропорционально численности крестившихся калмыков. В 1730 г. наместник Ханства Черен Дондук и его мать Дарма Бала обратились в Коллегию иностранных дел с просьбой «калмык их для крещения в российские города не принимать». Коллежская канцелярия оставили просьбу без удовлетворения, сославшись на щертовальные записи, в которых хан Аюка с прочими калмыцкими владельцами обещал не препятствовать добровольному крещению калмыков и не требовать от царя их возвращения к бывшим владельцам³⁰.

Наконец, после получения известия о переходе в христианство шести семей, ранее состоявших в его улусе, владелец Дасанг решил напасть на православную миссию и находившихся при ней крещеных калмыков. Подробности и последствия этого события Ленкеевич сообщил в Синод 12 марта 1730 г.: 5 января предводимый Дасангом отряд сломил сопротивление крещеных калмыков, которыми командовал зайсанг Илья Табитей, в результате учиненного погрома 1 человек погиб, двое ранены, 41-го увели в плен, остальные крещеные калмыки разбежались, а оставленное ими имущество разграблено. «А как грабили, – писал иеромонах Никодим, – образы божии некоторые кидали в камыши, а иные унесли с собою». Нападение среди новокрещеных вызвало такую панику, что некоторые из живших при миссии калмыков отказались от христианства и присоединились к Дасангу³¹.

Ленкеевич просил правительство оказать давление на Дасанга, направить ему указ об освобождении пленных и возвращении отнятого имущества. В противном случае, предупреждал он, «ежели оных новокрещеных калмыков не возвратят по-прежнему, то не точию креститься не будут, но и последние могут разбежаться»³². Никакого правительственного решения, видимо, не последовало.

Учиненный Дасангом погром стал переломным моментом в деятельности первой православной миссии. Дальнейшее ее пребывание в калмыцких кочевьях Ленкеевич находил опасным и нецелесообразным. Очевидно, С.-Петербург расстался с идеей быстрой христианизации калмыцкой знати. Не оправдал возложенных на него надежд крещеный владелец Петр Тайшин. После того, как в 1731 г. под давлением русского правительства в ханское достоинство был возведен наместник Калмыцкого ханства Черен

Дондука, П. Тайшин открыто примкнул к его врагам. Разоренные и не надеявшиеся на русское покровительство крещенные калмыки стали возвращаться к своим бывшим владельцам. Так, в ведомство Дасанга с подвластными калмыками ушли зайсанг Михаил Дан, бывший гелюнг Давид (Доржи), сын гелюнга Константин³³.

Потери были и среди сотрудников миссии. Школьник Максим Далматов умер. Иван Кондаков оказался для церковного дела не годным: женился «на калмычке по калмыцкому обыкновению»³⁴.

В 1730 г. по предписанию Синода, иеромонах Никодим, в сопровождении школьников Ляхова и Смирнова, выехал в Москву. Попечение о походной церкви и крещеных калмыках временно возлагалось на дьякона Михаила Протопопова и школьника Федора Черкасова.

П. Тайшин решил воспользоваться благоприятной ситуацией для дискредитации Н. Ленкеевича. В феврале 1731 г. через Коллегию иностранных дел он направил в Синод донос на начальника миссии. Калмыцкий владелец жаловался, что из-за отсутствия духовного учителя не имеет возможности окрестить своего двухлетнего сына. Об иеромонахе Никодиме он писал, что тот к нему приезжает редко, подолгу живет в Астрахани. Там же, в Астрахани, постоянно находится походная церковь. В улусы ее никогда не привозят³⁵.

От привлечения к ответственности Ленкеевича спасли показания школьника Федора Черкасова, который 30 апреля 1731 г. сообщил, что новокрещеный владелец Петр Тайшин в 1729 г., по наущению гелюнгов, «поймал его Черкасова, бил смертельным боем, и, связав уткою, живого, в зимнее время, выкинул в пустую палату, отчего он, Черкасов, проболел 10 месяцев и, будучи не в состоянии оставаться в калмыцкой степной службе, ныне приехал в Москву»³⁶.

От Синода Ленкеевич добивался не только перевода миссии в Астрахань, где она бы находилась под надежной защитой, но и повышения статуса ее членов и прежде всего его самого, иеромонаха Никодима. В его донесении 27 сентября 1731 г. говорилось о необходимости назначения к калмыкам «настоятеля чинного, литерата искусного, пред которым бы новокрещеный калмыцкий владелец Петр Тайшин с другими возымел бы страх божий. А до того времени посвятить в священники дьякона Михаила Протопопова или Андрея Чубовского, знающих калмыцкий разговорный язык». По мнению А. Дмитриевского, обращение к церковному начальству было вызвано тщеславными помыслами Ленкеевича, поставившего себе в заслугу крещение нескольких сот калмыков и склонность кочевников к почитанию внешних отличий³⁷.

Синод признал доводы убедительными, возвел Никодима в сан архимандрита с одновременным его назначаем настоятелем Астраханского Иоанна-Предтеченского монастыря. Новое назначение означало переход православной миссии в ведение Астраханской епархии. Но Ленкеевич попытался отстоять свое право непосредственного обращения в Синод. 19 ноября 1731 г. он подал в Синод новое донесение, в котором поставил вопрос об изъятии монастыря из ведения Астраханского епископа. Он также просил об открытии при монастыре училища для крещеных калмыцких детей и снабжении походной церкви палаткой. Донесение оканчивалось припиской: «Если же Св. Синод помощи ему не соизволит, училища при монастыре не устроит и самый монастырь не примет под свою непосредственную зависимость, то он в Астрахань ехать не намерен, а желает быть на покое»³⁸.

Члены Синода поддержали предложения Ленкеевича, направленные на совершенствование миссионерской деятельности, но решительно отвергли выраженное в ультимативном тоне требование о выводе монастыря из ведения Астраханского епископа. Архимандриту предписывалось немедленно отправляться в Астрахань и продолжать исполнять возложенные на него миссионерские обязанности.

Миссионерство Ленкеевича в должности настоятеля Иоанна-Предтеченского монастыря продолжалось до 1734 г. Как и прежде, главной его заботой оставалось распространение христианства. Из реестров, представленных в 1733 и 1734 гг., следует, что за три года число крестившихся калмыков, по сравнению с предыдущим периодом, увеличилось в три раза и составило 1 232 человека³⁹.

Однако с переводом православной миссии в Астрахань влияние ее на улусных калмыков заметно ослабло. Выезжавшие в степь православные миссионеры заботились, главным образом, об увеличении количества новокрещеных, но не об их просвещении. Обряд крещения совершался после краткого обучения первоначальным молитвам и символу веры. В том случае, когда усвоение молитв давалось слишком туго, Синодом, по ходатайству Астраханского епископа Иллариона, было разрешено крещение калмыков по одному уведомлению о вере в бога⁴⁰.

Между тем религиозно-просветительская деятельность Ленкеевича положила начало организации школьного образования для калмыков.

14 февраля 1732 г. Правительствующий Сенат утвердил представленный из Синода проект о школе для обучения новокреще-

ных калмыцких детей русской и калмыцкой грамоте. Училище было открыто при Иоанна-Предтеченском монастыре. Предполагалось, что из калмыцких детей, успешно освоивших русскую грамоту, будут готовить дьяконов и священников. На содержание училища выделялось 300 руб. Ученикам определялась «норма гарнизонных школ», то есть по денежному довольствию их приравнивали к солдатским детям, обучающимся в гарнизонных школах. Для учеников, показывавших особые успехи и прилежание, допускались поощрительные выплаты. Училище опекал Ленкеевич, отчитывавшийся о количестве обучающихся, их возрасте и успехах.

И хотя известий о судьбе училища в архивных документах и исследовательской литературе не обнаружены⁴¹, инициатива иеромонаха Никодима по внедрению школьного образования для калмыцких детей не канула в Лету. В 1737–1741 гг. в Самаре работала татаро-калмыцкая школа, учрежденная начальником Оренбургской комиссии В.Н. Татищевым. 6 июля 1741 г. последовал сенатский указ «О заведении школы в Ставропольской крепости для обучения калмыцких детей русскому и калмыцкому языкам»⁴². Попечение об этой школе, созданной в Ставрополе (Ставрополе-на Волге, ныне – Тольятти), по предложению самого Ленкеевича, было возложено на самого способного из его учеников – протопопа Андрея Чубовского⁴³. Продолжив дело своего учителя, Чубовский опекал ставропольских крещеных калмыков на протяжении сорока лет.

17 июня 1734 г. Синод уволил архимандрита Никодима от миссионерской службы и направил в распоряжение архиепископа Киевского и Галицкого Рафаила. Позднее он стал настоятелем Харлампиевского Гамалеевского монастыря. Главой миссии после Ленкеевича стал архимандрит Мефодий, не имевший опыта миссионерской деятельности и не знавший калмыцкого языка⁴⁴.

* * *

После увольнения архимандрита Никодима резко снизилось качество работы миссии. В 1736 г. епископ Илларион информировал синодальные власти, что калмыки «после крещения как исповеди, так и Св. Тайн и при смерти не сподобляются и новорожденные младенцы у крещеных калмык без крещения помирают, а погребение как больших, так и малых, не исполняется и бросают (мертвых) по прежнему своему калмыцкому обычаю за неимением священников. За отсутствием священников и во всех прочих требах – не малая нужда <...> Между тем при новокрещеных по крайней нужде надлежит быть трем священникам, так как новокрещеные калмыки кочуют в разных местах»⁴⁵.

К тому времени постоянно пребывали при калмыцких кочевьях всего два члена миссии: священник Симеон Фадеев нес службу в улусах, кочевавших при Красном Яре, остальные находились на попечении школьника Якова Бестужева.

Синодальный указ об увеличении состава миссии не был исполнен, так как Астраханская губернская канцелярия не отпускала деньги, определенные на ее содержание и на жалованье. Не стали священниками А. Чубовский и И. Ляхов. Первого не отпускала губернская канцелярия, а второй объявил на исповеди, что был женат еще до поступления в духовную академию. В августе миссия лишилась последнего священника, проповедовавшего непосредственно в калмыцких улусах. За сожительство с крещеной калмычкой С. Фадеев был лишен духовного звания. К концу 1737 г., кроме архимандрита Мефодия, в православной миссии состояли всего три служителя: Андрей Чубовский (числившийся официально в миссии), Иван Ляхов и Яков Бестужев.

Новокрещеные калмыки, оставшиеся без миссионерского попечения, стали отходить от христианства. В справке, представленной 25 мая 1737 г. школьниками Ляховым и Бестужевым в Астраханскую епархию, отмечалось, что из калмыков, крестившихся в разное время, в «идолопоклонство совратилось» 532 кибитки, 907 мужчин и 687 женщин, всего – 1 594 человека⁴⁶.

Перевод православной миссии в Астрахань и последующая отставка Ленкеевича совпали с обострением политической обстановки в Калмыцком ханстве. П. Тайшин решился на открытое неповиновение ханской воле и поддержал вооруженное выступление двоюродного брата Дондук Омбо против хана Церен Дондука. Как позднее показал на допросе сам крещеный владелец, с Дондук Омбо они договорились поделить калмыцкое государство на две части, чтобы каждый из них своим ханством правил самостоятельно⁴⁷. 9 ноября 1731 г. Дондук Омбо и П. Тайшин, совместно с другими мятежными владельцами разбили ханское войско под Сасыколем.

Для усмирения бунтовщиков потребовалось военное вмешательство России. П. Тайшин был пленен в Красном Яру направленным против него с войском генерал-поручиком И.Ф. Барятинским и отправлен сначала в Царицын, где содержался в тюремном заточении, а затем в С.-Петербург. Дондук-Омбо сумел перехитрить Барятинского. Он пустил слух о намерении переправиться через Волгу и откочевать со своими улусами в Джунгарию, и уже после того, как русские отряды сосредоточились на волжских переправах, мятежный владелец с подвластными людьми ушел на Кубань, к враждовавшим с Россией кубанским татарам⁴⁸.

Не пользовавшийся авторитетом у подданных да к тому же злоупотреблявший алкоголем, Церен Дондук не оправдал надежд русских властей. В 1735 г. были восстановлены отношения с Дондук Омбо, и, по инициативе С.-Петербурга, он заменил Церен Дондука в должности наместника Калмыцкого ханства, а через два года за победы, одержанные против кубанских татар, был возведен в ханское достоинство.

Содержавшийся в С.-Петербурге на положении почетного пленника и потерявший все шансы не только на ханский престол, но и на возвращение в калмыцкие степи, Петр Тайшин обратился к Анне Иоанновне с покаянным письмом. Он просил императрицу передать ему в управление всех крещеных калмыков и выделить им для проживания земли внутри Российской империи. Это прошение послужило основанием для решения о поселении крещеных калмыков на Средней Волге⁴⁹.

После смерти П. Тайшина 23 декабря 1736 г. все права на управление крещеными калмыками императрица Анна Иоанновна передала своей крестнице, вдове Тайшина, Анне.

После почти двухлетних поисков подходящей местности под калмыцкое поселение начальник Оренбургской экспедиции В.Н. Татищев остановил свой выбор на урочище Кунья Воложка, располагавшемся на берегу Волги выше Самары. На этом месте в 1737 г. для калмыцкой княгини и ее зайсангов началось строительство крепости, при освящении 14 мая 1739 г. получившей название Ставрополь (Ставрополь-на-Волге). В прилегавших к Куньей Воложке окрестностях по берегам Сока, Кондурчи, Черемшана и других малых рек были намечены пункты для кочевья и поселения крещеных калмыков⁵⁰.

С образованием отдельного поселения крещеных калмыков возникла потребность в организации второй православной миссии. Руководить ею был вновь призван архимандрит Никодим Ленкеевич. В силу преклонных лет и слабого здоровья миссионерское служение старца Никодима продолжалось недолго. При нем в Куньей Воложке был освящен строящийся храм во имя Рождества Пресвятой Богородицы и произведена закладка соборной церкви. В 1739 г. Н. Ленкеевич «за старостью и дряхлостью» был отпущен в Михайловский монастырь Киевской епархии⁵¹, где скончался в 1740 г.

Итогом более чем десятилетней подвижнической деятельности Никодима Ленкеевича явилось формирование этноконфессиональной группы крещеных калмыков.

Им была разработана и внедрена методика перевода и проведения православного богослужения на калмыцком языке.

Он инициировал открытие первой миссионерской школы для обучения калмыцких детей.

Политика российского правительства, направленная на склонение калмыцкой знати к принятию христианства, не принесла ожидаемых результатов. Не был учтен в должной мере менталитет калмыцкого народа и влияние на него калмыцкого духовенства.

Ленкеевич первым, задолго до образования ставропольского поселения, обратил внимание правительства на необходимость переселения принимавших крещение калмыков во внутренние пределы Российского государства. Как следствие, в Калмыцком ханстве исчез очаг социальной напряженности, а Россия приобрела людские ресурсы для заселения пустующего пространства в Среднем Поволжье.

Стараниями Ленкеевича была обеспечена преемственность между первой и второй православными миссиями в Калмыкии.

Примечания (Endnotes)

- ¹ *Ефимов А.Б.* Миссионерство и роль Церкви в колонизации территорий. М., 1998. С. 4.
- ² *Гурий (Степанов А.П.)*. Первая православная миссия калмыков и ее историческая жизнь // Православный собеседник. 1914. № 2–4; *Гурий (Степанов А.П.)*. Забытая жатва: Миссионерская деятельность среди приволжских калмыков // Православный собеседник. 1915. № 1.
- ³ Национальный архив Республики Татарстан (НАРТ). Ф. 10. Оп. 2. Д. 1045, 1248, 1389.
- ⁴ *Доржиева Г.Ш.* Буддизм и христианство в Калмыкии: Опыт анализа религиозной политики правительства Российской империи (середина XVII – начало XX вв.). Элиста, 1995; *Есикова Е.М.* Миссионерская деятельность Русской православной церкви среди калмыков Оренбургской епархии (1859 – 1917 годы) // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 28. С. 134–141; *Белоусов С.С.* Основные этапы государственной политики в отношении Русской православной церкви в Калмыкии // *Magna adurgit: historia studiorum*. 2016. № 1. С. 111–118.

- ⁵ *Орлова К.В.* История христианизации калмыков: Середина XVII – начало XX в. М., 2006. С. 58.
- ⁶ НАРТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1389. Л. 445.
- ⁷ *Бакунин В.М.* Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и поступков их ханов и владельцев: Сочинение 1761 года. Элиста, 1995. С. 24.
- ⁸ Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска. Вып. VII. Оренбург, 1907. С. 17.
- ⁹ *Бакунин В.М.* Указ. соч. С. 25.
- ¹⁰ Отдел Рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 590. Оп. 1. Д. 152. Л. 15об.
- ¹¹ *Бакунин В.М.* Указ. соч. С. 40.
- ¹² Там же. С. 47.
- ¹³ Полное собрание законов Российской империи: Собрание 1-е. (ПСЗРИ-1). Т. VII. № 4427.
- ¹⁴ Там же. № 4492.
- ¹⁵ НАРТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1389. Л. 438.
- ¹⁶ Там же. Л. 439.
- ¹⁷ ПСЗРИ-1. Т. VII. № 4683.
- ¹⁸ *Бакунин В.М.* Указ. соч. С. 52–54.
- ¹⁹ ОР РНБ. Ф. 590. Д. 152. Л. 41об.
- ²⁰ НАРТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1389. Л. 447.
- ²¹ Там же. Л. 446.
- ²² *Гурий (Степанов А.П.)*. Первая православная миссия калмыков и ее историческая жизнь // Православный собеседник. 1914. № 2. С. 286.
- ²³ НАРК. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1248. Л. 26.
- ²⁴ *Гурий (Степанов А.П.)*. Первая православная миссия калмыков и ее историческая жизнь // Православный собеседник. 1914. № 2. С. 316, 317.
- ²⁵ НАРК. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1248. Л. 28.
- ²⁶ *Белоусов С.С.* Основные этапы государственной политики в отношении Русской православной церкви в Калмыкии // *Magna adurgit: historia studiorum*. 2016. № 1. С. 113.
- ²⁷ *Орлова К.В.* История христианизации калмыков: Середина XVII – начало XX в. М., 2006. С. 121.
- ²⁸ *Гурий (Степанов А.П.)*. Первая православная миссия калмыков и ее историческая жизнь // Православный собеседник. 1914. № 2. С. 310.
- ²⁹ *Орлова К.В.* История христианизации калмыков: Середина XVII – начало XX в. М., 2006. С. 121.
- ³⁰ *Бакунин В.М.* Указ. соч. С. 67.
- ³¹ НАРТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1248. Л. 29.
- ³² *Гурий (Степанов А.П.)*. Первая православная миссия калмыков и ее историческая жизнь // Православный собеседник. 1914. № 2. С. 322.
- ³³ *Гурий (Степанов А.П.)*. Первая православная миссия калмыков и ее историческая жизнь // Православный собеседник. 1914. № 2. С. 324.

- ³⁴ НАРТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1389. Л. 447.
- ³⁵ *Гурий (Степанов А.П.)*. Первая православная миссия калмыков и ее историческая жизнь // Православный собеседник. 1914. № 3. С. 440, 441.
- ³⁶ Там же. С. 442.
- ³⁷ НАРТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1389. Л. 448.
- ³⁸ Там же. Л. 449.
- ³⁹ *Гурий (Степанов А.П.)*. Первая православная миссия калмыков и ее историческая жизнь // Православный собеседник. 1914. № 3. С. 455.
- ⁴⁰ Там же. С. 464.
- ⁴¹ *Орлова К.В.* История христианизации калмыков: Середина XVII – начало XX в. М., 2006. С. 144.
- ⁴² ПСЗРИ-1. Т. XI. № 8394.
- ⁴³ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 248. Оп. 3. Кн. 148. Л. 621.
- ⁴⁴ *Гурий (Степанов А.П.)*. Первая православная миссия калмыков и ее историческая жизнь // Православный собеседник. 1914. № 3. С. 460, 462.
- ⁴⁵ *Гурий (Степанов А.П.)*. Первая православная миссия калмыков и ее историческая жизнь // Православный собеседник. 1914. № 3. С. 464.
- ⁴⁶ НАРТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1389. Л. 453.
- ⁴⁷ *Бакунин В.М.* Указ. соч. С. 88.
- ⁴⁸ *Пальмов Н.Н.* Материалы по истории калмыцкого народа за период пребывания в пределах России. Элиста, 2007. С. 16.
- ⁴⁹ *Орлова К.В.* История христианизации калмыков: Середина XVII – начало XX в. М., 2006. С. 56, 57.
- ⁵⁰ *Кузнецов В.А.* Иррегулярные войска Оренбургского края. Самара; Челябинск, 2008. С. 260–263.
- ⁵¹ *Орлова К.В.* История христианизации калмыков: Середина XVII – начало XX в. М., 2006. С. 68.

Авторы, аннотация, ключевые слова

Джунджузов Степан Викторович – докт. ист. наук, профессор Оренбургского государственного педагогического университета. Djund@yandex.ru

Любичанковский Сергей Валентинович – докт. ист. наук, профессор Оренбургского государственного педагогического университета. svlubich@yandex.ru

Авторы предлагают читателю статью, которая является первым специальным исследованием миссионерской деятельности Никодима Ленкеевича (1673 – 1740) по распространению христианства среди калмыков. Поляк по рождению и богослов по образованию, он стал служителем Русской православной церкви. Знание калмыцкого языка и миссионерской работы предопределили его судьбу:

в 1725–1734 гг. он возглавлял первую православную миссию в Калмыцком ханстве. В качестве источников привлечены ранее не использовавшиеся документы Национального архива Республики Татарстан и Отдела рукописей Российской национальной библиотеки (С.-Петербург). Источники свидетельствуют, что Российское правительство стремилось к быстрой христианизации калмыцкой знати для укрепления своего политического влияния в Калмыцком ханстве. Поэтому правительственные учреждения и местные власти Астраханской губернии, как и Русская православная церковь, оказывали финансовую, организационную и другую помощь православной миссии в Калмыкии. Однако миссионерская деятельность Ленкеевича и его помощников затруднялась активным сопротивлением, которое оказали христианизации калмыцкая знать и буддийское духовенство. Их враждебное отношение к православной миссии возрастало по мере роста численности крестившихся калмыков. В этих сложных условиях Ленкеевич и его помощники добились немалых успехов в своей миссионерской деятельности. Прежде всего, началось формирование этнической группы крещеных калмыков. Также началась очень сложная работа по переводу молитв и православного богослужения на калмыцкий язык. Была открыта первая миссионерская школа для калмыцких детей. Наконец, Ленкеевич первым обратил внимание российского правительства на безуспешность склонения к принятию христианства правителей Калмыцкого ханства и стал настаивать на переселении крещеных калмыков во внутренние пределы Российской империи.

Калмыкия, Калмыцкое ханство, калмыки, буддизм, христианство, православие, Русская православная церковь, православная миссия, миссионерство, обращение в христианство, крещение, крещеный калмык, Астрахань, А.П. Волынский, Н. Ленкеевич.

References (Articles from Scientific Journals)

1. Belousov S.S. Osnovnye etapy gosudarstvennoy politiki v otnoshenii Russkoy pravoslavnoy tserkvi v Kalmykii [The Main Stages of State Policy towards the Russian Orthodox Church in Kalmykia.]. *Magna adsurgit: historia studiorum*, 2016, no. 1, pp. 111–118. (In Russ.).

2. Esikova E.M. Missionerskaya deyatelnost Russkoy pravoslavnoy tserkvi sredi kalmykov Orenburgskoy eparkhii (1859 – 1917 gody) [The Missionary Activity of the Russian Orthodox Church among the Kalmyks of the Orenburg Eparchy (1859 – 1917).]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2009, no. 28, pp. 134–141. (In Russ.).

(Monographs)

3. Dordzhieva G.Sh. *Buddizm i khristianstvo v Kalmykii: Opyt analiza religioznoy politiki pravitelstva Rossiyskoy imperii (seredina XVII – nachalo XX vv.)* [Buddhism and Christianity in Kalmykia: An Analysis of the Russian Imperial Government's Religious Policy (mid-17th – beginning of 20th Centuries.)]. Elista, 1995, 126 p. (In Russ.).

4. Efimov A.B. *Missionerstvo i rol Tserkvi v kolonizatsii territoriy* [Missionary Work and the Russian Orthodox Church's Role in the Colonization of the Territories.]. Moscow, 1998, p. 4. (In Russ.).

5. Kuznetsov V.A. *Irregulyarnye voyska Orenburgskogo kraya* [The Irregular Troops of the Orenburg Region.]. Samara; Chelyabinsk, 2008, pp. 260–263. (In Russ.).

6. Orlova K.V. *Istoriya khristianizatsii kalmykov: Seredina XVII – nachalo XX v.* [The History of Kalmyk Christianization: Mid-17th to Early 20th Centuries.]. Moscow, 2006, pp. 56–58, 68, 121, 144.

7. Palmov N.N. *Materialy po istorii kalmytского naroda za period prebyvaniya v predelakh Rossii* [Materials on the History of the Kalmyk People during Their Sojourn in Russia.]. Elista, 2007, p. 16.

Authors, Abstract, Key words

Stepan V. Dzhundzhuzov – Doctor of History, Professor, Orenburg State Pedagogical University (Orenburg, Russia). Djund@yandex.ru

Sergey V. Lyubichankovskiy – Doctor of History, Professor, Orenburg State Pedagogical University (Orenburg, Russia). svlubich@yandex.ru

The authors offer the reader an article which is an original research of the missionary work of Nicodemus Lenkeevich (Lenkiewicz) (1673 – 1740) to disseminate Christianity among the Kalmyks. Being Polish by birth and a theologian by education, he became a priest in the Russian Orthodox Church. His knowledge of the Kalmyk language and missionary work determined his destiny: from 1725 to 1734 he headed the first Orthodox mission in the Kalmyk Khanate. The authors resorted to the previously unused sources, such as documents of the National Archives of the Republic of Tatarstan and the Manuscripts Department of the Russian National Library of Saint Petersburg. The sources indicate that the Russian government aimed to strengthen its political influence in the Kalmyk Khanate through the rapid Christianization of the Kalmyk nobility. Hence, public institutions and local authorities in the Astrakhan province as well as the Russian Orthodox Church rendered their financial, organizational and other assistance to the Orthodox mission in Kalmykia. However, the missionary efforts of Lenkeevich and his cohort faced an active resistance from the Kalmyk nobility and Buddhist clergy. Their hostility towards the Orthodox mission increased as the baptized

Kalmyks grew in number. In these hard conditions Lenkeevich and his aides made big progress in their missionary activity. First of all, the formation of the ethnic group of christened Kalmyks was launched. Also, the extremely difficult task of translating Orthodox prayers and church service into the Kalmyk language was undertaken. The first missionary school for Kalmyk children was opened. Finally, Lenkeevich was the first to make the Russian government realize that the efforts to convert the Kalmyk rulers to Christianity would end in failure and insisted on relocating the christened Kalmyks within the inner boundaries of the Russian Empire.

Kalmykia, Kalmyk Khanate, Kalmyks, Buddhism, Christianity, Orthodoxy, Russian Orthodox Church, Orthodox mission, missionary work, conversion to Christianity, baptism, baptized Kalmyk, Astrakhan (City of), Artemiy P. Volynskiy, Nicodemus Lenkeevich (Lenkiewicz).

Научное издание

Новый исторический вестник

Младший редактор Я.В. Юркина
Компьютерная верстка А.В. Надточенко

Лицензия ИД № 00843 от 25.01.2000
Свидетельство о регистрации СМИ № 77-7347
от 19 февраля 2001 г.

Подписано в печать 29.09.2017
Формат 60×90/16
Гарнитура Times New Roman
Печать офсетная. Усл. печ. л. 12
Тираж 1 500 экз.

Издательство Ипполитова
117513, Москва, Ленинский пр-т, д. 135, корп. 2
Телефон (495) 970-72-63
E-mail nivestnik@yandex.ru
Сайт www.nivestnik.ru